

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – зам. директора; Новосибирский государственный университет – гл. науч. сотр.; Россия)

Главный редактор серии

Л. Г. Панин, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет; Россия)

Члены совета

А. Н. Алексеев, д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова – гл. науч. сотр. научно-исследовательского центра «Алтайтану»; Казахстан)
Х. А. Амиранов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН – директор; Институт археологии РАН – зав. отделом каменной археологии; Россия)
С. А. Арутюнов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт этнологии и антропологии РАН – зав. отделом народов Кавказа; Россия)
Л. А. Бобров, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. археологии и этнографии; Россия)
В. П. Будогов, д-р ист. наук (Институт российской истории РАН – гл. науч. сотр. Центра изучения новейшей истории России и политологии; Россия)
Вакио Фудзимото, д-р наук, проф. (Осацкий университет экономики и права – президент; Япония)
Н. В. Вавмель-Сухадолник, д-р наук, проф. (Университет Любляны – доцент ф-та искусств; Словения)
Ван Вэй, акад. АОН КНР, чл.-корр. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии – профессор; КНР)
Ван Линь, д-р наук, проф. (Синьцзянский университет – директор Института иностранных языков, КНР)
А. В. Варенов, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)
Б. Виола, д-р наук, проф. (Университет Торонто – профессор каф. антропологии; Канада)
Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. востоковедения и зав. отделением востоковедения; Россия)
Д. Вулф, д-р наук, проф. (Университет Хоккайдо – профессор евразийской истории Центра славянских исследований; Япония)
И. В. Высоцкая, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – профессор каф. семиотики и дискурсного анализа; Россия)
Г. А. Гвоздович, канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет – доцент каф. стилистики и литературного редактирования Института журналистики; Белоруссия)
Т. Глазиц, д-р наук, проф. (Цюрихский университет – профессор; Швейцария)
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН – гл. науч. сотр.; Уральский федеральный университет – зав. каф. археологии и этнологии исторического ф-та; Россия)
А. Е. Демидчик, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – профессор каф. всеобщей истории; Россия)
Е. И. Дергачева-Скоп, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – зав. каф. древних литератур и литературного источниковедения; Россия)
А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – научный руководитель; Новосибирский государственный университет – зав. каф. всеобщей истории; Россия)
Л. В. Дериглазова, д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет – профессор каф. мировой политики; Россия)
В. Дёнингхаус, д-р наук, проф. (Университет Гамбурга – зам. директора Нордост-Института; Германия)
А. В. Дмитриев, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. отечественной истории; Россия)
Ж. Жюбер, д-р наук, проф. (Университет Бордо – профессор кафедры преистории; Франция)
Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук, проф. (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований; Россия)
О. Д. Журавель, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – декан ф-та журналистики; Институт истории СО РАН – ст. науч. сотр.; Россия)
А. С. Зувев, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – директор Гуманитарного института; Россия)
Г. Имполи, д-р наук (Болонский университет – зав. отд. русского языка и литературы; Италия)
Н. Н. Казанский, акад. РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН – директор; Санкт-Петербургский государственный университет – профессор; Россия)
Кан Инук, д-р наук, проф. (Университет Кен Хи – профессор исторического ф-та; Республика Корея)
О. Н. Катионов, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – директор Института истории, гуманитарного и социального образования; Россия)
А. К. Киклевич, д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет – руководитель Департамента социальной коммуникации Института журналистики и коммуникации; Польша)
С. А. Комиссаров, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – проф. каф. востоковедения, Институт археологии и этнографии СО РАН – ст. науч. сотр.; Россия)
С. В. Кондратьев, д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет – директор Института гуманитарных наук; Россия)
С. М. Коткин, д-р наук, проф. (Принстонский университет – профессор истории, директор программы российских, восточно-европейских и евразийских исследований; США)
Н. Б. Кошарева, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. общего и русского языкознания; Россия)
М. Е. Крацова, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет – профессор каф. философии и культурологии Востока; Россия)
Н. Н. Крадин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – зав. Центром политической антропологии; Дальневосточный федеральный университет – зав. каф. всеобщей истории, археологии и антропологии; Россия)
Р. М. Краузе, д-р наук, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте – профессор; Германия)
А. И. Кривошапкин, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. археологии и этнографии; Россия)
Б. Е. Кузнецов, акад. Нац. Академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева – профессор; Казахстан)
Н. В. Кутафеева, канд. филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)
А. С. Ларов, д-р ист. наук, проф. (Университет Париж-Сорбонна – профессор; Франция)
В. А. Ламин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН – директор; Россия)
Л. В. Лбова, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор; Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Россия)
Ли Хонджон, д-р наук, проф. (Национальный университет Mokpo – профессор ф-та археологии; Республика Корея)
Н. А. Лукьянова, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. общего и русского языкознания; Россия)
Л. Б. Матвеев, чл.-корр. Российской академии естествознания, д-р филол. наук, проф. (Ереванский государственный университет – профессор каф. русского языкознания, типологии и теории коммуникации; Армения)
И. А. Мельчук, д-р наук, проф. (Монреальский университет – почетный профессор ф-та лингвистики и перевода; Канада)
А. Н. Мецержков, д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет – профессор Института восточных культур и античности; Россия)
О. А. Митко, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – зав. сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований; Россия)
И.-Р. Мочник, д-р наук, проф. (Люблинский университет – профессор социологии философского ф-та; Словения)
А. Наслер, д-р наук (Германский археологический институт – науч. сотр.; Германия)
Ока Хироки, д-р наук, проф. (Университет Тохоку – директор Центра исследований Северо-Восточной Азии; Япония)
Г. Парцингер, д-р наук, проф. (Фонд Прусского культурного наследия – президент; Государственный музей Берлина – президент; Германия)
В. Н. Пластун, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. востоковедения; Россия)
Х. Плиссон, д-р наук, проф. (Университет Бордо-I – ведущий трасолог лаборатории РАСЕА; Франция)
П. Э. Подалко, д-р наук, проф. (Университет Аояма Гакуин – профессор ф-та международной политики, экономики и коммуникации; Япония)
Пэ Гидон, д-р археологии и антропологии, проф. (Университет Ханян – профессор отделения антропологии; Институт культурного наследия – директор; Институт археологии Восточной Азии – директор; Республика Корея)
П. Ратлэнд, д-р наук, проф. (Уэслианский университет – профессор отделения государственного управления; США)
Н. Н. Родионин, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – профессор каф. отечественной истории; Россия)
С. С. Самашев, д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана НАН Республики Казахстан – гл. науч. сотр.; Казахстан)
С. Ю. Сапрыкин, д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет – зав. каф. истории Древнего мира исторического факультета; Институт всеобщей истории РАН – вед. науч. сотр.; Россия)
Л. Н. Синякова, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. литературы XIX–XX вв.; Россия)
С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. (Новосибирский государственный университет – зав. лаб. гуманитарных исследований; Россия)
Дж. Смит, д-р наук, проф. (Лондонский университет – профессор исторической школы Колледжа королевы Марии; Великобритания)
Э. Стернотолу, д-р наук, проф. (Афинский национальный университет им. Каподистрии – руководитель отделения славистики; Греция)
К. Ш. Табалдиев, канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – профессор; Кыргызстан)

Ж. К. Таймагамбетов, чл.-корр. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Казахский национальный университет им. аль-Фараби – профессор; Национальный музей Казахстана – зам. директора по научной работе; Казахстан)

Такакура Хироки, д-р наук, проф. (Университет Тохоку – науч. сотр. Центра исследований Северо-Восточной Азии; Япония)

Такэда Масанао, д-р наук, проф. (Университет Хоккай Гакуэн – зав. каф. педагогики; Япония)

Тан Чун, д-р наук, проф. (Китайский университет Гонконга – директор Центра археологии и искусства Китая при историческом факультете; Токийский университет – профессор; КНР, Япония)

Фалькенхаузен Л. фон, д-р наук, проф. (Калифорнийский университет – профессор кафедры археологии и истории искусства Китая, директор Котценовского института; США)

Е. Л. Фролова, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)

Е. Ф. Фурсова, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

Т. Хайм, д-р наук (Оксфордский университет – зам. директора лаборатории радиоуглеродного анализа; Великобритания)

И. Халфин, д-р наук, проф. (Тель-Авивский университет – профессор каф. истории факультета гуманитарных наук; Израиль)

С. Хансен, д-р наук, проф. (Германский археологический институт – директор Евразийского отделения; Германия)

Я. Хохоровский, д-р наук, проф. (Ягеллонский университет – профессор; Польша)

Ю. С. Худяков, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

В. П. Чабай, чл.-корр. НАН Украины, д-р ист. наук (Институт археологии НАН Украины – гл. науч. сотр.; Киев)

Чжун Сукбэ, д-р наук, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея – профессор, рук. аспирантуры; Республика Корея)

Ю. В. Шатин, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – профессор кафедры русской литературы и теории литературы; Новосибирский государственный университет – профессор каф. теории и истории журналистики; Институт филологии СО РАН – науч. сотр. сектора литературоведения; Россия)

В. И. Шишкин, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН – зав. сектором истории общественно-политического развития; Новосибирский государственный университет – профессор каф. кафедры отечественной истории; Россия)

А. С. Шамова, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – ст. преподаватель кафедры востоковедения; Россия)

А. Х. Элерт, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН – зам. директора по науке, зав. сектором археографии и источниковедения; Россия)

П. Энгель, д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги – руководитель отдела реставрации; Австрия)

М. Юнге, д-р наук (Рурский университет – приват-доцент кафедры восточно-европейской истории исторического ф-та; Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА «ФИЛОЛОГИЯ»

Ответственные редакторы

Н. Б. Кошкарева, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. общего и русского языкознания; Россия)

Л. Н. Синякова, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. литературы XIX–XX вв.; Россия)

Ответственный секретарь

Н. А. Лукьянова, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. общего и русского языкознания; Россия)

Члены редколлегии

Т. Гланц, д-р наук, проф. (Цюрихский университет – профессор; Швейцария)

Е. И. Дергачева-Скоп, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – зав. каф. древних литератур и литературного источниковедения; Россия)

Г. Э. Имполи, д-р наук (Болонский университет – зав. отд. русского языка и литературы; Италия)

Н. Н. Казанский, акад. РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН – директор; Санкт-Петербургский государственный университет – профессор; Россия)

А. К. Киклевич, д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет – руководитель Департамента социальной коммуникации Института журналистики и коммуникации; Польша)

И. А. Мельчук, д-р наук, проф. (Монреальский университет – почетный профессор ф-та лингвистики и перевода; Канада)

Э. Стергиопулу, д-р наук, проф. (Афинский национальный университет им. Каподистрии – руководитель отделения славистики; Греция)

П. Энгель, д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги – руководитель отдела реставрации; Австрия)

ADVISORY BOARD OF THE SERIES «HISTORY, PHILOLOGY»

Chairman

V. I. Molodin, academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Deputy director; Novosibirsk State University – Chief Researcher; Russia)

Editor in Chief

L. G. Panin, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Dean of the Faculty of Humanities; Russia)

Board Members

A. N. Alekseenko, Doctor of History, Prof. (East Kazakhstan State University of S. Amanzholov – Chief Researcher, Altaitanu Research Center; Kazakhstan)
Kh. A. Amirkhanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of DSC RAS – Director; Institute of Archaeology of RAS – Head of the Department of Stone Age Archaeology; Russia)
S. A. Arutyunov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Anthropology and Ethnography of RAS – Head of the Department of the Caucasian Peoples; Russia)
L. A. Bobrov, Doctor of History (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)
V. P. Buldakov, Doctor of History (Institute of Russian History RAS – Chief Researcher of the Russia's Recent History and Political Science Study Center; Russia)
Wakio Fujimoto, Doctor of Sc., Prof. (Osaka University of Economics and Law – President; Japan)
N. V. Vampel-Suhadolnik, Doctor of Sc., Prof. (University of Ljubljana – Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Slovenia)
Wang Wei, Academician of Chinese Academy of Sciences, Corresponding member of the German Archaeological Institute, Doctor of History, Doctor of Literature, Prof. (Institute of Archaeology – Professor; China)
Wang Lin, Doctor of Sc., Prof. (Xinjiang University – Director of the Institute of Foreign Languages; China)
A. V. Varenov, Cand. of Historical Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
B. Viola, Doctor of Sc., Prof. (University of Toronto – Professor, Department of Anthropology; Canada)
E. E. Voytshchek, Doctor of History, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Oriental Studies; Russia)
D. Wolff, Doctor of Sc., Prof. (Hokkaido University – Professor of Eurasian History, Slavic Research Center; Japan)
I. V. Vysockaya, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Professor, Department of Semiotics and Discourse Analysis; Russia)
G. A. Gvozdochin, Cand. of Philological Sc., Docent (Belarusian State University – Associate Professor, Department of Stylistics and Literary Editing of the Institute of Journalism; Belarus)
T. Glantz, Doctor of Sc., Prof. (Zurich University – Professor; Switzerland)
A. V. Golovnev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History and Archaeology of UB RAS – Chief Researcher; Ural Federal University – Head of the Department of Archaeology and Ethnology of the History Faculty; Russia)
A. E. Demidchik, Doctor of History, Docent (Novosibirsk State University – Professor, Department of General History; Russia)
E. I. Dergacheva-Skop, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Head of the Department of Ancient Literature and Literary Source; Russia)
A. P. Derevyanko, Academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – academic adviser; Novosibirsk State University – Head of the Department of General History; Russia)
L. V. Deriglazova, Doctor of History, Prof. (Tomsk State University – Professor, Department of the World Politics; Russia)
V. Dönninghaus, Doctor of Sc., Prof. (University of Hamburg – Deputy Director of the North-East Institute; Germany)
A. V. Dmitriev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Russian History; Russia)
J. Joubert, Doctor of Sc., Prof. (University of Bordeaux – Professor of Prehistory; France)
N. I. Zhukovskaya, Doctor of History, Prof. (Institute of Anthropology and Ethnography RAS – Head of the Asian and Pacific Studies Center; Russia)
O. D. Zhuravel', Doctor of Philology, Docent (Institute of History of SB RAS – Senior Researcher; Novosibirsk State University – Dean of the Journalism Faculty; Russia)
A. S. Zuev, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University – Director of Humanity Institute; Russia)
G. E. Imposti, Doctor of Sc. (University of Bologna – Head of the Department of Russian Language and Literature; Italy)
N. N. Kazansky, Academician of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Linguistic Studies of RAS – Director; St. Petersburg State University – Professor; Russia)
Kang Inuk, Doctor of Sc., Prof. (Kyung Hee University – Professor, Faculty of History; Republic of Korea)
O. N. Kationov, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Director of the Institute of History, Humanities and Social Education; Russia)
A. K. Kiklevich, Doctor of Philology, Prof. (University of Warmia and Mazury – Head of the Department of Social Communication of the Institute of Journalism and Communication; Poland)
S. A. Komissarov, Cand. of Historical Sc., Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of Oriental Studies; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Senior Researcher; Russia)
S. V. Kondratiev, Doctor of History, Prof. (Tyumen State University – Director of the Human Sciences Institute; Russia)
S. Kotkin, Doctor of Sc., Prof. (Princeton University – Professor of History, Director of the Russian, East European and Eurasian Studies; USA)
N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Philology SB RAS – Chief researcher; Novosibirsk State University – Head of the Department of General and Russian Linguistics; Russia)
M. E. Kravtsova, Doctor of Philology, Prof. (St. Petersburg State University – Professor, Department of East Philosophy and Cultural Studies; Russia)
N. N. Kradin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS – Head of the Center of Political Anthropology; Far Eastern Federal University – Head of the Department of General History, Archaeology and Anthropology; Russia)
R. M. Krause, Doctor of Sc., Prof. (Goethe University, Frankfurt-am-Main – Professor; Germany)
A. I. Krivoschapkin, Doctor of History (Novosibirsk State University – Head of the Department of Archaeology and Ethnography; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Russia)
B. E. Kumeikov, Academician of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Eurasian National University of L. N. Gumilev – Professor; Kazakhstan)
N. V. Kutafyeva, Cand. of Philological Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
A. S. Lavrov, Doctor of History, Prof. (l'Université Paris-Sorbonne – Professor; France)
V. A. Lamin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History of SB RAS – Director; Russia)
L. V. Lbova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor; Russia)
Lee Heonjong, Doctor of Sc., Prof. (Mokpo National University – Professor, Department of Archaeology; Republic of Korea)
N. A. Luk'yanova, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of General and Russian linguistics; Russia)
L. B. Matevosyan, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Yerevan State University – Professor, Department of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication; Armenia)
I. A. Mel'chuk, Doctor of Sc., Prof. (University of Montreal – Honorary Professor, Faculty of Linguistics and Translation; Canada)
A. N. Meshcheryakov, Doctor of History, Prof. (Russian State Humanitarian University – Professor, Institute of Oriental Cultures and Antiquity; Russia)
O. A. Mit'ko, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Archaeology Section at the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)
J. R. Mochnik, Doctor of Sc., Prof. (University of Ljubljana – Professor, Faculty of Philosophy; Slovenia)
A. Nagler, Doctor of Sc. (German Archaeological Institute – Researcher; Germany)
Oka Hiroki, Doctor of Sc., Prof. (Tohoku University – Director of the Northeast Asian Studies Center; Japan)
H. Parzinger, Doctor of Sc., Prof. (Prussian Cultural Heritage Foundation – President; Berlin State Museum – President; Germany)
V. N. Plastun, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
H. Plisson, Doctor of Sc., Prof. (Université Bordeaux-I – Leading Researcher, PACEA Laboratory; France)
P. E. Podalko, Doctor of Sc., Prof. (Aoyama Gakuin University – Professor, Department of International Politics, Economics and Communication; Japan)
Bae Kidong, Doctor of Sc., Prof. (Hanyang University – Professor of Anthropology; Cultural Heritage Institute – Director; Institute of Archaeology of East Asia – Director; Republic of Korea)
P. Rutland, Doctor of Sc., Prof. (Wesleyan University – Professor, Department of Public Administration; USA)
N. N. Rodigina, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Professor, Department of Russian History; Russia)
Z. S. Samashev, Doctor of History, Prof. (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology – Chief Researcher; Kazakhstan)
S. Yu. Saprykin, Doctor of History, Prof. (Moscow State University – Head of the Department of Ancient World History; Institute of World History of RAS – Leading Researcher; Russia)
L. N. Sinyakova, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Contemporary Literature (19th–20th centuries); Russia)
S. G. Skobelev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)
J. Smele, Doctor of Sc., Prof. (University of London – Professor, Historical School of Queen Mary College; United Kingdom)
E. Stergiopoulou, Doctor of Sc., Prof. (Athens National University of Capodistria – Head of the Department of Slavonic Studies; Greece)
K. Sh. Tabaldiev, Cand. of Historical Sc., Prof. (Kyrgyz-Turkish Manas University – Professor; Kyrgyzstan)
Zh. K. Taimagambetov, Corresponding Member of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Al-Farabi Kazakh National University – Professor; Kazakhstan National Museum – Deputy Director for Science; Kazakhstan)
Takakura Hiroki, Doctor of Sc., Prof. (Tohoku University – Researcher, Northeast Asia Research Center; Japan)
Takeda Masanao, Doctor of Sc., Prof. (Hokkai Gakuin University – Head of the Pedagogy Department; Japan)
Tang Chung, Doctor of Sc., Prof. (University of Hong Kong – Director of the Chinese Art and Archaeology Center; Tokyo University – Professor; China, Japan)

L. von Falkenhausen, Doctor of Sc., Prof. (University of California – Professor, Department of Archaeology and History of Chinese Art; Cotsen Institute of Archaeology UCLA – Director; USA)

E. L. Frolova, Cand. of Historical Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)

E. F. Fursova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

T. Higham, Doctor of Sc. (Oxford University – Deputy Director of the Radiocarbon Dating Laboratory; United Kingdom)

I. Halfin, Doctor of Sc., Prof. (Tel Aviv University – Professor, Department of History, Faculty of Humanities; Israel)

S. Hansen, Doctor of Sc., Prof. (German Archaeological Institute – Director of the Eurasian Section; Germany)

J. Chochorowski, Doctor of Sc., Prof. (Jagiellonian University – Professor; Poland)

Yu. S. Khudiyakov, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Chief Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

V. P. Chabai, Corresponding Member of NAS Ukraine, Doctor of History (Ukraine Institute of Archaeology of NAS – Chief Researcher; Kiev)

Jung Sukbae, Doctor of Sc., Prof. (Korean National University of Cultural Heritage – Professor, Chief of Graduate Studies; Republic of Korea)

Yu. V. Shatin, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Professor, Department of Russian Literature and Literary Theory; Novosibirsk State University – Professor, Department of Theory and History of Journalism; Institute of Philology of SB RAS – Researcher, Literary Section; Russia)

V. I. Shishkin, Doctor of History, Prof. (Institute of History of SB RAS – Head of History of Social and Political Development Section; Novosibirsk State University – Professor, Department of Russian History; Russia)

A. S. Shmakova, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Senior Lecturer, Department of Oriental Studies; Russia)

A. Kh. Elert, Doctor of History (Institute of History of SB RAS – Deputy Director for Science, Head of the Department of Ancient Writing Source; Russia)

P. Engel, Doctor of Sc. (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration – Head of the Restoration Department; Austria)

M. Junge, Doctor of Sc. (Ruhr University – Assistant Professor, Department of Eastern European History, Faculty of History; Germany)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE «PHILOLOGY»

Executive Editors

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Philology SB RAS – Chief researcher; Novosibirsk State University – Head of the Department of General and Russian Linguistics; Russia)

L. N. Sinyakova, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Contemporary Literature (19th–20th centuries); Russia)

Executive Secretary

N. A. Luk'yanova, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of General and Russian linguistics; Russia)

Board Members

T. Glantz, Doctor of Sc., Prof. (Zurich University – Professor; Switzerland)

E. I. Dergacheva-Skop, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Head of the Department of Ancient Literature and Literary Source; Russia)

G. E. Imposti, Doctor of Sc. (University of Bologna – Head of the Department of Russian Language and Literature; Italy)

N. N. Kazansky, Academician of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Linguistic Studies of RAS – Director; St. Petersburg State University – Professor; Russia)

A. K. Kiklevich, Doctor of Philology, Prof. (University of Warmia and Mazury – Head of the Department of Social Communication of the Institute of Journalism and Communication; Poland)

I. A. Mel'chuk, Doctor of Sc., Prof. (University of Montreal – Honorary Professor, Faculty of Linguistics and Translation; Canada)

E. Stergiopulu, Doctor of Sc., Prof. (Athens National University of Capodistria – Head of the Department of Slavonic Studies; Greece)

P. Engel, Doctor of Sc. (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration – Head of the Restoration Department; Austria)

ВЕСТНИК НГУ

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: История, филология

2018. Том 17, № 2: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Ким И. Е., Янь Цинвэнь.</i> Антитеза «женщина и война» в фильме «...А зори здесь тихие»: языковые средства выражения	9
<i>Шагаева С. А.</i> Роль концептов <i>ВОЙНА</i> , <i>НАУКА</i> , <i>МУЗЫКА</i> в эволюции образа женщины в художественных произведениях И. Грековой	18
<i>Глазунова О. И.</i> Способы и средства выражения времени в предложно-падежной системе русского языка	28
<i>Ковалева Д. И.</i> Пополнение фонда междометий современного русского языка и критерии их классификации	39
<i>Горбунова Л. И.</i> Экспериментальный аспект категоризации материальной действительности	53
<i>Димитриева Е. В., Кузнецова Е. С.</i> Особенности выражения qualificативных категорий модуса в статьях журнала «Критика и семиотика» (в сопоставлении с естественнонаучными, физико-математическими текстами)	64
<i>Инютина Л. А., Смирнова О. В.</i> Семантические процессы в словообразовательном гнезде с корнем <i>-год-</i> в русском языке XI–XVII веков	71
<i>Подалко П. Э.</i> Русский язык в Японии: взгляд изнутри. Историко-культурный аспект и его влияние на особенности преподавания иностранных языков	79
<i>Куцаева М. В.</i> Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона	90
<i>Алмадакова Н. Д.</i> Долгий гласный [a] в именных словоформах телёсского говора улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте)	99
<i>Абжапарова М. Д.</i> Значение цветоименований в казахском языке в сравнении с алтайским, татарским, английским и русским языками	115
<i>Ююкина Л. В.</i> Формирование метонимического имени собственного в эпическом дискурсе	123
<i>Борисова Л. А.</i> Влияние фактора целевой аудитории на язык закона	129

Литературоведение

<i>Долгушин Д. В.</i> Секретарь В. А. Жуковского Василий Кальянов	138
<i>Синякова Л. Н.</i> Рассказ А. П. Чехова «Володя»: этическая телеология в антропологическом измерении	149
<i>Денисова Е. А.</i> Образ цветка сирени как часть растительной символики в сборнике стихотворений Тэффи «Семь огней»	155

Рецензии

<i>Белякова С. М.</i> Рецензия на книгу: А. А. Кретов, О. М. Воевудская, И. А. Меркулова, В. Т. Титов. Единство Европы по данным лексики (Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с.)	164
Сведения об авторах	167
Информация для авторов	168

VESTNIK NSU

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: History and Philology

2018. Volume 17, № 2: Philology

CONTENTS

Linguistics

<i>Kim I. E., Yan Q.</i> The Antithesis of «Woman and War» in the Movie ... <i>The Dawns Here Are Quiet</i> : Language Means of Expression	9
<i>Shagaeva S. A.</i> The <i>War, Science, Music</i> Concepts Significance for the Woman Image Evolution in I. Grekova Fiction	18
<i>Glazunova O. I.</i> The Ways and Means of Time Expressing in the Russian Noun Case System	28
<i>Kovaleva D. I.</i> Enrichment of Modern Russian Interjection Fund and Criteria of Their Classification	39
<i>Gorbunova L. I.</i> Experiential Aspect of Categorization of the Material World	53
<i>Dimitrieva E. V., Kuznetsova E. S.</i> Expression of Qualificative Modus Categories in Articles Published in <i>Critique and Semiotics</i> Journal (In Contrast with Articles on Mathematics and Natural Sciences)	64
<i>Inyutina L. A., Smirnova O. V.</i> Semantic Process in the Family of Words with the Root -zod- in the Russian Language of the 11–17 th Centuries	71
<i>Podalko P. E.</i> Russian Language in Japan: Insider's View. Historical and Cultural Problems Concerning Studying Russian Language in Japan	79
<i>Kutsaeva M. V.</i> Types of Bilingualism and Their Quantitative Distribution in the Moscow Region Diaspora Group (II)	90
<i>Almadakova N. D.</i> A Long Vowel Sound [a] in Nominal Word Forms of the Toles Sub-dialect in the Ulagan Dialect of the Telengit Language (A Comparative Aspect)	99
<i>Abzhaparova M. D.</i> Origin and Significance of Color Perception in Kazakh Language Compared with Altai, Tatar, English and Russian Languages	115
<i>Yuyukina L. V.</i> Generation of Metonymic Proper Name in the Epic Discourse	123
<i>Borisova L. A.</i> The Factor of Target Audience of a Legislative Text and Its Influence on the Language of Law	129

L i t e r a t u r e

<i>Dolgushin D. V.</i> V. A. Zhukovsky's Secretary Vasily Kalyanov	138
<i>Sinyakova L. N.</i> Ethics And Anthropology In A. P. Chekhov's Short Story «Volodya»: Analogies In Personal Conception	149
<i>Denisova E. A.</i> The Image of the Lilac Flower as Part of the Floral Symbolism in the Teffi's Collection of Poems «The Seven Lights»	155

R e v i e w s

<i>Belyakova S. M.</i> Book Review: A. A. Kretov, O. M. Voevudskaya, I. A. Merkulova, V. T. Titov. European Unity as Demonstrated by Lexis (Voronezh, VSU Publ., 2016, 412 p.)	164
Our Contributors	167
Instructions to Contributors	168

УДК 811.161.1.06

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-9-17

И. Е. Ким^{1,2}, Ц. Янь²

¹ Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

kimkim27601@gmail.com, yan.qingwen@yandex.ru

АНТИТЕЗА «ЖЕНЩИНА И ВОЙНА» В ФИЛЬМЕ «...А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ»: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Предметом данной статьи служат вербальные актуализации концептов *ЖЕНЩИНА* и *ВОЙНА* в кинотексте. Это ключевые концепты любой культуры, каждый из них по отдельности занимает важное место в ментальном мире человека, существует большое количество работ, посвященных каждому из них. Нас интересует их взаимодействие и способы выражения в языке. Цель статьи – обнаружить, в каких отношениях друг с другом находятся соответствующие концепты, и для этого найти и проанализировать их языковое выражение. Действие фильма «...А зори здесь тихие» происходит в начале Великой Отечественной войны. Произведение знакомит нас с главными героями, среди которых бывалый военный – старшина Васков, и пятеро девушек, каждая со своей историей, но всех их объединяет одно: все они теперь бойцы. В этой непривычной для женщины роли ярко и по-новому проявляются старые истины о женщине и о войне. Собранные языковые материалы позволят нам проанализировать языковое выражение концептов *ЖЕНЩИНА* и *ВОЙНА* на разных уровнях и показать взаимоотношения между ними.

Ключевые слова: антитеза, концепт *ЖЕНЩИНА*, концепт *ВОЙНА*, кинотекст, род существительного, грамматическое время.

Основной конфликт в фильме «...А зори здесь тихие» базируется на противопоставлении концептов *ЖЕНЩИНА* и *ВОЙНА*, именно через эту антитезу достигается трагизм произведения. Антитеза «Женщины» и «Войны» является неоднотонной. В ней реализуются два противопоставления: 1) мужского и женского начал и 2) войны и мира. Будем рассматривать их как вспомогательные противопоставления, позволяющие точнее интерпретировать основную антитезу.

Сюжетно антитеза реализуется во множестве эпизодов и в самой фабуле кинопроизведения (женщины погибают, выполняя несвойственную им функцию во время войны). Кроме того, в речи героев прямо обозначается несоответствие женщины и войны.

Приведем лингвистический анализ двух примеров.

Пример 1. <Кирьянова: *Знаете, товарищ старшина? Есть вопросы, на которые женщина отвечать не обязана.*> // Васков: *Нет, нету здесь женщин. Есть бойцы, есть командиры. Война идет! И куда она не кончится, все в среднем роде ходить будем.*

Ким И. Е., Янь Цинвэнь. Антитеза «женщина и война» в фильме «...А зори здесь тихие»: языковые средства выражения // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 9–17.

Стартовая реплика помкомвзвода Кирьяновой означает, что женщина может себе позволить не отвечать на вопросы, которые её смущают. А комендант Васков напоминает ей, что на войне нет разницы между женщиной и мужчиной, соответственно у женщин нет привилегий. В языковом плане противопоставление женщины и войны реализуется с помощью двух парадоксальных высказываний. Первое высказывание *Нету, нету здесь женщин* выражает пропозицию существования, осложненную припропозитивными смыслами негации (отрицанием в данном случае предикатной семантики, инкорпорированной в предикат существования) и интенсивности, выраженной повтором предиката. Поскольку существование не предполагает варьирования интенсивности, то в данном случае высокая степень интенсивности мнимая: вместо нее выражается столь же высокая степень категоричности, относимая Т. В. Шмелевой к социальным категориям модуса [Шмелева, 1994]. Категоричность также выражается с помощью инверсии, фигуры экспрессивности (ср. *Здесь нету женщин*). Высказывание об отсутствии в месте коммуникации (*здесь*) женщин в диалоге с собеседником-женщиной лишается истинностного смысла, если этот смысл интерпретировать как пропозицию существования. Это значит, что на самом деле мы имеем дело с пропозицией характеристики 'Наличие женского пола у человека в этой ситуации несущественно', что подтверждается не следующим высказыванием, также выражающим пропозицию существования, а последним высказыванием реплики Васкова: *<Война идет!> И покуда она не кончится, все в среднем роде ходить будем*.

Это последнее высказывание также парадоксально, а с точки зрения словоупотребления ошибочно. Ошибка героя является довольно распространенной и связана с отождествлением грамматического рода и пола, обозначаемого категорией рода. Это отождествление часто не преодолевается даже людьми с филологическим образованием, а для лиц без специального образования оно совершенно типично.

Парадоксальность же высказывания заключается в том, что герой отрицает половую принадлежность человека во время войны, причем радикально: отрицается принадлежность и к женскому, и к мужскому полу. Конечно же, по сюжету фильма Васков знает о половых различиях и учитывает их (более того, они составляют для него большую проблему при выполнении им текущих служебных обязанностей), но в такой парадоксальной форме он выражает важную для военного времени мысль: во время войны социальные отношения и социальная роль человека отодвигают на второй план отношения и стереотипы поведения, связанные с полом: *<Нету, нету здесь женщин.> Есть бойцы, есть командиры*. И снова герой использует инверсию: *И покуда она не кончится, все в среднем роде ходить будем* (ср. *...все будем ходить в среднем роде*).

Пример 2. <Васков:> ...Эх, бабы-бабы! Мужуку война – это как зайцу курево. А уж вам-то...

Говоря об отношении «женщина и война», Васков активно использует риторические приемы – тропы и фигуры. В данной реплике в первом высказывании используется сравнение в предикативной форме, а во второй фигура, именуемая апосиопезой, высказывание, прерванное таким образом, что общий смысл угадывается, но опущенное точное языковое выражение невозстановимо. Апосиопеза создает высокое эмоциональное напряжение. В такой иносказательной, эмоциональной и экспрессивной форме Васков выразил мысль, что война и мужчинам не нужна, а женщинам чужда тем более.

Два приведенных примера показывают, что автор (в кинопроизведении, драматическом по своей природе, это сложная комбинация «автор экранизируемого литературного произведения – сценарист (если не совпадает с автором) – режиссер – факультативно актер») словами героя показывает несовместимость и даже антагонизм войны и женщины.

Таким образом, позиция автора «Война и женщины несовместимы» задается всем сюжетом кинопроизведения, а также разными прямыми высказываниями главного героя – мужчины. Для удобства анализа антитезы «женщина и война» будем рассматривать языковые средства ее выражения, распределенные по двум группам: 1) лексические средства выражения; 2) морфологические (грамматические) средства выражения.

Лексические средства выражения

Рассмотрим первую группу средств выражения, являющуюся наиболее очевидной, – смысловое противопоставление рассматриваемых нами концептов в речи персонажей. Полагаем очевидным, что в кинотексте и общий объем языковых выражений, и, соответственно, количество слов и их употреблений, относящихся к разным тематическим группам (ТГ), значительно меньше, чем в исходном прозаическом тексте, поскольку авторский текст, помимо сюжетных трансформаций, компенсируется видеорядом и неречевым звуковым фоном. Поэтому количество слов в ТГ «война» и ТГ «женщина» невелико.

Тематическая группа слов *война* представлена 164 лексемами или описательными выражениями, относящимися к семантическим классам действие (66), лицо (40), предмет (29), сложный социальный субъект (14), место (7) ситуация (3), качество (3), чувство (2), знаковый объект (1).

К ТГ «женщина» относятся 95 слов, из них к семантическим классам лицо – 37, индивидуальный объект (собственное имя) – 25, действие – 10, предмет – 9, качество – 8, часть тела – 3, сложный социальный субъект, состояние и явление сложно определимого класса – по 1.

Отметим, что если в ТГ «война» наиболее часто представлены слова со значением действия, что характерно для группы с ситуативной ядерной семантикой, то для ТГ «женщина» наиболее частый семантический класс – лицо (37 нарицательных существительных и 25 женских собственных имен), что также вполне логично для группы с ядерной семантикой лица. Существенные расхождения также обнаруживаются в количестве лексем со значением сложных социальных субъектов (14/1) и качеств (3/8).

Представим результаты наших наблюдений (табл. 1).

Таблица 1

Лексические средства выражения антитезы «женщина и война»
в кинофильме «...А зори здесь тихие»

Семантический класс	Тематическая группа		
	Война	Женщина	Всего
Действие	66	10	76
Лицо	40	37	76
Предмет	29	9	38
Собственное имя	–	25	25
Сложный социальный субъект	14	1	15
Качество	3	8	11
Место	7	–	7
Ситуация	3	–	3
Часть тела	–	3	3
Чувство	2	–	2
Знаковый объект	1	–	1
Состояние	–	1	1
Явление сложно определимого класса	–	1	1
Всего	165	95	259

Зоны пересечения обнаруживаются:

а) в наименованиях лиц: *военнослужащий женского пола, зенитчица, солдатка, вдова героя, переводчица*;

б) в наименованиях предметов: *белье, бельишко*.

Область пересечения в наименованиях предметов минимальна, более интересную ситуацию представляют наименования лица. Два из пяти слов (*зенитчица, переводчица*) – назва-

ния военных специальностей, которые относятся к женскому роду и при этом не имеют стилистической окраски и негативных коннотаций во многом благодаря нейтральному суффиксу лица *-иц-*. Таким образом, антитеза реализуется внутри слова: термин, называющий военную специальность лица, приспособлен для наименования лиц женского пола. Заложено в термине напряжение отчасти снимается тем, что слово *зенитчица* обозначает функцию, не связанную с непосредственным контактом с противником, а термин *переводчица* обозначает небоевую военную специальность. Два других слова – наименования женщин по отношению к мужу-военному, что показывает отсутствие прямого столкновения женщины и войны. Однако трагизм аналитического наименования *вдова героя* связан с инкорпорированной семантикой смерти в слове *вдова*. И, наконец, пятое выражение – описательное, служащее для официального обозначения женщин на военной службе.

Интересны случаи взаимодействия слов, входящих в обе ТГ, в пределах одной реплики, расположенных рядом предложений, одного предложения предикативной единицы или даже словосочетания.

Приведем примеры прямого столкновения слов, относящихся к разным ТГ, в составе фрагментов от реплики до предикативной единицы (ПЕ).

1. Полная антитеза «война / мужчина» vs «мир / женщина».

Осянина: Ну зачем так? Все же понятно... **война**.

Васков: Пока **война** – понятно. А потом, когда **мир** будет? Будет понятно? Что ответить, когда спросят: что же это вы, **мужики**, **мам** наших от **пуля** сберечь не могли?

В данном эпизоде происходит разговор раненой Риты Осяниной и старшины Васкова. В реплике старшины мы можем увидеть все четыре члена противопоставления: с одной стороны, *война*, *пули* и *мужики*, которые должны иметь с этим дело; с другой – *мир* и *мамы*, которых надо *сберечь*. Здесь Васков указывает и на женское созидательное начало, и на ответственность мужчин за безопасность нынешних и следующих поколений, указывает на то, что ответственность мужчин за гибель женщин он не может списать даже на войну. Таким образом, антитеза реализована в виде «война / мужчина» vs «мир / женщина».

2. Пространственные отношения.

Майор: ...**женщина** на **фронте**, вы сами знаете, объект, так сказать, **пристального внимания**.

Концепт **ВОЙНА** реализован словом *фронт* ('передняя, обращенная к противнику, сторона боевого расположения войск или отдельной войсковой единицы' (воен.) [ТСРЯ]). Отметим, однако, что выражение *на фронте*, кроме значения пространственного отношения, имеет еще и значение отношения к событию [Ковязина, 2013. С. 6]. Концепт **ЖЕНЩИНА** реализован заглавным словом *женщина*. Женщина в зоне контакта с вражескими войсками, к тому же еще и участвующая в боевых действиях, представляет собой необычное явление, нетипичное для войны, и поэтому представляет собой *объект пристального внимания* (*пристальный* – 'сосредоточенный, напряженный' [ТСРЯ]). Пространственное соположение женщины и войны вызывает напряжение у лиц, облеченных властью.

Васков: «...все из-за вас [женщин]! Выселить, выселить весь **женский пол** из **прифронтовой полосы**. В Соловки!

В данной фразе концепт **ЖЕНЩИНА** реализован непосредственно, с использованием словосочетания *женский пол*, а концепт **ВОЙНА** – опосредованно, через выражение *прифронтовая полоса* (*прифронтовой* – находящийся вблизи фронта, примыкающий к линии фронта; *полоса* – в зн. район, пояс, зона [ТСРЯ]). Явный антагонизм концептов выражается в необходимости пространственного отделения женщин от места, где идет война. Конкретным мотивом автора реплики является недовольство тем, что женщины, в данном случае гражданские, мешают солдатам нести службу, разрушают дисциплину. Важным штрихом здесь является обвинительная окраска реплики: Васков полагает логичным выселить женщин «в Соловки», т. е. Соловецкий монастырь, который с XVI в. являлся местом ссылки и заточения [Словарь

литературных типов, 1908–1914], а при советской власти там же до 1939 г. находился Соловецкий лагерь для заключенных¹.

3. Предназначение женщины и война.

3.1. Предназначение женщины и воинская профессия.

Кириянова: *Хорошо Осяниной. Она и замужем успела побывать, и родила. А я с 18 лет в этой шкуре. Мне ведь тоже...*

Старший сержант Кириянова из всех женских персонажей несет военную службу дольше всех, имеет самое высокое звание, является командиром зенитчиц. На основании этого логично предположить, что она выбрала военную службу неслучайно, что ее устраивает жизнь и быт военного. Однако в рассматриваемой нами сцене, где Кириянова плачет и произносит приведенную выше реплику, мы видим, что в ее жизни, как и у всех женских персонажей, проявляются признаки антитезы «женщина / война». Проявлением концепта *ЖЕНЩИНА* в данной реплике является обозначение социальных функций женщины: замужество и рождение детей. Проявлением «войны» здесь является солдатская служба, «быть в шкуре» военного для Кирияновой невыносимо (*быть в шкуре* – быть, находиться в положении кого-л. (обычно – незavidном)) [Мокиенко, Никитина, 2007].

3.2. Предназначение женщины (рождение, созидание жизни) и смерть.

Сцена прощания с Соней Гурвич.

Васков: *Да... Стихи читала. А главное, детишек могла бы нарожать. А они бы – внуков и правнуков. И не оборвалась бы ниточка. А они [фашисты] по этой ниточке ножом...*

В рассматриваемой реплике вновь противопоставляются социальная роль женщины – материнство, рождение и воспитание детей – и смерть на войне, прерывающая «ниточку» поколений.

4. Тело и одежда.

Кириянова: [про Комелькову] *Такую фигуру в обмундирование паковать.*

Сцена в бане, где девушки восхищаются красотой Евгении Комельковой, показывает, насколько для девушек важен внешний вид. И реплика Кирияновой здесь усиливает это впечатление, противопоставляя военную службу (сухое, безэмоциональное, официальное слово *обмундирование*) красоте фигуры Комельковой (в выражении *такáя фигура* на первом слове стоит интонационное ударение, которое показывает, что слово *такой* в данном случае имеет значение высокой положительной оценки).

Морфологические (грамматические) средства выражения

Второй уровень, реализующий противопоставление «женщина» и «война», морфологический. На этом уровне противопоставление мужского и женского начал, войны и мира получает грамматическое выражение. Мужское и женское выражаются с помощью категории рода, а различие мира и войны – с помощью противопоставления неактуального настоящего, характеризующего войну, и неактуального прошедшего и будущего, связанных с реальным прошлым и гипотетическим будущим.

Категория рода как средство выражения различий между женским и мужским актуальна для существительных со значением лица. Распределение наименований лиц, относящихся к тематическим группам, см. в табл. 2.

¹ <http://solovki-monastyr.ru/abbey/soviet-period/slon/>

Таблица 2

Распределение наименований лиц
по тематическим группам

Род	Тематическая группа		
	Война	Женщина	Итого
Женский	4	30	34
Мужской	36	7	43
Всего	40	37	77

Как видим, соотношение существительных со значением лица в двух ТГ прямо противоположно: в ТГ «Война» абсолютное большинство составляет мужской род, а в ТГ «Женщина» – женский.

Для иллюстрации рассмотрим короткий диалог:

Васков: *Зенитчики, между прочим, по хатам жили!*

Осянина: *Так то зенитчики, а мы – зенитчицы.*

В данном случае различие между мужчинами и женщинами показано с помощью грамматического рода: *зенитчики* (м. р.), которые расквартировывались по домам местных жителей, противопоставляются *зенитчицам* (ж. р.), живущим совместно в казарме.

Интересна грамматическая интерпретация половой унификации военнослужащих в речи старшины Васкова:

Васков: *Нету, нету здесь женщин. Есть бойцы, есть командиры. Война идет! И покада она не кончится, все в среднем роде ходить будем.*

Васков. *Лежать, пока лично «огонь!» не скомандую. А то не посмотрю, что женский род.*

Эти реплики показывают нам, что Васков осознанно стремится сгладить половые различия в общении с девушками-солдатами. В первую очередь он стремится выстроить общение командира с бойцами, которые все «ходят в среднем роде», т. е. на первом плане стоит военная служба, а половые различия отодвинуты на задний план.

Отдельно стоит рассмотреть употребление в речи персонажей существительных мужского рода при обращении к женщинам-солдатам:

А теперь, товарищи бойцы [обращение к девушкам], ступайте к своему командиру [к Кирьяновой] и доложите, что комендант арестовал вас на трое суток за нарушение режима в прифронтовой полосе.

Стучать надо, когда в помещение входите, товарищ старший сержант [обращение к Кирьяновой].

Ср. также обращения: *младший сержант Осянина, командир отделения Осянина, боец Комелькова, боец Гурвич* и т. п.

Приведенные примеры также подтверждают высказанную выше мысль о фиксации внимания главных героев, прежде всего старшины Васкова, на военной службе и официальном статусе солдат и командиров. Кроме того, мы видим родовую несогласованность обращений к женским персонажам: *боец* (м. р.) *Комелькова* (ж. р.); *младший сержант* (м. р.) *Осянина* (ж. р.). Это связано не только с нарочитым избеганием персонажами женских признаков солдата, но также и с историческим развитием русского языка. Согласно В. В. Виноградову, «грамматической базой, отправным пунктом родовых различий имен является в современном русском языке мужской род» [1986. С. 68]. Иными словами, применение мужского рода к ряду имен существительных является исторически сложившейся нормой и не является специальным авторским приемом, хотя и позволяет подчеркнуть драматизм судьбы женщины-солдата. В. В. Виноградов так описывает отражение действительности в категории рода:

«...слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке – его социальную, профессиональную и иную квалификацию – независимо от пола... Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую дифференциацию особей» [Там же. С. 66].

Многие профессии, в том числе и военные, ранее были исключительно мужскими. Это положение отразилось в языке таким образом, что для солдат-женщин в русском языке нет отдельного слова, соответствующего их полу. Например, солдат женского пола тоже называется *солдат*² (ср. СОЛДАТКА, солдатки, жен. Женщина (обычно о крестьянке), муж которой служит в солдатах [ТСРЯ]).

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном русском языке нет устоявшихся наименований для ряда военных специальностей применительно к женщинам, что формирует представление о системном несоответствии женщин и военных профессий.

Категория времени. Еще одной гранью антитезы является противопоставление, выраженное в кинотексте через категорию времени. В произведении встречаются реплики персонажей, в которых усматривается антитеза «война» – «мир». Рассмотрим некоторые примеры.

Осянина: *Ну зачем так? Все же понятно... война.*

Васков: *Пока война* (неактуальное настоящее) – *понятно. А потом, когда мир* будет (неактуальное будущее)? *Будет понятно? Что ответить, когда спросят* (неактуальное будущее): *что же это вы, мужики, мам наших от пуля сберечь не могли?*

В этом примере категория времени является базисом конфликта: неактуальное настоящее привязано к войне, а мир связан с неактуальным будущим.

Бричкина: *А по весне открытку прислал: «Тебе надо учиться, Лиза. Приезжай в августе в город. Устрою в техникум с общежитием». Это в прошлом, в 41-м году было.*

Осянина: *Ты верь, Лиза, обязательно верь. Может, и верно, счастье рядом ходит. И придет оно к тебе завтра. Только обратной дороги к нему нет.*

В этом примере присутствуют все граммы категории времени: прошедшее (*прислал, было*), настоящее (*ходит*) и будущее (*придет*). Маркерами неактуального масштаба времени служат слова *прошлый* (год) и *завтра*. При этом надежда на лучшее, потенциал развития в прошлом уже утрачен, «обратной дороги к нему нет» – война уже уничтожила эти возможности. Теперь они остаются только в будущем.

Гурвич: *В Минске мои родители. Я в Москве училась, готовилась к сессии, а тут...*

Здесь мы снова сталкиваемся с моментом наступления войны, которая коренным образом меняет все обстоятельства и само течение времени. Вся предыдущая жизнь (*училась, готовилась*) прекращается в том виде, в котором она была, и продолжается уже в новом состоянии, в состоянии войны. И в этом бедственном положении вещей совсем иной смысл приобретает фраза *В Минске мои родители*.

Итак, в большинстве фильмов о войне главными героями выступают мужчины, и в «мужских» фильмах о войне повествование строится иначе, чем в фильме «...А зори здесь тихие». Центр тяжести в таких фильмах часто смещен от личности к таким понятиям, как долг, честь, мужество, тактические и технические стороны ведения боевых действий; война рассматривается как процесс, как тяжелая мужская доля. В фильме «...А зори здесь тихие» содержание «мужских» фильмов о войне если не отсутствует, то является инструментом, контрастно усиливающим антитезу «женщина» и «война», что позволяет явственно отобразить черты того и другого концептов.

Антитеза на уровне центрального конфликта фильма заключается в соединении двух членов антитезы в одном субъекте, а именно несение женщинами военной службы. Тот факт,

² В отличие от наименований лиц по отношению к военной службе, слова, обозначающие гражданские социальные статусы, имеют пару мужского и женского рода, при этом слово женского рода маркировано стилистически или семантически: *директор* – *директриса* (недобр.), *учитель* – *учительница* (только о профессии), *студент* – *студентка* (нет стилистического или семантического своеобразия).

что главный герой фильма – мужчина (старшина Васков), позволяет увидеть со стороны противоречие, заложенное в позиции солдата-женщины.

Список литературы

- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
- Ковязина Н. В. Социальная семантика в высказываниях со значением движения и местоположения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2013. 23 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
- Словарь литературных типов: В 7 т. / Общ. ред. Н. Д. Носкова. Пг.: Восток, 1908–1914.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М.: Сов. Энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
- Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 4 с.

Материал поступил в редколлегию 15.02.2018

I. E. Kim^{1,2}, Q. Yan²

¹ Institute of Philology SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

kim@philology.nsu.ru, yan.qingwen@yandex.ru

THE ANTITHESIS OF «WOMAN AND WAR» IN THE MOVIE ...*THE DAWNS HERE ARE QUIET*: LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION

The subject of this paper is the verbal actualizations of the concepts *WOMAN* and *WAR* in the movie text. *WAR* and *WOMAN* are the key concepts of any culture; each of them takes an important place in the human mental world, and a lot of works devoted to each of them in the Russian linguistics. We are primarily interested in their interaction and language expression. The purpose of the article is to find out the kind of relations of the corresponding concepts to each other, to find and analyze their linguistic expression.

The plot of the movie ...*The Dawns Here Are Quiet* takes place during the early years of the Great Patriotic War. The story introduces us to the main characters, among them a veteran military officer – Sergeant Vaskov, and five young women, each with a different story, but they all have one thing in common – they are all soldiers now. In this unusual role for women, the old truths about women and war stand out brightly and in a new way. Collected linguistic material allows us to analyze the linguistic expression of the concepts *WOMAN* and *WAR* at different levels and to show the relationship between them.

The contraposition of women and war is not uniform; it includes two contrapositions: «woman» / «man»; «peace» / «war». These auxiliary oppositions can be seen in grammar, in categories of gender and time.

At the lexicon level, the antithesis «woman» vs «war» is manifested by comparing the thematic groups «woman» (95 words) and «war» (164 words). The zone of intersection of these thematic groups is very small and includes literally seven words belonging to two nominative classes: names of persons: a female soldier (m.), an anti-aircraft gunner (f.), a soldier-wife, a widow of a hero, an interpreter (f.); and the names of items: linen, *beliishko* 'little linen'.

At the level of grammar, the asymmetry of the male and female genders in the designation of persons is actualized. In Russian, words of the feminine gender usually denote females, and masculine words denote a person outside his sex differences. Therefore, the nomination of female workers by name is associated with the emphasis on their gender, and the designation of a military rank or military post ignores their female identity. The protagonist of the film, Sergeant Vaskov, expresses this particular trait of military service in a retort: *Netu, netu zdes' zhenshchin. Yest' boytsy, yest' komandiry. Voyna idet! I pokuda ona ne konchitsya, vse v srednem rode khodit' budem* 'No, there are no women here. There are soldiers, there are commanders. The war is on! And before it is over, everybody will be genderless'.

Keywords: antithesis, concept 'woman', concept 'war', film text, noun gender, tense.

References

Kovyazina N. V. Sotsial'naya semantika v vyskazyvaniyakh so znacheniyem dvizheniya i mestopolozheniya v sovremennom russkom yazyke [Social semantics in utterances with the meaning of movement and location in the Modern Russian]. Dr. Phil. Sci. Diss. Abakan, 2013. (in Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok [The big dictionary of Russian sayings]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2007. 784 p. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk, 1994. (in Russ.)

Slovar' literaturnykh tipov [The dictionary of literary types]. In 7 vols. Ed. By N. D. Noskov. Petrograd, Vskhody Publ., 1908–1914. (in Russ.)

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. Eds. B. M. Volin, D. N. Ushakov. Moscow, 1935–1940. (in Russ.)

Vinogradov V. V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language: Grammatical theory of the word]. Moscow, 1986. (in Russ.)

С. А. Шагаева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

philology@gf.nsu.ru

**РОЛЬ КОНЦЕПТОВ *ВОЙНА, НАУКА, МУЗЫКА*
В ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. ГРЕКОВОЙ**

Концепт *ЖЕНЩИНА* – один из базовых в русской лингвокультуре. Неслучайно женский характер и его эволюция становятся предметом изучения ученых-гуманитариев (В. В. Виноградов, М. Ю. Лотман, В. Н. Кардапольцева, О. А. Чибышева и др.). Изменение статуса женщины находит отражение и в художественных текстах советского периода, к которым в частности относятся произведения И. Грековой (1907-2002). В статье представлен филологический анализ женской прозы, повествующей о событиях 1940-1980-х гг. с ретроспективой к началу XX в. Основное внимание уделяется изменению социального положения русской женщины, которая из бесправной хранительницы домашнего очага превращается в полноценного члена общества. Эти изменения обусловлены историческими событиями (Октябрьская революция, Великая Отечественная война) и накладывают отпечаток как на внешность, так и на внутренний мир женских персонажей И. Грековой. Концепты *МУЗЫКА, ВОЙНА, НАУКА*, важные в авторской картине мира, помогают раскрыть признаки ключевого концепта *ЖЕНЩИНА*. Война меняет характер и физиологию героинь, добавляет им мужественности, музыкальность облагораживает социум, а «приобретенный» интеллект уравнивает женщину с мужчиной в сфере научной деятельности.

Ключевые слова: концепт, картина мира, женщина, война, наука, музыка.

Каждое художественное произведение является отражением реальности, такой какой ее видит автор. Литературный текст аккумулирует персональный опыт автора, его взгляды на жизнь, мироощущение и репрезентирует их через набор художественных концептов, обрамленных в словесную форму и представляющих собой «единицы... картины мира, имеющие эстетическую сущность и образные средства выражения, обусловленные авторским замыслом» [Болотнова, 2007].

Тексты И. Грековой – это традиционная советская проза: она написана женщиной о женщинах и для женщин (с 1962 по 1995 гг.). Жизненный опыт автора частично воплощен в героинях-рассказчицах, потому что повествование ведется преимущественно от первого лица. Все «рассказчицы» И. Грековой обнаруживают типологическое сходство: они, как правило, неопределенного возраста, имеют высшее (главным образом, техническое) образование и высокий социально-профессиональный статус; по жизненному целеполаганию – карьеристки, нередко в ущерб супружеству и материнству.

Хронотоп произведений И. Грековой приблизительно соответствует биографическому времени автора (1907-2002). Художественные сюжеты ее произведений соотносятся с разными событиями в жизни страны, которые выстраиваются в хронологию:

1) революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг. – они находят отражение в детских воспоминаниях главных героев;

2) Великая Отечественная война (1941–1945) – это суровое время, когда формируются и «закаляются» характеры персонажей;

3) послевоенный период, «отравленный» негативными последствиями войны, массовой гибелью мужчин, которых вынужденно и повсеместно (т. е. во всех сферах: семья, промышленное производство, восстановление страны из руин) «замещают» одинокие женщины-матери.

Базовым концептом прозы И. Грековой, безусловно, является концепт *ЖЕНЩИНА*, трансформированный в художественном пространстве в соответствии с индивидуальной (авторской) картиной мира. Героини И. Грековой – это **женщины науки**, профессиональные интеллектуалки / квалифицированные работницы интеллектуального фронта; **матери**, занимающиеся воспитанием детей; **жены**, беспрекословно подчиняющиеся воле мужей; **вдовы**, на долю которых выпала задача восстановления страны в послевоенное время.

Концепт *ЖЕНЩИНА*, наряду с концептами *МУЖЧИНА* и *ЧЕЛОВЕК*, является одним из базовых в любой лингвокультуре, что отчасти объясняется антропоцентризмом языка и культуры: люди на протяжении веков пытаются осознать и обозначить языковыми средствами себя как часть мира и социума. В русской лингвокультуре данный концепт имеет особое значение. Неслучайно в его номинативном поле объективируются самые разные характеристики женщины: **внешность** (ее биологические особенности, возраст, внешний вид, сексуальная привлекательность), **внутренний мир** (психологические характеристики, морально-нравственные качества, интеллектуальные способности) и **положение в социальной иерархии** индивидов (семья, окружение, а также социально значимая деятельность) [Чибисева, 2005].

Исторические трансформации концепта обусловлены изменением правового статус-кво женщины. В диахронии образ женщины отождествлялся с «хтоническим чудовищем» и «воплощением хаоса» (Лотман, цит. по: [Кардапольцева, 2000]), с одной стороны, с другой – с богиней плодородия и матерью-землей. На синхронном отрезке, отраженном в прозе И. Грековой (1940–1980-е гг.) «женщина-функция» (бесправная хозяйка, хранительница очага) стала вполне самостоятельной и равной мужчине.

Изучение различных культурных фактов позволяет констатировать «двойственность» образа женщины как специфическую константу. В отечественных и зарубежных исследованиях представлено множество классификаций женских образов на материале разных национальных культур. В. Н. Кардапольцева в монографии «Женские лики России» [2000] дает обзор типологий Ю. М. Лотмана, Н. К. Нунана, а также предлагает собственную – на основе анализа произведений (живописи и литературы) русской культуры.

По мнению В. Н. Кардапольцевой, все женские образы более или менее строго можно разделить на три типа, каждому из которых соответствует определенный набор признаков:

1) **традиционные женщины** – добрые, радушные, хлебосольные хозяйки, альтруистичные, способные жертвовать собой во имя другого человека (как правило, мужчины – отца, мужа, сына), часто несчастные, с трудной судьбой;

2) **героини** – отчаянные и самозабвенные женщины, проявляющие максимальную жертвенность в сложных жизненных ситуациях (например, на войне), в мирное время ни в чем не уступают мужчинам (поэтому граница между мужским и женским началом стирается), проявляют деловые качества, могут быть властными и авторитарными; женщин-героинь часто называют *трудоюга, работага, свой парень, полумужчина*;

3) **демонические женщины, музы** – внешне прекрасные представительницы слабого пола, которые часто поступают наперекор логике, не следуют общепризнанным правилам, являются разрушительницами судеб, им опасно доверять [Кардапольцева, 2000].

В «прокрустово ложе» этой типологии, по признанию исследователя, строго не укладывается ни один художественный (шире культурный) образ русской женщины. Выделенные типы скорее описывают доминантные черты, оставляя за скобками частности. Универсальность предложенной В. Н. Кардапольцевой классификации подтверждается тем, что художественные образы женщин, воплощенные И. Грековой, соответствуют выделенным типам или соединяют их черты.

В ходе проведенного филологического анализа текстов И. Грековой было установлено, что концепт *ЖЕНЩИНА* является ключевым для прозы автора, хотя «женская тема» вынесе-

на в заглавие только в двух ее произведениях: «Хозяйка гостиницы» (1975) и «Вдовый пароход» (1981), а также имеет косвенную отсылку в названии повести «Дамский мастер» (1962).

Наряду с концептом *ЖЕНЩИНА* в повестях и рассказах И. Грековой не менее значимы и другие – *ВОЙНА*, *НАУКА* и *МУЗЫКА*. **Военные события** обусловили основные черты женщин этого времени – сильных, мужественных, работоспособных, – которые воплощены в художественных образах И. Грековой. **Научная деятельность** обуславливает социальную роль героинь, их равенство мужчине по интеллекту и степени отдаче работе, «долгу службы». **Отношение к музыке** (профессиональное или любительское, трепетно-любовное или сугубо отрицательное) свидетельствует об определенных внутренних качествах героинь. Такая связь обуславливает возможность анализа концепта *ЖЕНЩИНА* через призму названных концептов.

Исторический контекст во многом определяет характер литературных персонажей. Для произведений И. Грековой таким контекстом являются Октябрьская революция, Гражданская война, Великая Отечественная война и послевоенный период, которые формируют своеобразную «историческую ось». Она, в свою очередь, обуславливает типологические черты женских персонажей, которые можно соотнести с определенными культурно-историческими типами (по классификации В. Н. Кардапольцевой).

Так, героини дореволюционного периода воплощаются в образах **традиционного типа**. На передний план выходит их социальная роль – функция жены, хозяйки дома и матери. В этой роли женщина проявляет жертвенную самоотдачу по отношению к детям и мужу: она занимается бытовыми проблемами и воспитанием детей. Отметим, что в прозе И. Грековой «традиционные женщины» не имеют строгой социальной маркированности: они встречаются в интеллигентской, рабочей и крестьянской среде. И если социальный статус обусловлен их положением в кругу семьи (мать, жена, хозяйка) и ограничен им же, то внутренний мир и внешность этих героинь от данного фактора не зависят.

«Интеллигентные» матери отличаются утонченной красотой (они стройны и изящны) и физической слабостью. По своим способностям и «предназначению» они близки к литературному типу барышень XIX столетия: они начитанны, имеют музыкальный слух, поют, играют на музыкальных инструментах, дают уроки. Главная обязанность такой матери – домашнее воспитание и образование детей.

Присутствие в доме инструмента (рояля или пианино) становится маркером высокого социального статуса семьи (если в доме есть пианино, значит, хозяева – *буржуи*). В обязательный репертуар для музыкальных занятий входит классика (*Чайковский*, *Бетховен*, *Бах* и др.), без которой невозможно воспитать ребенка как «гармонично развитую личность».

Эти женщины буквально живут музыкой и даже сравнимы с нею по красоте, легкости, а также ценности в жизни человека: *Сравнить музыку можно было только с мамой. Маму он любил бесконечно* («Фазан», 1984). В круг домашних традиций входит семейное пение, танцы и сочинительство собственных мелодий с причудливыми и замысловатыми мотивами: *мотив с завитушками* («Фазан», 1984). В интеллигентной семье мать создает уютную домашнюю атмосферу, она – «смеющийся дух», душа семьи, ее муза и вдохновение.

В рабочей семье женщина – существо, напротив, приземленное и придавленное заботами. Ее портрет более натуралистичен. Материнство и одновременно тяжелый физический труд уродуют внешность женщины: *тяжелая, подурневшая; большой, неудобный в носке живот; натруженные красные руки* («Хозяйка гостиницы», 1975; «Вдовый пароход», 1979). В таких персонажах сочетаются признаки **традиционного** и **героического** типов. «Героическое», бесспорно, проявляется в мужественном характере таких женщин, в их физической выносливости. Несмотря на то что их интеллектуальные способности весьма ограничены (часто не умеют ни читать, ни писать, не обучены музыке, не разбираются в ней), «рабочие» матери занимаются детьми, передают свой жизненный опыт, поэтому учат их «выживать»: стойко переносить трудности, работать в поте лица, чтобы достичь благополучия. На таких женщинах дом (в прямом и фигуральном смысле) держится, как на физической опоре: *Видно, всю жизнь не ему меня, а мне его кормить. Стала своими трудами кормить и мужа, и себя, и дочку* («Хозяйка гостиницы», 1975).

Музыка в жизни женщин-работниц тоже есть, но совсем другая: народные («Мой миленький дружок») и популярные («Светит месяц») песни, частушки, которые исполняются вжи-

вую, под гитару, или звучат по радио. Инструмент, в отличие от «аристократичного» рояля, более простой, народный, *гитара* или *балалайка*, доступный и понятный простому русскому человеку. В таких семьях «звуковоспроизводящая» техника (*радиоприемники, граммофоны, проигрыватели*) считается *предметом роскоши*, а значит, маркирует простое, обывательское, отношение к музыке: она должна быть доступной: *слушали, как сладко рыдал граммофон, негромко на два голоса ему подпевая* («Хозяйка гостиницы», 1975).

Трагедия Великой Отечественной войны оставила неизгладимый след в характере и образе женщины, ставшей героиней военной и послевоенной прозы. С одной стороны, война практически нивелировала гендерные различия: женщины, остриженные, в тяжелых сапогах, военных шинелях и гимнастерках, с грязными лицами, внешне почти не отличаются от мужчин. С другой – женщина, несмотря на тяготы войны, остается женщиной: *Во время войны женщина особенно должна за собой следить. И по линии внешности, и по линии чувства; Эх, бабы, жидкое вы племя, хоть и героическое* («Вдовый пароход», 1979). В этом проявляется амбивалентность женской натуры: соединение силы и слабости, сдержанности и эмоциональности. В общении с противоположным полом они обезоруживают *женскими улыбками*, стремятся, вопреки внешним обстоятельствам, устроить личную жизнь, искренне и самозабвенно любят мужчин – раненных, демобилизованных... Специфической женской чертой становится раскаяние из-за незаконно рожденных детей. Забота о них всегда ложится на плечи матери, которая, помимо мук совести за «прелюбодеяние», навлекает на себя общественный гнев и порицание за то, что «согрешила»: *Ты блудила, тебе и отвечать* («Вдовый пароход», 1979). Мужчин за такие связи в русском социуме не осуждают, напротив, оправдывают – война все списывает: *Она там ждет, она там горюет, сопли размазывает, а меня накася выкуси, убило! Нет уж, пока живем, пускай ей будет весело, и мне весело, и тебе весело* («Вдовый пароход», 1979).

Война в произведениях И. Грековой – это не столько фронтовые события, сколько жизнь в эвакуации или тылу (в Москве, Ленинграде, в маленьких сибирских поселках). В тылу, «на передовой», оказываются простые русские женщины, матери-одиночки и **ВДОВЫ** (новый для русской женщины социальный статус, навязанный войной). Например, в повести «**Вдовый пароход**» (1979) описаны судьбы пяти женщин разного происхождения, воспитания, жизненного уклада, которых судьба свела в одной коммунальной квартире и объединила общей бедой – потерей мужей. И теперь они живут одной на всех верой – в себя и свои силы, и надеются на лучшее: *Муж погиб на фронте... Еще одну прислали. Теперь у нас полная команда. В каждой комнате по вдове. Прямо не квартира – вдовый пароход* («Вдовый пароход», 1979).

По военной прозе И. Грековой можно создавать коллекцию портретов русских женщин. По признаку '**внешность**' не молодые и не старые, однако в неполных сорок лет их называют *пожилыми, старыми, мамашами*. Каждая со своими особенностями: одна – *низкая, широкая к низу, похожая на шахматную фигуру*; другая – *высокая женщина-полумужчина, вся из грубых сочленений*, третья – *крупная, в шинели*, четвертая – *в сущности, некрасива, но какое-то «черт меня побери» безусловно есть*; пятая – *темная, с измученным лицом* («Вдовый пароход», 1979).

Отрицание и осуждение всякого проявления буржуазности в послереволюционном обществе породило неодобрительное отношение к прежним идеалам женской красоты: теперь бледность, стройность и хрупкость расцениваются как физическая немощь: *а уж худа – мощь загробная* («Вдовый пароход», 1979). Беспощадная действительность и суровый быт требовали иного идеала женщины – живучей и физически крепкой. Изменилось представление о женской красоте: красивой стала считаться сильная полная женщина, *приятная глазу*, но главное – способная к тяжелому физическому труду, работающая, *похожая на лошадь: высокая, крепкая, сильная, широкие бедра, плоский живот, толстоватые, но стройные ноги... да, такая, пожалуй, не умрет, трепеща* («Вдовый пароход», 1979; «Хозяйка гостиницы», 1975).

Женскую натуру невозможно описывать, игнорируя '**сексуальную привлекательность**' – нетрадиционный для русской национальной картины мира признак (*грешная плоть*). Мужчины оценивают женскую фигуру *взглядом знатока*, женщины, естественно, по причине *женской слабости и темперамента* («Хозяйка гостиницы», 1975) реагируют на проявления

мужского внимания. И. Грекова без стеснения и фигур умолчания рассказывает обо всем, что среднестатистической русской женщине «на роду написано» (*аборт, роды, грязные пеленки*): *Детей не было, муж не хотел, три аборта сделала, потом захирела по женской линии* («Вдовый пароход», 1979).

Разрыв с буржуазными традициями русской жизни XIX – начала XX в. проявляется и в изменении социального статуса (признака **‘социальное положение’**) женщины: она теперь не ограничена территорией и рамками семьи и дома, выходит «в свет», включается в сферу производственных отношений. Языковым маркером таких перемен становится расширение списка женских профессий: традиционные занятия – няня, воспитатель, учитель, санитарка, медсестра и др., соседствуют с типично мужскими – монтер, сторож, дворник, рабочий завода, директор предприятия и др. По суровому случаю женщинам приходится быть **героинями** быта, способными не только содержать дом и воспитывать детей, но и самостоятельно решать сложнейшие как в психологическом, так и в физическом плане задачи. Они создают «суррогатные» семьи, в которых, однако, роли родителей распределяются вполне традиционно, но между женщинами: *Вера привезла из родильного дома Машу с дочкой... Из нас двоих одна должна быть вроде как отцом, кормильцем семьи, а другая – матерью, хозяйкой* («Хозяйка гостиницы», 1975).

РевOLUTIONные преобразования обусловили изменения также в отношении к **интеллектуальным способностям** женщины. Так, признак **‘высшее образование’** выделяет героиню (чаще всего «рассказчицу») из общей массы малограмотных людей. Однако признак образованности, помимо чувства уважения, вызывает у многих в окружении женщин более сильные чувства: отчуждение, непонимание и презрение (и соответствующее отношение и подходящие обращения, например, *психованная интеллигенция* («Вдовый пароход», 1979)). Образ жизни (занятия музыкой или литературой), интеллектуальный труд расценивается женщинами-трудягами как праздность и сибаритство, оторванность от реальности: *Вот у вас высшее, а жизни не знаете* («Вдовый пароход», 1979). Они считают, что у интеллигента более легкая судьба и даже горе, хоть и *стыдное* (рождение ребенка вне брака или смерть мужа-алкоголика), облагораживает женщину: *У вас горе было тяжелое, а благородное, без стыда. А стыдное горе старит, гнетет. Вы стыдного горя не знали* («Вдовый пароход», 1979).

«Два мира» русских женщин имеют разные музыкальные темы. Одни разбираются в классической музыке, слушают симфонии и различают голоса великих исполнителей, а другие оценивают эти способности как буржуазные пережитки: *Радиоточку... слушает... добро бы хоть хор Пятницкого завела или частушки... а она вой замогильный слушает – скрипка не скрипка, гармонь не гармонь* («Вдовый пароход», 1979). Что для образованного человека трепет и наслаждение, то для обывателя коммуналки раздражение и головная боль. Эти два лагеря объединяют только песни военных лет, которые женщин роднят, примиряют, вызывают предсказуемую реакцию – слезы: *Я «Катюшу» сильно обожаю. Услышу – и плакать... Все-таки что значит образование... Рожу сына – обязательно в консерваторию отдам* («Вдовый пароход», 1979).

Концепт **МУЗЫКА** в произведениях И. Грековой является одним из сюжетобразующих и в целом в авторской картине мира занимает особое место. И. Грекова, в отличие от своих малообразованных персонажей, придает музыкальному воспитанию детей, участию в самодеятельности, хоровому пению огромное значение. И эти идеи транслирует в своих текстах. Так, любовь к музыке И. Грекова интерпретирует как радость и жизнелюбие, как стремление к саморазвитию. Это качество человека возвышает его в нравственном смысле. Самыми нравственными и совестью являются женщины, которые предпочитают любой музыке **классику**. На втором месте – участники (участницы) самодеятельности – хора, оркестра. На третьем – поклонники песен, простые слушатели.

Напротив, предательство по отношению к музыке, отказ от нее – это «знак беды» для человека, начало его деградации: *Прежде она была жизнерадостна, любила шутку, музыку, книги... теперь ее словно заслонило от всего. Радио слушать она перестала... Жизнь стала преследовать ее мелкими несчастьями: она роняла вещи, теряла деньги, в магазинах ее обчитывали* («Вдовый пароход», 1979).

Помимо классической, в произведениях И. Грековой звучит и другая музыка – церковные песнопения и молитвы. Для советского атеистического мировоззрения такая музыка – «за-

прещенный пережиток». Тем не менее верующие героини ее произведений втайне посещают заутрени и всенощные, ставят свечи за здоровье и за упокой. И, конечно, вызывают осуждение (даже большее, чем обладательницы роялей). Их судьба и предназначение – подчиняться чужой воле: Бога, родителей, мужа. И эта черта коррелирует с психологией женщин **традиционного типа**: *Шла замуж не по воле. Выдали меня рано за старика. Муж-то помер вскоре... Схоронила старого, а меня уже за другого сватают* («Вдовый пароход», 1979). Такие женщины крайне суеверны (абажур сломался – Бог наказал за то, что рубль на свечку пожалела; ребенок орет, потому что некрещеный), анализ и критическое восприятие реальности им совершенно не свойственны. Рассказывая о церковной службе как об островке прекрасного светлого счастья в череде серых трудовых будней (*огоньки свечей и пение ангельское*), они пытаются пробиться сквозь собственное косноязычие и малограмотность. Однако в ситуациях, когда необходимо проводить традиционные обряды (например, похоронные и поминальные), именно такие женщины незаменимы (*...и обвою, и обвою, и в гроб уложу* («Вдовый пароход», 1979)).

Демонические женщины, музы в текстах И. Грековой – это прежде всего актрисы, например, *опереточные*. Их жизнь часто похожа на водевиль с гипертрофированными чувствами и страстями, множеством любовных романов (*трое мужей, по третьему вдова, двое первых живы, поют*) и постоянным радением о собственной красоте, которое И. Грекова описывает с иронией: *Это я экспериментирую. Эрзац-хна. Война войной, а все-таки надо себя поддерживать... Покрасилась, высохла, позеленела* («Вдовый пароход», 1979).

Оперетта – музыкально-комедийный жанр, доступный для восприятия (в отличие от оперы). По легкости сопоставимый с тем, как относятся актрисы к бытовым неурядицам: *Но зачем унывать? Жизнь прекрасна! В ней столько радостей: музыка, любовь, природа, архитектура* («Вдовый пароход», 1979). В «демонических» женщинах развито не только чувство собственного достоинства, но и самокритичность, и самоирония. Они способны стать **музами** не только и не столько для мужчин, сколько для самих себя, получая удовольствие от собственной красоты и таланта: *Не правда ли я пикантная? Красота – это стержень духовной жизни. А какой был голос! Чистое серебро* («Вдовый пароход», 1979).

Спустя одно-два десятилетия у **героических** женщин И. Грековой появляется шанс в полной мере проявить свои деловые качества. Главной темой художественного повествования становится **социальное положение** женщин, которое определяется профессиональной деятельностью. Героини И. Грековой заняты преимущественно в сфере образования. Их внешность явно «уступает» интеллекту, хотя по «женской логике» главным остается замужество, причем в этом уверены и мужчины: *Он начал разглядывать аудиторию; то, что он увидел, тоже ему сильно не понравилось, особенно некрасота девчонок... Девчонки, многие в очках... пришли сюда, чтобы выйти замуж. Баба-инженер – курам на смех* («Вдовый пароход», 1979).

Расширяется круг социальных обязанностей женщины, она проявляет социальную активность в общественной жизни: *староста, комсорг, профорг... все они были бабы* («Вдовый пароход», 1979). Вероятно, причина такой актуализации – демографическая, связанная с военными потерями мужского населения страны: *Эх, девушки, бедные вы мои! Давно прошла война, выросло другое поколение, а все вас слишком много* («Дамский мастер», 1963). Женщины вместо мужчин взяли на себя ответственность за страну. Традиционная женская жертвенность во имя мужа, детей, *рабская преданность* семье на этом этапе трансформируется в самоотверженную преданность любимому делу: *и все-таки я работала, писала, вцепившись свободной рукой в волосы, курила, комкала бумагу, зачеркивала, снова писала. Когда я очнулась, было десять часов. У меня получилось... ничто, ни любовь, ни материнство, – словом ничто на свете не дает такого счастья, как эти вот минуты* («Дамский мастер», 1963).

Высокий профессионализм и умение работать обеспечивают повышение социального статуса, женщина становится **руководителем**: *директором института информационных машин* («Дамский мастер», 1963) или *хозяйкой гостиницы*. И. Грекова пристально «рассматривает» подчиненных, в роли которых часто оказываются слабые (в профессиональном и общечеловеческом смысле) мужчины.

Женщина-администратор живет на бегу: руководит научным подразделением (институтом, кафедрой), пишет доклады в Министерство и параллельно воспитывает детей. Такая тотальная занятость – причина возникновения синдрома *рваного времени, рваного внимания* – чтение *урывками*, в таком же режиме написание научных работ – между приемом посетителей и постоянными звонками и т. д. Но самый главный разрыв случается в личной жизни: такая женщина, как правило, одинока (не замужем или в разводе). Бытовые условия тоже несут на себе печать этого синдрома: *холодильник – склеп, на столе типичное свинство* («Дамский мастер», 1963).

Следствием дефицита времени и сверхзанятости становится не типичная для женщин внешность: *пожилая, волосы полудлинные, неухоженные, бездарно седеющие, из себя полная, очки, английская книга в авоське, плащ довольно обшарпанный, чулки всегда забрызганы сзади* («Дамский мастер», 1963). Женщины-интеллектуалки часто *курят*, что, по общему мнению, *грубо и неженственно*.

Только в одной повести – «Дамский мастер» (1963) – И. Грекова обращает внимание читателя на возможности трансформации признака **‘внешний вид’**. В нем появляются новые слоты: *вкус, чутье, стиль, ухоженность*. Для поддержания женской красоты создаются специальные учреждения, в которых работают *дамские мастера* (парикмахеры), которые *делают* клиентам *головы: бигуди, шестимесячную завивку, перманент* («Дамский мастер», 1963). Постоянное посещение мастера становится показателем высокого статуса женщины. Героине И. Грековой привычка ухаживать за собой дается не просто: поначалу она даже не отождествляет себя с новым внешним видом: *голову с прической я принесла на работу* («Дамский мастер», 1963). Но «женщина» в конце концов в ней побеждает и позже на все важные встречи она ходит только *со стильной головой* («Дамский мастер», 1963).

Но *стиль* – лишь дополнительная «краска», главное в такой женщине – не пустая голова. Ее безусловным достоинством является ум, начитанность, широкий кругозор. И маленькие детали (умение безошибочно назвать классический инструментальный концерт *Чайковского*; отдать в танцах предпочтение вальсу...) подчеркивают этот культурный контекст, носителем которого по праву становится женщина – не только хозяйка гостиницы, но и «хозяйка жизни».

Таким образом, проведенный филологический анализ текстов И. Грековой свидетельствует о том, что концепт **ЖЕНЩИНА** действительно является одним из ключевых в прозе писательницы, в которой актуализируются концептуальные признаки **‘внешность’**, **‘социальное положение’** и **‘внутренний мир’** женщины. Как и в традиционной картине мира, в художественной интерпретации качества женщины «высвечиваются» на фоне взаимодействия и сопоставления с противоположным полом, потому что женщина – это прежде всего НЕ МУЖЧИНА: *мужчина в доме, хозяин законный, женщины уже не ходили растрепаны в затрапезном виде; на этом безмужчине выбирать не приходится..., можно было бы его перевоспитать, но у меня слабый, женственный характер* («Вдовый пароход», 1979).

Художественный концепт **ЖЕНЩИНА** трансформируется во времени под давлением исторических обстоятельств, о которых повествует автор. Например, меняются идеалы женской красоты: хрупкая бледность уступает место полноте и свежести; мода на субличность сменяется физической выносливостью, способностью выполнять тяжелую работу: *устроилась разнорабочей в строительную контору, где ничего не строили, а пока разбирали развалины, добывали кирпич. Вера в брезентовой робе, в больших рукавицах, вся осыпанная розовой кирпичной пылью, работала усердно* («Хозяйка гостиницы», 1975). Перемены затрагивают и внутренний мир женщин, который становится разнообразным и более «интеллектуальным»: девушки успешны в учебе, по своему рвению и стремлению к образованию не уступают парням: *готовились к экзаменам, писали шпаргалки, зубрили сопромат и теорем, сдавали и пересдавали, делали доклады, пели в самодеятельном хоре* («Вдовый пароход», 1979). Успехи в освоении специальности приводят к естественному изменению статуса женщины: она теперь не без основания претендует на руководящие должности.

Если в начале XX в. женщина больше соответствует традиционному типу (*красавица – высока, ровна, смугла без румянца, глаза бархатные, как камышовые свечи, а уж скромна – не ответит, не улыбнется, глаза в землю – и мимо* («Хозяйка гостиницы», 1975)), то к середине века она *осмелилась перечить мужу*, а после войны и вовсе, окончательно *расправив*

крылья, проявила себя как личность в социальной и профессиональной сферах и даже заслужила право называться *героем труда* («Хозяйка гостиницы», 1975; «Вдовый пароход», 1979).

Неизменными остаются сугубо женские качества, как слоты-константы концептуального признака '**внутренний мир**': 1) **жертвенность** во имя любви – *рабская материнская любовь*; *двадцать семь лет с ним, при нем, для него*; 2) **эмоциональность** – *нервна, истерична*; 3) **сварливость** и **неуживчивость с другими женщинами** – *я не робкого десятка, но робею женщин; они ссорятся, оскорбляют друг друга, срывают один на другом свою злобу* («Вдовый пароход», 1979; «Хозяйка гостиницы», 1975).

Концепты *МУЗЫКА*, *ВОЙНА*, *НАУКА* в произведениях И. Грековой подчинены главному концепту – **ЖЕНЩИНА**. В самом общем виде эта связь заключается в следующем: война изменила характер и даже физиологию женщин (добавила ей маскулинные черты). Женщина, как натура более чувственная и утонченная, обладает природной музыкальностью: любовь к музыке, которую транслирует женщина, облагораживает социум. Природная интуиция и «приобретенный» интеллект уравнивают женщину с мужчиной в юридическом праве заниматься научной деятельностью и делать это блестяще.

Эти концепты не отменяют, а, напротив, служат концентрации признака, в котором заключено главное женское призвание – рожать детей и заниматься их воспитанием, вести домашнее хозяйство, заботиться о близких, в котором им «нет равных». И. Грекова в своих произведениях представляет новый тип человека – **«советскую женщину»**, которая соединила в себе лучшие мужские и женские качества: сильная, здоровая натура, самостоятельный и самодостаточный человек, заботливая мать, хорошая хозяйка. Единственная «слабость» такой женщины проходит «по ведомству» *любовного чувства*. Женщина на то и женщина, что всегда нуждается в настоящей любви: ее не отменяет война, не затмевает наука, не компенсирует музыка.

Список литературы

Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного поля художественного концепта // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Т. 65, вып. 2. С. 74-79.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.

Кардапольцева В. Н. Женские лики России: Моногр. / Под ред. Л. А. Кирьякова. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. 160 с.

Чибышева О. А. Концепт «Женщина» в русской и английской фразеологии: на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 24 с.

Список источников

Грекова И. Фазан // На испытаниях: Авт. сб. М.: Сов. писатель, 1990.

Грекова И. Вдовый пароход // Такая жизнь. М.: Астрель, 2009. 381 с.

Грекова И. Дамский мастер // Такая жизнь. М.: Астрель, 2009. 381 с.

Грекова И. Хозяйка гостиницы. СПб: Амфора, 2012. 255 с.

S. A. Shagaeva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

philology@gf.nsu.ru

THE *WAR, SCIENCE, MUSIC* CONCEPTS SIGNIFICANCE FOR THE WOMAN IMAGE EVOLUTION IN I. GREKOVA FICTION

The *WOMAN* concept is one of the basic concept in Russians linguistic worldview. Consequently the description and evolution of women became the main objective in different researches in field of humanities. The shift in status of women is also reflected in the Soviet Union fiction - the type of prose which is perfectly illustrated by I. Grekova's (1907-2002) stories.

The article deals with philological analysis of female prose. The texts touches upon the period from 1940 till 1980s, however the retrospective view to the beginning of the XX century is offered as well. The paper deals with the shifts in social status of women after the October Revolution (1917) and the Great Patriotic War (1941-1945).

To begin with it was a time when Soviet women confronted with real life difficulties and obtained some masculine features (such as tenacity, courage, physical strength etc.) due to historical cataclysms. The XIX century ladies (good housekeepers, loving mothers and faithful wives) broke the «family cage» and turned into professional workers, talented managers and even famous scientists. The result of the historical tragedy generated male population cutting down. It provoked forced renovation in a women social position – they were bound to replace men in different spheres.

Then the appearance transformed in a similar way. The pale and slender, small and helpless loveliness surrendered to high-colored, plump-cheeked beauties. New female compared with a pedigree horse with perfect shapes and capable of a heavy work. Moreover, in the texts the sexual aspect of women beauty appeared. This sign had not been declared as positive female feature in Russian literature tradition. I. Grekova treats the biological aspect as a part of women nature (neither good, nor bad – just realistic) and even describes in details some negative consequences of physical contacts - abortions, infertility.

Afterwards in I. Grekova point of view special attention is given to the *WAR, SCIENCE* and *MUSIC* concepts. In fact the mentioned concepts serve the main topic and help to identify some key-signs of the *WOMAN* concept. For instance woman physiology and psychology metamorphosis is caused by the war. To speak about music, different musical genres mark the educational level of the admirer. For example classical music lovers are the most intelligent and open-minded people, in a contrast - church music listeners are borrow-minded and influenced by awkward superstitions. As for the science, the progress in women intellectual development set a balance between male and female in a field of science and arts.

In conclusion the article says that in the fiction I. Grekova represents a new type of a human being – Soviet woman, who combined the best male and female qualities. She is healthy, self-confident, she is an attentive mother and creative housewife. However, the woman has one traditional weakness of a strong person – she is lonely and unhappy in a love relationship.

Keywords: concept, world view, woman, war, science, music.

References

- Bolotnova N. S. O metodike izucheniya assoceativnogo polya hudozhestvennogo koncepta [About art concept studying methodic]. *Tomsk Scientific Bulletin. Series: Humanities (Philology)*, 2007, vol. 65, iss. 2, p. 74-79. (in Russ.)
- Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Large Explonatory Dictionary of Russian Language]. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. (in Russ.)
- Chibysheva O. A. Kontsept «zhenshchina» v russkoi i angliiskoi frazeologii (na materiale predmetnykh frazeologizmov, imenuyushchikh zhenshchinu) [The Linguistics Representation of Con-

cept «Woman» in Russian and English Phraseology (on the Basis of Substantive Phraseological Units that Refer to Women)]. Dr. Phil. Sci. Diss. Omsk, 2005. (in Russ.)

Kardapoltseva V. N. Zhenskie liki Rossii [The Faces of Russian Women]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet Publ., 2000. (in Russ.)

Source List

Grekova I. Fazan [The Pheasant]. *Author's Collection. On Testing*. Moscow, Sovetskii pisatel Publ., 1990. (in Russ.)

Grekova I. Vdovii parohod [The Widow's Steamship]. *Takaya zhizn'* [Such a Life]. Moscow, Astrel Publ., 2009. 381 p. (in Russ.)

Grekova I. Damskii master [The Ladies' Master]. *Takaya zhizn'* [Such a Life]. Moscow, Astrel Publ., 2009. 381 p. (in Russ.)

Grekova I. Hozyaika gostinitsy [The Hotel Owner]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2012. 255 p. (in Russ.)

О. И. Глазунова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия

o.glazunova@spbu.ru

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Представлен системный анализ способов и средств выражения времени предложно-падежными формами существительных. Рассматриваются закреплённые за падежами функционально-семантические варианты временных значений с точки зрения их практической целесообразности и соответствия падежной семантике. Родительный падеж указывает на принадлежность действия или события календарным единицам времени. С творительным падежом, предназначенным для выражения обстоятельств совершения действия, соотносятся средства обозначения времени года или суток. Переход от форм винительного падежа, свойственного существительным с точными количественно-временными значениями, к формам предложного падежа, предназначенным для обозначения комплексного временного пространства, связан с переходом от количественных показателей к качественным. С помощью предложно-падежных форм существительных в позиции обстоятельств или детерминантов времени говорящий получает возможность описывать характер распространения действий в пределах обозначенного временного отрезка с указанием на порядок вхождения этого отрезка в состав единиц более высокого уровня.

Ключевые слова: категория времени, предложно-падежная система русского языка, функционально-семантические варианты временных значений.

Представления о времени реализуются в языке на уровне морфологических, лексических и грамматических средств выражения. В данной работе мы остановимся на анализе широкого спектра предложно-падежных форм со значением времени, потому что именно в этой сфере чаще всего возникают вопросы: какой падеж использовать в позиции обстоятельственного детерминанта, винительный (*в этот год*) или предложный (*в этом году*); почему в случае употребления несогласованного определения (*в годы войны*) существительное может принимать форму только одного из них; в чем состоит разница между нормативным словосочетанием *во время отпуска* и ненормативным **во время старости* и т. д.?

Неопределённость понятия времени на теоретическом уровне компенсируется его востребованностью в языковой практике. В качестве формы существования пространства время обозначает длительность бытия и задаёт последовательность смены процессов и состояний материальных систем. Человек – часть природы, следовательно, цикличность протекающих вокруг него процессов определяет и его существование.

Существительные *секунда, минута, час, день* (сутки), которые исторически рассматривались в качестве единиц для измерения «ближних», непосредственно сопровождающих событие, интервалов времени, в предложении обычно употребляются в винительном падеже, предназначенном для выражения точных количественных показателей: **В эту минуту** *невдалеке из леса слышался голос Талагаева* (И. Тургенев); **В тот день**, *когда окончилась*

война / И все стволы палили в счет салюта, / **В тот час** на торжестве была одна / Особая для наших душ минута (А. Твардовский).

Формы винительного падежа со значением времени служат для описания того, что происходит в действительности, а потому лексемы в винительном падеже используются для указания на время наступления событий и осуществления действий на временной оси с привязкой к моменту речи или к другому сопровождающему его событию. Принимая во внимание тот факт, что винительный падеж в языке связан с выражением направления, а временная ось имеет направленность, использование винительного падежа как базовой структуры для обозначения времени в языке более чем оправданно.

Существительные *неделя, месяц, год*, которые служат для измерения более продолжительных – «дальних» по отношению к событию – интервалов времени, в предложении могут принимать форму винительного или предложного падежа. В отличие от основного «изъяснительного» значения предложного падежа, так называемый «второй предложный» падеж предназначен для выражения местонахождения объекта. Перенос свойственных предложному падежу локативных функций на значение времени (*встретиться* когда? *в детстве* – по аналогии с *встретиться* где? *в городе*) формирует представление о временном пространстве – периоде жизни человека или событии, которые используются в качестве показателя времени: **В старости** не хочется болеть (**Когда наступает старость**, не хочется болеть); Он не сказал ни слова **при нашем расставании** (**Когда мы расставались**, он не сказал ни слова); **По завершении конференции** мы подвели итоги (**Когда конференция завершилась**, мы подвели итоги)¹.

Сходство сложившихся в сознании и языке представлений об организации материального и временного пространств подразумевает возможность включения объектов в соответствующую систему координат с указанием на их положение в тех единицах, которые традиционно служат для измерения данного категориального признака. При использовании существительных со значением места пространство рассматривается как территория, на которой происходят события и разворачиваются действия. В случае употребления в предложном падеже лексем со значением времени соотносящиеся с пространством понятийные характеристики распространяются на временной отрезок, который включает определенные действия или состояния: *в то время* – *в том времени*, *в тот год* – *в том году*, *в ту неделю* – *на той неделе*, *в тот месяц* – *в том месяце*, *в то тысячелетие* – *в том тысячелетии*: **В тот месяц май**, **в тот месяц** мой во мне была такая лёгкость, и, растялаясь над землёй, влекла меня погоды лётность (Б. Ахмадулина) – *Тремя годами позже умерла мама. И тоже весной, в марте, в том месяце*, в котором когда-то произвела на свет меня (Л. Миллер); **В тот год** осенняя погода. Стояла долго на дворе, Зимы ждала, ждала природа. Снег выпал только в январе (А. Пушкин) – *В благодатную Киргизию мы заезжали, но в том году переселение туда было закрыто* (Л. Толстой).

Формы винительного падежа существительных *неделя, месяц, год* выражают время как целостный объект: *Я увидел Ялту в тот год*, когда её покинул Чехов (для отправителя речи весь тот год ознаменовался этим событием). Формы предложного падежа указывают на дробное временное пространство, в рамках которого совершаются единичные действия: *Я увидел Ялту в том году*, когда её покинул Чехов (два события происходят в один и тот же год, но не пересекаются).

На особый статус отрезка времени, выраженного формой винительного падежа, может указывать зависимая лексема в родительном падеже с определительным значением. «В отличие от препозитивных определений, которые допускают замену предложным падежом, родительный падеж в постпозиции однозначно мотивирует употребление винительного падежа и замены на предложный падеж не допускает. Данные нашей корпусной выборки подтверждают это наблюдение: *Мог ли он думать, что в год войны, горя, бездомности, в казанской*

¹ «Временные контексты, которые требуют предложного падежа, по своим морфологическим свойствам аналогичны пространственным. <...> Применительно к конструкциям с предлогами *в / на* и формами предложного падежа можно говорить о двух крупных семантических классах контекстов: пространственных (в широком смысле, т. е. включая и временные употребления) и непространственных» [Плунгян, 2002. С. 231].

эвакуации ему удастся сделать свою самую большую, главную работу [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]» [Несет, Макарова, 2015. С. 404].

Кроме сопутствующего значения, родительный падеж в русском языке используется в качестве непосредственного средства выражения временных значений, указывая на принадлежность действия или события календарным единицам времени. Глагольные словосочетания с формами родительного падежа со значением времени во многом строятся по аналогии с именными конструкциями, которые включают формы родительного падежа с указанием на дату события или документа, включая число, месяц или год: *Пушкин умер **десятого февраля тысяча восемьсот тридцать седьмого года***. – *События **десятого февраля тысяча восемьсот тридцать седьмого года***.

Выбор родительного падежа для обозначения даты обусловлен свойственными ему определительной функцией и функцией принадлежности: *Это случилось **двадцатого января двухтысячного года***. – *Это случилось **в день** (какой?), **который входит в состав января, который входит в состав двухтысячного года***². Если в дате отсутствует число, указывающее на порядковый номер, родительный падеж утрачивает свое значение; вместо него используются формы именительного (при указании даты на документе), винительного или предложного падежей: *май двухтысячного, умер **в тот год**, умер **в феврале***. Данный факт подтверждает наше предположение о принципиально важном значении существительного *день*, имплицитно представленного в составе конструкции с родительным падежом даты.

Изменение падежной формы лексемы в составе словосочетания влечет за собой изменение его содержания и наоборот. Пространственно-временное значение предлога *на* в сочетании с существительным *неделя* в предложном падеже (*на этой / той / прошлой / следующей неделе*) указывает на то, что действие произошло или произойдет в пределах обозначенного существительным отрезка времени. Сравните: *лежал **на столе*** (в пределах какой-то части стола) – *случилось **на той неделе*** (в какой-то части или точке временного отрезка, который входит в состав недели). Предлог *в* (*в эту / ту / следующую неделю*) с формой винительного падежа выражает целостно-направленное значение – действие распространяется на весь обозначенный существительным период времени: ***В ту неделю**, последнюю перед нашим отпуском, Генка работал во вторую смену* (К. Воробьев).

Словосочетания с формами винительного падежа *на следующий год (месяц)*, *в следующее столетие (тысячелетие)* употребляются, если значение главной лексемы распространяется на весь обозначенный существительным отрезок времени: *принять бюджет **на следующий год***; *пригласить **на следующий год*** – *пригласить* (на какое время?) ***на (весь) следующий год***. Форма предложного падежа используется в том случае, если действие осуществляется в какой-то промежуток времени в составе выраженного существительным временного отрезка: *поехать на Карибы **в следующем месяце***; *пригласить на конференцию **в следующем году***.

Даже в случае использования глагола совершенного вида в сочетании с формой винительного падежа (***На следующий год я поеду в Канаду***) обозначенный временной отрезок имплицитно или эксплицитно соотносится с продолжением связанного с ним действия: ***На следующий год я поеду в Канаду, чтобы читать лекции в университете***. Как только значение распространения утрачивается, лексема со значением времени меняет падеж на предложный: *пригласить **в следующем году, на следующей неделе*** (т. е. в какой-то из дней).

Распространяться во времени могут не только непрерывные, но и повторяемые в случайной или определенной последовательности действия: *Люди, которые рождаются **в этот год**, справедливы и умны (о рождённых в год Собаки)*. Форма винительного падежа *в этот год* в сочетании с глаголом несовершенного вида устраняет связь предложения с моментом речи, наделяя действие значением повторяемости во времени.

Дальнейшая градация в языке представлений о времени обусловлена исторической и практической целесообразностью. Существительные *десятилетие, век, столетие, тысячелетие* обозначают единицы времени, которые соотносятся с историей окружающего мира, человека

² Родительный падеж даты в определительном значении может использоваться при любом существительном, которое обозначает событие, имеющее отношение ко времени: *восстание **двадцать пятого декабря**, аресты **тридцать седьмого года***; в прошлом месяце *тысяча девятьсот восемнадцатого года*.

и общества. Другие лексемы используются для обозначения времени с точки зрения осуществления какой-либо деятельности, указывая на законченность в развитии чего-либо (*период*), на целостность присущих продолжительному временному отрезку особенностей развития (*эпоха*), на особую значимость для человека короткого, точечного, промежутка времени (*миг, мгновение*). Практические соображения оказали воздействие на формирование и использование в языке существительных *декада, квартал* (в значении 'одна четвёртая часть года'), *десятилетие*.

Существительное *мгновение*, как *секунда*, обладает точечным временным значением и не соотносится с формами предложного падежа³, предназначенными для обозначения сложных в структурном отношении промежутков времени: *Только надо, чтобы Смуров не забыл отворить в то мгновение дверь. Уж я распоряжусь, и вы увидите фортель* (Ф. Достоевский). Другие существительные: *десятилетие, век, столетие, тысячелетие, период, эпоха*, как и существительные *неделя, месяц и год*, при выражении времени могут стоять и в винительном, и в предложном падеже.

Таким образом, в процессе обозначения времени с помощью существительных произошел переход от форм винительного падежа, соответствующих непродолжительным в количественном отношении единицам времени (*мгновение, секунда, минута, час, день*), к формам винительного и предложного падежей у существительных со значением более объемных, имеющих ментальную природу образования, отрезков времени (*неделя, месяц, год, десятилетие, век, столетие, тысячелетие*).

В последнем случае выбор падежной формы существительного зависит от способа восприятия временного отрезка. Если единица времени обладает внутренним единством в отношении какого-то признака, используется винительный падеж; если отрезок времени воспринимается в качестве структуры, раздробленной на составные части, – предложный. Представление о раздробленности может складываться за счет дополнительных языковых структур.

Например, в предложении *Так мала в этом веке пока что человеческой жизни цена!*.. (Е. Евтушенко) наречие времени *пока что* указывает на изменения, которые могут произойти в отношении цены человеческой жизни в оставшейся части указанного периода времени. А в предложении *Отрадно спать – отрадней камнем быть. О, в этот век – преступный и постыдный – Не жить, не чувствовать – удел завидный* (Микеланджело, пер. Ф. Тютчева) форма винительного падежа свидетельствует о том, что никаких изменений в оставшееся время не предвидится, *этот век* воспринимается автором целиком, включая и его остаток в будущем.

В качестве универсального контекстуального синонима существующих в языке единиц времени выступает существительное *время*. При замене «кратких» по продолжительности отрезков времени (*мгновение, секунда, минута, час, день*) оно употребляется в винительном падеже в соответствии с предложно-падежным статусом исходных существительных: *В ту минуту у меня перед глазами промелькнула вся жизнь.* = *В то время у меня перед глазами промелькнула вся жизнь;* *В тот час в доме никого не было.* = *В то время в доме никого не было.*

Если существительное *время* замещает обозначения более длительных отрезков, таких как *неделя, месяц, год, десятилетие, век, столетие, тысячелетие*, оно, как правило, употребляется в той же падежной форме, что и исходное существительное: *Сказать, что если и здесь, я и вы, мы потерпим несчастье, как потерпели пророки, мы будем вознаграждены в том веке, после воскресения* (Л. Толстой) – мы будем вознаграждены *в том времени*, после воскресения; *Мы не в том веке живём, чтобы за тысячу рублёв можно было нанять одну томо честность; в поваре же, сверх сей потерянной добродетели, нужно: Гений, которой ниже опытностию не обретаётся* (Ф. Толстой) – Мы не в том времени живём, чтобы...

В случае отсутствия в предложении характеристик, уточняющих длительность временного отрезка, существительное *время* употребляется в винительном падеже. Рассмотрим предложения *В тот год я был в Бразилии* и *В том году я был в Бразилии*. При замене суще-

³ Формы предложного падежа данных существительных связаны с выражением не времени, пространства: *В том мгновении для него не было ничего загадочного.*

существительного *год* существительным *время* и в первом и во втором случае необходимо использовать форму винительного падежа: ***В то время*** я был в Бразилии. В сочетании с указательным местоимением слово *время* выражает тот период, который целиком соотносится с обозначенным действием, а потому разница между непрерывно-продолженным и точечным, однократным, способами его синтаксического выражения теряет смысл.

Отсутствие в предложении эксплицитных уточняющих характеристик существительного *время* компенсируются имплицитными формами его идентификации, которые обуславливают форму винительного падежа: *В то время (о котором идёт речь) я был в Бразилии*. Такого рода конструкции соотносятся со всем отрезком времени, имеющим отношение к моменту речи, поэтому в них следует употреблять форму винительного падежа. Предложный падеж существительного *время* может использоваться по аналогии, в ряду однородных членов, один из которых способен принимать форму только этого падежа: *Просто они любят не в том времени и не в том месте* (В. Никифорова); *И у меня так было – в том возрасте и в том времени сравнивать было не с чем* (В. Ступишин).

Использование лексем со значением времени в винительном или в предложном падеже приводит к тому, что местоимение *который*, соотносящееся с ними в придаточном определительном предложении, тоже может принимать различные формы в зависимости от того, каким образом отправитель речи воспринимает ситуацию: *Ему захотелось вернуться в то время, в которое он был счастлив* (Вин. п.). – *Ему захотелось вернуться в то время, в которое он был счастлив* (Предл. п.).

Переход от форм винительного падежа, свойственных существительным с точными количественно-временными значениями, к формам предложного падежа, предназначенным для обозначения комплексного временного пространства, связан с переходом от количественных показателей к качественным. Разница между единицами времени (*секунда, минута, час, день* 'сутки') определяется количественными показателями (в минуте содержится 60 секунд, в часе – 60 минут и 360 секунд и т. д.), которые актуализируются при выражении времени осуществления конкретного действия: *когда? В два часа пятнадцать минут тридцать секунд*.

При обозначении недели, месяца, года, века к количественным добавляются показатели, определяющие порядок следования образующих их единиц. Хотя существительное *день* тоже можно рассматривать как упорядоченную структуру, обусловленную порядком следования составляющих её единиц, в этом качестве оно не употребляется, так как, в отличие от дней недели и месяцев, за которыми закреплены названия, соответствующие определенным производственным или природным циклам, образующие день единицы дополнительными характеристиками не обладают.

Неделя и месяц состоят из дней, которые различаются между собой не только порядком наступления (понедельник, вторник, среда и т. д.; первое число месяца, второе число месяца, третье число месяца и т. д.), но и особенностями осуществления производственного процесса: рабочая неделя начинается *в понедельник*; зарплата на фабрике выплачивается *в первых числах* каждого месяца. Данный способ исчисления отражает традиции маркирования дней в процессе трудовой деятельности человека, поэтому его можно назвать количественно-производственным.

Если в сознании носителей языка существительные *понедельник, вторник, среда* и т. д. выступают как единые образования (по аналогии с существительным *день*) и употребляются в форме винительного падежа при обозначении времени, то к восприятию названий месяцев (*январь, февраль, март* и т. д.) подключается не только значение порядка следования, но и сущностные различия между ними, поэтому названия дней недели при выражении времени используются в винительном падеже, а названия месяцев – в предложном.

Усложнение системы координат, введение в нее нового параметра – качественного, указывающего на порядок следования, оказывает воздействие на содержание единицы времени, что обуславливает необходимость использования новой падежной формы, и винительный падеж (*когда? в эту секунду (минуту); в этот час (день)*) уступает место падежу предложному (*когда? на этой неделе, в прошлом месяце, в две тысячи пятом году, во втором веке до н. э., в будущем тысячелетии* и т. д.).

Если предложно-падежные формы *в прошлый месяц, в этот год, в тот век* выступают как целостные временные образования, соотносящиеся с количественными показателями,

то формы предложного падежа *в прошлом месяце, в две тысячи пятом году, во втором веке до н. э.* обозначают совокупность образующих их единиц (отрезков времени), в рамках которой происходит действие. В речи они используются чаще, чем формы винительного падежа, что свидетельствует о приоритетном значении точечных событий для человека.

Язык – это кодовая система, и среди правил, по которым в нем устанавливаются соответствия между единицами разных множеств, порядок следования занимает особое место. Чтобы наглядно представить себе его роль в семантике лексем, выражающих время, рассмотрим процесс презентации какой-либо информации с помощью слайдов. Каждый слайд содержит определенный объем информации, т. е. в количественном отношении все слайды равны, однако, если изменить порядок их следования, информационное сообщение вряд ли будет воспринято.

В разговорном языке часто используются слова и словосочетания, предназначенные для обозначения удобных в количественно-структурном отношении частей минуты, часа, дня. При этом *четверть часа, полчаса, первая половина дня, вторая половина ночи* употребляются в форме винительного или предложного падежа; существительные *полдень, полночь*, как и *час*, – в форме винительного падежа. Существительные *декада, квартал, десятилетие*, которые обозначают части месяца, года и века, используются в винительном или предложном падеже в соответствии с правилами, которые обуславливают падеж у определяющих их лексем: *Вступление Турции в Европейский союз не произойдет в это десятилетие, возможно, оно не произойдет и в следующее десятилетие; Искусственные почки могут начать пересаживать уже в этом десятилетии* (из газет).

Как результат наблюдений за суточным вращением земного шара вокруг своей оси и движением Земли вокруг Солнца параллельно с единицами времени (*секунда, минута, день, неделя, месяц, год, век, тысячелетие*) в языке сложились представления о частях суток (*утро, день, вечер, ночь*) и временах года (*зима, весна, лето, осень*).

Существительные *зима, лето, день, ночь* и т. д. обозначают природные процессы, которые, с одной стороны, повторяются в природе и доступны визуальной идентификации, а с другой – различаются по продолжительности и по календарному графику наступления в разных частях земного шара. Отсюда следует, что в предложении существительные со значением частей суток и времен года указывают не столько на время (для этого используются единицы, соотносящиеся с количественными показателями), сколько на природные условия, которые сопровождают описываемое событие: наличие освещения, погоду, температуру окружающей среды, состояние растительного покрова и т. д. В позиции обстоятельств данные лексемы употребляются в творительном падеже, который в падежной системе соотносится со способом осуществления действия: *когда? – этой зимой, этим летом, этим днём, этой ночью* и т. д.

Ориентация на обстоятельственные значения в системе средств выражения времени способствовала тому, что в лингвистике формы творительного падежа без зависимых слов со значением частей суток и времен года стали причислять к разряду наречий. Правомерность этого шага вызывает сомнение, ведь даже в качестве наречия такого рода лексемы сохраняют способность присоединять к себе определяемое слово: *утром – ранним утром*.

Функциональное значение определения в составе словосочетания и влияние, которое оно оказывает на главное слово, до сих пор не изучены. Наличие определения может изменить не только принадлежность лексемы к лексико-грамматическому разряду или форму существительного в составе словосочетания (*кусоч сыру / сыра – кусоч российского сыра*), но и падеж. Например, существительные *год, век* в сочетании с порядковыми числительными имеют форму предложного падежа: *в двухтысячном (следующем) году; во втором веке до н. э.*, обозначая «вместилище»⁴, а при использовании несогласованных определений сохраняют форму традиционного винительного падежа: *в год его рождения, в лето*⁵ *от Рождества*

⁴ «Под вместилищем понимается, в первом приближении, объект, имеющий внутреннюю полость, которая служит для хранения, укрытия или перемещения других объектов» [Плунгян, 2002. С. 237].

⁵ В древнерусском языке слово *лето* имело и другое значение – ‘год’.

Христова 988; *в век технического прогресса*⁶, который указывает на одномерность определяющих их признаков.

То же самое наблюдается у существительных, которые при обозначении времени используются в форме творительного падежа. Существительные *день, ночь, осень, весна* и т. д. в сочетании с определительными словами принимают форму винительного падежа – традиционного для выражения значений времени: *в это утро* (этим утром), *в сыкатную осень прошлого года* (сыкатной осенью прошлого года), *в вечер перед Рождеством* (рождественским вечером).

Данный факт объясняется тем, что в словосочетаниях такого рода указание на время (т. е. на положение, которое интервал занимает на временной оси) содержится в зависимых лексемах. Количественные показатели времени традиционно связаны с винительным падежом; они и определяют падежную форму существительного. Если форма *днём* указывает на часть суток, то словосочетания *на следующий день, в тот день, в день его рождения* передают информацию о положении события на оси времени по отношению к другому событию или моменту речи, т. е. соотносят содержание языковой единицы с отрезком действительности.

Слово *день* в сознании носителей языка имеет два значения: 1) обозначает светлое время суток между утром и вечером; 2) является синонимом существительного *сутки*, которое при обозначении времени практически не используется. Форма творительного падежа, который служит для выражения способа осуществления действия, соответствует первому его значению (*жарким солнечным днём*); форма винительного падежа, который используется для выражения количественных показателей, – второму (*в дни юности*).

Существительные *время, момент, эпоха*, значения которых не связаны с определенными количественными показателями, могут выступать в нескольких падежных позициях, соответствующих их содержанию: *В то время* (Вин. п.) *жизнь была нелёгкой*; *Тем временем* (Тв. п.) *на улице стемнело*; *Никто о нём не помнит и в будущем времени* (Предл. п.) *помнить не будет*. Форма предложного падежа существительного *время* в большей степени соотносится с пространством, которое ограничивается контекстуальными временными рамками: *Ничего хорошего в том времени не было*; *В том времени, где и злодей – лишь заурядный житель улиц, как грозно хрупок иудей, в ком Русь и музыка очнулись* (Б. Ахмадулина).

Кроме слов, обозначающих традиционные единицы времени, в языке используется целый ряд существительных, которые предназначены для его контекстуального выражения. Это существительные, обозначающие расстояние от момента речи до описываемых событий (*настоящее, прошлое, будущее; старина, древность*) – так называемое «пространство жизни»; периоды физического и психологического состояния человека (*бред, болезнь, здравие, сумасшествие*) – «пространство состояния человека»; периоды состояний природы (*дождь, гроза, шторм, мороз, буря*) – «пространство погодных явлений»; время, связанное с осуществлением трудовой деятельности (*праздник, будни, Рождество, Пасха, каникулы, отпуск*) – «производственное пространство»; разного рода события в жизни природы, человека и общества (*извержение вулкана, гражданская война, рождение, смерть, поступление в вуз, увольнение, революция, военный коммунизм, пир* и т. д.) – «социально-общественное пространство».

При контекстуальном обозначении времени существительные используются в формах винительного или предложного падежа с предлогами *в, на, при*. Предлог *при* служит для передачи времени действия или события при существительных, которые в сочетании с предлогами *в* и *на* выражают другие, невременные, значения: *В Петре Первом* (в ком?) *было много загадочного*. – *При Петре Первом* (когда?) *Россия получила выход к Балтийскому морю*.

Существительные *настоящее, прошлое, будущее, детство, юность* и др., значение которых имеет непосредственное отношение ко времени, употребляются с предлогом *в* в предложном падеже, указывающем на временное пространство. Для существительных, значение которых лишь косвенным образом соотносится со временем (например, в случае обозначения процесса или состояния), возможны варианты: *в мороз, в бреду*. Однако подобное существительное, даже в винительном падеже, имеет соотносительную форму предложного падежа, которая в контексте предложения указывает не только на временные, но и на про-

⁶ По аналогии с родительным даты, который сочетается с существительным *день*, традиционно используемым в форме винительного падежа при обозначении времени: *Он приезжал (в день) пятого апреля прошлого года*.

странственные характеристики ситуации: **В мороз** (когда?) *трудно дышать*. – **На морозе** (где?; когда?) *бельё долго сохнет*; **В праздник** (когда?) *мы планируем поехать за город*. – **На празднике** (где?; когда?) *ничего особенного не случилось*. В ряде случаев на выбор предложно-падежной формы оказывает влияние свойственное винительному падежу значение направления: *Дети отправятся в Москву на каникулы* (**На каникулах** мы остались дома); *Не знаю, куда отправиться в отпуск* (**В отпуске** обычно забываешь обо всех проблемах).

Если существительное напрямую со значением времени не связано, но употребляется в позиции обстоятельства времени, ему часто предшествует лексема *время*, которая усиливает его временной аспект: *во время праздника* (дождя, болезни, рождения, смерти, отпуска, Пасхи, гражданской войны). С существительными, значение которых включает сему времени, такая трансформация невозможна: **во время будущего*, **во время старости*.

В таблице (см. далее) способы обозначения времени в русском языке соотнесены со средствами их выражения на лексическом и грамматическом уровне.

Система предложно-падежных средств выражения времени начинается с родительного падежа и заканчивается предложным падежом, в которых задействованы порядковые числительные. Определительный способ представления времени с помощью форм родительного падежа без предлога и порядково-временной – с помощью форм предложного падежа имеют существенные различия. Определительный способ предполагает порядок следования, обозначая событие, которое в ряду подобных отличается временем наступления. Порядково-временной способ обозначения времени с помощью форм предложного падежа указывает на место события на временной оси. Так, используя словосочетание *репрессии тридцать седьмого года*, мы подразумеваем существование репрессий, которые относятся к другим периодам истории, в то время как форма предложного падежа *репрессии в тридцать седьмом году*, кроме времени, не несет в себе никаких других смысловых значений.

Существительные, которые служат для приблизительного обозначения времени, обычно имеют форму винительного падежа. И это не случайно. *Полдень* и *полночь* соотносятся с количественными показателями времени суток: *в двенадцать часов дня* – *в полдень*, а *миг*, *мгновение*, *четверть часа*, *полчаса*, *половина дня*, *половина ночи* содержат инкорпорированное в них значение количества, поэтому, как и словосочетания *весом пять тонн*, *отпуск тридцать дней*, они используются в винительном падеже. К средствам выражения «ближних» временных значений относится и предлог *через* (*через год / месяц / день / минуту / секунду*), указывающий на наличие временного промежутка, равного количественному значению существительного, который отдаляет время наступления описываемого события.

В сочетании с прилагательными *следующий*, *будущий*, *прошлый*, *настоящий*, обозначающими ещё более отвлеченный круг временных значений, существительные *неделя*, *месяц*, *год*, *десятилетие*, *век* (*столетие*), *тысячелетие*, *эпоха*, *декада*, *квартал* и словосочетания *четверть часа*, *половина дня*, *половина ночи* могут стоять в винительном или предложном падеже. Однако если в позиции определения используются порядковые числительные, то возможна только форма предложного падежа.

Итак, к основным средствам выражения времени в предложно-падежной системе русского языка относятся формы винительного и предложного падежей, за которыми закреплены определенные сферы обозначения временных значений. От количественных показателей времени, связанных с количественными и количественно-целостными значениями, которые обозначаются с помощью форм винительного падежа, язык переходит к выражению временного пространства, соответствующего формам предложного падежа. При этом свойственная винительному падежу целостность восприятия отрезка времени уступает место порядку следования единиц в рамках более объемного образования, который закреплен за формами предложного падежа.

Если при указании на время существительные со значением дней недели еще сохраняют форму винительного падежа по аналогии с существительным *день* (*в четверг*), то названия месяцев в той же позиции употребляются в предложном падеже (*в апреле*), указывая на соответствие природным циклам, т. е. временам года. Таким образом, в процессе выделения единиц времени, обусловленных практическими нуждами человека, к порядку следования, который можно отнести к количественно-качественным показателям, добавляются значения, связанные с астрономическими, атмосферными, производственными и другими качественными характеристиками.

Лексические и грамматические способы обозначения времени
в русском языке

Способ выражения времени	Средства выражения времени	Падеж и его значения	Примеры
Определительный	порядковые числительные в сочетании с названиями месяцев и существительными <i>год, век, тысячелетие</i>	родительный падеж (значение принадлежности календарным единицам времени)	<i>встреча двадцатого декабря; документ второго века н. э.; закон две тысячи третьего года; зарубежная литература второго тысячелетия; мальчик пяти лет</i>
Количественный			
1. Количественно-числовой	количественные числительные (<i>один, два, три, четыре</i> и т. д.)	винительный падеж (значение количества в пределах часа , значение количества при обозначении возраста) ТОЧНОЕ ВРЕМЯ НАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ	<i>в четыре часа десять минут двадцать пять секунд; в пять лет; в сорок два года</i>
2. Целостно-объёмный (визуально-наблюдаемый)	<i>секунда (миг, мгновение), минута, час, полдень, полночь, день + четверть часа, полчаса, половина дня, половина ночи</i>	винительный падеж (значение кратковременной временной целостности + в пределах дня) ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ НАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ	<i>в первую секунду; в следующее мгновение; в тот день; в полдень; в полночь; в первую четверть часа; во вторую половину ночи</i>
3. Целостно-направленный	<i>неделя, месяц, год, десятилетие, век (столетие), тысячелетие, эпоха</i>	винительный падеж (значение ограниченного и целостного временного пространства на оси времени) РАМОЧНОЕ ВРЕМЯ НАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ	<i>в тот месяц; всю неделю, когда...; в год, который...; в тот век, о котором...</i>
4. Производственный	<i>понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье; декада, квартал</i>	винительный падеж (значение производственного временного пространства в пределах недели, месяца, года)	<i>в понедельник, во вторник, в среду, в четверг, в пятницу; в следующий квартал; в эту эпоху</i>
Обстоятельный	<i>утро, день, вечер; зима, весна, лето, осень</i>	творительный падеж (значение устойчивых атмосферных и астрономических явлений в пределах дня и астрономического года)	<i>сегодня днём; прийти вечером; прогулка осенью; мороз зимой</i>

Окончание таблицы

Способ выражения времени	Средства выражения времени	Падеж и его значения	Примеры
Пространственный			
1. Пространственно-временной	<i>неделя, месяц, год, десятилетие, век (столетие), тысячелетие, эпоха, декада, квартал; четверть часа, половина дня, половина ночи</i>	предложный падеж (значение ограниченного и структурированного временного пространства на оси времени)	<i>на этой неделе; в том году; в следующем десятилетии; в предыдущем квартале; в первой четверти часа; в первой половине дня; во второй половине дня</i>
2. Пространственно-календарный	<i>январь, февраль, март, апрель и т. д.</i>	предложный падеж (значение календарного временного пространства в пределах года)	<i>в январе; в феврале; в марте; в июне; в октябре</i>
3. Порядково-временной	порядковые числительные в сочетании с существительными <i>год, век, тысячелетие</i>	предложный падеж (значение порядка в ряду однотипных отрезков времени в пределах века, тысячелетия)	<i>в тридцать пятом году; в тысяча девятьсот третьем году; в седьмом веке нашей эры; во втором тысячелетии до н. э.</i>

Дополнительные значения оказывают влияние на характер интерпретации временных значений: от количественных показателей язык переходит к обозначению отношений, которые устанавливаются между единицами времени в ходе осуществления человеком различных видов его трудовой, социальной и общественной деятельности.

Список литературы

Несет Т., Макарова А. Б. Пространство или время? Асимметрия предлога *в* в пространственных и временных структурах // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 388–410.

Плунгян В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ РАН, 2002. Вып. 37. С. 229–254.

O. I. Glazunova

*St. Petersburg State University
11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

o.glazunova@spbu.ru

THE WAYS AND MEANS OF TIME EXPRESSING IN THE RUSSIAN NOUN CASE SYSTEM

In this work we present a systematic analysis of the ways and means of time expressions in the prepositional case system of Russian. The author examines the functional semantic variants of time expressions assigned to the each case from the point of view of their practical feasibility and compliance of case semantics.

The system of prepositional-case means of expression of time begins with the Genitive case, that serves to indicate the date of the event, and ends with the Prepositional case, that involve ordinal numbers. The basic means of time expression in the prepositional-case system of Russian consist of Accusative and Prepositional cases, which are responsible for representation of actual time meanings in Russian. The Accusative forms *в прошлый месяц, в этот год, в тот век* are used as holistic units that are correlated with the quantitative indicators. The Prepositional forms *в прошлом месяце, в две тысячи пятом году, во втором веке* до н.э. represent the totality of forming them units (segments of time), within which a single action takes place.

The transition from the Accusative case forms with the quantitative time values to the forms of Prepositional case, intended to refer complex temporary spaces, is connected with the transition from quantitative to quality indicators. For native speakers the nouns *понедельник, вторник, среда*, etc. (when referring to time) correspond to a single entity (*день*), so they are used them in the Accusative case. The perception of month names (*январь, февраль, март*, etc.) connects not only the value of the order, but also the essential differences between them. So they are used in the Prepositional case, intended to indicate the place, or location.

The nouns *зима, лето, день, ночь*, etc. represent natural processes that accompany the event: existence of lighting, weather, ambient temperature, condition of vegetation. In the position of adverbial modifier of time these lexemes are used in the Instrumental case, which is correlated with the method of action implementation: when? – *этой зимой, этим летом, этим днём, этой ночью*, etc.

Using the prepositional-case forms of nouns in the position of adverbial modifiers or determinants the speaker gets the opportunity to describe the distribution of actions within the designated time period, and indicate the order of occurrence of this segment to the higher level units of time expression.

Keywords: time category, prepositional case system of Russian, functional semantic variants of time expressions.

References

Nesst T., Makarova A. B. Prostranstvo ili vremya? Assimmetriya predloga *в* v prostranstvennyh i vremennyh strukturah [Space or time? Assymetry of the Preposition *в* in Spatial and Temporal Structures]. *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]*. Comp. A. A. Kibrik, A. D. Koshelev. Ed. A. A. Kibrik. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015, p. 388–410. (in Russ.)

Plungyan V. A. K semantike russkogo predloga ("vtorogo predlozhnogo" padezha) [On Semantics of the Russian Preposition]. *Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]*. Moscow, VINITI of Russian Academy of Science Publ., 2002, issue 37, p. 229–254. (in Russ.)

УДК 811.161.1 + 81'367.628
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-39-52

Д. И. Ковалева

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

darij12813m@gmail.com

ПОПОЛНЕНИЕ ФОНДА МЕЖДОМЕТИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И КРИТЕРИИ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Цель статьи – представить описание и толкование междометий, найденных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и не зафиксированных в толковых словарях, для последующего включения этих единиц в специализированный словарь междометий. Общее количество впервые зафиксированных междометий составляет 244 единицы; общее количество междометий, зафиксированных на основе словарей, – 747 единиц (в список не входят междометные фразы). Таким образом, приращение к словарю составило 32,7 %. Междометия охарактеризованы по коммуникативным функциям, выделены следующие группы: звукоподражательные, эмоциональные, волеизъявительные, глагольные, этикетные, магические, игровые. Наиболее открытой для пополнения является группа звукоподражаний.

Классификация междометий проводится по функциям: определение эмоциональных междометий включает элемент толкования «выражение каких-либо чувств»; в трактовку волеизъявительных междометий входит указание речевого жанра, который выражается данным междометием (приказ, команда, побуждение к тишине и т. д.); этикетные междометия содержат указание на ту или иную речевую ситуацию; глагольные междометия имеют в составе толкования описание действия, которое они передают, а звукоподражания – описание звуков и их источника.

Ресурсы НКРЯ позволили пополнить корпус междометий, которые можно включить в толковые словари русского языка. Найденные примеры помогают не только определить значение новых междометий, но и уточнить значения зафиксированных в словарях междометий, выявить источники пополнения фонда междометий, значительную часть которых составляют заимствования из других языков. Наиболее продуктивной является группа звукоподражаний, которая, в силу субъективности восприятия и воспроизводства человеком звуков окружающей среды, является открытой и активно пополняется за счет авторских и окказиональных употреблений.

Ключевые слова: междометие, лексикография, толкование, Национальный корпус русского языка, словарная статья, речевой жанр, функция.

Возросший в последнее время в современной русистике интерес к междометиям отразился в необходимости их лексикографической репрезентации. Кроме того, закрепление за междометиями статуса самостоятельной части речи привело к необходимости интерпретации значений этих единиц. Однако толкование междометий и структура словарной статьи проблематичны, так как общим значением этого класса слов являются ощущения, которые уславливаются и реализуются в контексте и имеют тесную связь с конкретными условиями речевого общения.

Многие исследователи поднимают эту проблему и дают рекомендации по оформлению словарной статьи междометий. Так, А. Вежицкая считает, что объяснить значение этих слов невозможно, поскольку они не обладают смысловой наполненностью, а самой важной информацией в толковании должна стать инструкция по их употреблению [1999. С. 613]. Е. Г. Борисова предлагает описывать назначение междометий, их общие и частные значения,

Ковалева Д. И. Пополнение фонда междометий современного русского языка и критерии их классификации // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 39–52.

которые могут быть выведены из общего при выполнении того или иного назначения [2004. С. 77]. Н. Р. Добрушина отмечает сложность толкования междометий при их лексикографическом описании: «Вопрос о семантическом представлении междометий решается лингвистами по-разному в зависимости от того, признаются ли междометные высказывания речевыми актами, имеющими определенную иллокутивную силу» [1995. С. 6].

Противоречивость описанной проблемы, разные мнения исследователей на структуру словарной статьи стали причиной того, что на сегодняшний день не существует специализированного словаря русских междометий. Соответственно, мы не можем определить точное количество хотя бы первообразных междометий, не говоря уже об окказиональных, заимствованных междометиях (*мерси, пардон*) или же междометиях, образованных от знаменательных частей речи (*жуть, внимание, проклятье*).

В данной статье описываются междометия, отобранные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Эти единицы дополнили список междометий, составленный на основе трех словарей [Ефремова, 2001; БТСРЯ, 2000; Квеселевич, Сасина, 2001]. В связи с этим цель статьи – представить описание и толкование междометий, найденных в НКРЯ и не зафиксированных в толковых словарях, для последующего включения этих единиц в специализированный словарь междометий.

Выборку междометий мы проводили следующим образом: в НКРЯ задавался подкорпус «Только тексты со снятой грамматической омонимией», после этого в грамматических признаках выбиралась часть речи – междометие. Всего в выбранном подкорпусе насчитывается 556 документов и 8 405 вхождений. Общее количество вновь зафиксированных междометий составляет 244 единицы. Общее количество междометий, выявленных на основе словарей, – 747 единиц. Мы не включили в наш список междометные фразы, так как в НКРЯ был произведен поиск по единицам, состоящим из одного слова (иногда записанным через дефис). Таким образом, приращение к словарю составило 32,7 %.

Мы охарактеризовали междометия по коммуникативным функциям и количественно оценили приращение каждой из групп:

- звукоподражательные (19,7 %): – *Тэк-тэк!* – *чуть слышно постукивает огромная птица Глухарь в темном лесу.* – *Шварк-шварк!* – *дикий Селезень в воздухе пролетел над речкой.* – *Кряк-кряк!* – *дикая утка Кряква на озере.* – *Гу-гу-гу!* – *красивая птичка Снегирь на берёзе* (М. М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)); *скрлл* (употр. для обозначения скрипа надломленного дерева): *Говорят, если каждый день съесть по яблоку, будешь потом когда-нибудь очень здоров. Я куснул яблоко и услышал невдалеке – скрллл... – так скрипит надломленное дерево – скрллл... Скрип заглох, и я задумался – куснуть ли еще разок, и снова – скрллллл... Бог мой, неужели скрллл?... Скрилы, скрилы? На липовой ноге?* (Юрий Коваль. Сиротская зима (1980–1993));

- эмоциональные (5 %): *и-и-ти* (для выражения возмущения, насмешки, ехидства): – *И со двора уйду сама.* – *И-и-ти-ти, какие мы гордые! Какие мы честные и непреклонные, – принялась ехидничать начавшая полнеть и пухнуть Нелли Сергеевна, которая, выпави ей доля жить в коммуналке или бараке, была бы непобедимым кухонным бойцом* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)); *ойу* (для обозначения восклицания): *Тут мы оба расхохотались, и, может быть, наш смех продлился бы до бесконечности, если б я не заметил, что с пристани наверх поднимаются люди. Оказывается, катер уже подошёл. – Ойу! – как-то жалобно и горделиво воскликнул он и побежал к причалу. Из этого непонятного мне восклицания, идущего из самой глубины его немецкой души, я почувствовал, что он по горло насытился русским языком и решил закругляться* (Фазиль Искандер. Летним днем (1969));

- волеизъявительные (3,2 %): *ать* (возглас при поимке кого-либо или чего-либо): *А куда сейчас-то? Место подбирать, куда бежать? Иван обиделся. – Ать, – поймал! Пойма-ал конструктор... – Посмеялся недобро. – Что, есть на примете хорошее местечко?* (Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972));

- глагольные (1,5 %): *зырь-зырь* (употр. при обозначении быстро брошенного взгляда по сторонам): *Темно. Страшно. Не то страшно, что темно, а что ушли все, недосчитаются его одного на вахте, и бить будет конвой. А всё ж зырь-зырь, довидел камень здоровый в углу, отвалил его, под него мастерок подsunул и накрыл* (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)); *тык-мык* (употр. при обозначении метания из стороны

в сторону, туда-сюда): *С собой весь мешочнице на проверку выносить – смех! – в пятьсот глоток смех будет. Оставить здесь – неровен час, тянут, кто с проверки первый в барак вбежит. (В Усть-Ижме ещё лютей законы были: там, с работы возвращаясь, блатные опередают, и пока задние войдут, а уж тумбочки их обчищены.) Видит Шухов – заметался Цезарь, **тык-мык**, да поздно. Суёт колбасу и сало себе за пазуху – хоть с ими-то на проверку выйти, хоть их спасти* (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961));

- этикетные (0,9 %): *адье* (употр. при прощании, расставании с кем-либо): *И отвечаю Каменевой, что в моём личном деле всё есть, добавить мне нечего и разговаривать с ней тоже времени нет, **адье!** Она даже рот разинула от удивления* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977));

- магические (0,5 %), игровые и др.

Как видно из приведенных показателей, самой большой пополняемой группой оказались звукоподражания. Это связано, прежде всего, с субъективностью восприятия говорящим звуков живой и неживой природы, звуков музыки и др., в частности с неоднозначной трактовкой этих звуков, желанием передать особенности их личного восприятия.

С классификацией междометий по функциям связана формулировка толкования междометий. Так, эмоциональные междометия мы описали как «выражение каких-либо чувств»: они выражают, как правило, разнообразные эмоции – и положительные, и отрицательные, например, *мгм* (выражение неуверенности, сомнения, недоверия, удивления): *А Иван даже предостерегающе привстал... И смотрел на профессора недобро, очень серьёзно. Профессор вовсе был удивлен. – **Мгм**, – сказал он. И замолчал. Все долго молчали. – Пойду, пожалуй, чайку спрошу, – сказал профессор* (Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)).

В трактовку волеизъявительных междометий мы поместили указание речевого жанра, который выражается данным междометием (приказ, команда, побуждение к тишине и т. д.), например, *кыть* (употр. для того, чтобы подозвать овец): *– **Кы-ы-ыть! Кыть! Кыть!** – зовет голосистая старуха своих овец, и, послушные её голосу, животные галопцем несутся в ворота хозяйкина дома* (А. И. Левитов. Расправа (1862)).

Этикетные междометия содержат указание на ту или иную речевую ситуацию, например: *хай* (употр. при приветствии в знач. *привет, здравствуй* (от англ. *hi* ‘привет’)).

Глагольные междометия имеют в составе толкования описание действия, которое они передают, а звукоподражания – описание звуков и их источника, например, *плесь* (употр. при обозначении удара рукой кого-либо): *Прокликаясь через тесноту, от каждой бригады работяги по два, по три носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них места на столах. И всё равно не слышит, обалдуй, спина еловая, на тебе, толкнул поднос. **Плесь, плесь!** Рукой его свободной – по шее, по шее! Правильно! Не стой на дороге, не высматривай, где подлизать* (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)).

Определяя значение отобранных единиц, мы попытались составить общее и исчерпывающее описание единицы, не ограничиваясь иногда приведенными контекстами. Однако в некоторых случаях определить конкретное употребление междометия не получилось, так как контекст не содержал указания на состояние и чувства говорящего (например, междометия *вах*, *вай*, *ай-вай-вай* и др.). Междометие *ать* является многозначным, поэтому общее значение не было определено.

Вопрос об оформлении вариантов и многозначных междометий пока остается открытым в нашем исследовании. В толкованиях междометий, которые можно представить как варианты других единиц, стоит помета «см.». Она означает, что значения входного междометия и междометия, приведенного с пометой «см.», полностью идентичны, их можно объединить в одну словарную статью. Например:

Аф (употр. для обозначения лая собак. См.: *ав*, *гав*): *Не зная природы собак, испугавшись двух коротких «**аф!** **аф!**», зубов и красного молодого языка сучки, он совершил ошибку, побегал от неё не в дом, дурак, не к людям, но между облупившимися стенами сырого кирпича побегал к воротам, выходящим на улицу Свердлова* (Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)).

Помета «ср.», в свою очередь, указывает на синонимичные слова. Так, например, междометия *ёлки, ой-ёй-ёй* (и *ой-ой-ойиньки*), *о-у, пфу, так-перетак* можно дать в словаре как варианты междометий *ёлки зелёные, ой, о, тьфу, так твою перетак* соответственно.

При отборе междометий нам встретилось значительное количество слов, известных многим носителям языка, но по каким-то причинам не включенных в словари, а также и специфические (оказиональные) слова (в основном это звукоподражания). Велико количество заимствованных из других языков или говоров междометий, например: *вай, вах* – у народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии, *вау, хелп, хай, хелло* – английские (американские) междометия, *аман* – арабское, которые используются в художественной литературе для создания национального колорита.

Баде (для выражения разнообразных чувств): *Полехи*¹ *прибавляют почти к каждому слову восклицания: «га!» и «баде!»* (И. С. Тургенев. Певцы (1850)).

*Вай*² (для выражения разнообразных чувств: горести, разочарования, восхищения и т. д.): *Бригадир довольно резко прервал его: – Сколько всего? – По накладным – сто девяносто четыре тонны... Вай, горе мне... – А сколько не хватает? Восточный человек ответил: – Совсем немного* (Сергей Довлатов. Виноград (1990)).

В ряде случаев значение слова помогает определить обращение к специализированным переводным словарям. К междометиям, пришедшим из английского языка, мы приводим перевод оригинального выражения по онлайн-словарю ABBY Lingvo:

Хай (употр. при приветствии в знач. 'привет, здравствуй'; НН *межд.*; разг. *здорово!*, *привет!*, как дела? (ABBY Lingvo)): *В проходе между двумя рядами машин появился верзила с длинной рыжей бородкой, в зелёном свитере и белых баскетбольных кедах. – Хай! – приветствовал он Москвича весьма дружелюбно, но несколько небрежно, так как то и дело заглядывал в ворох бумаг, что нёс в руках* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976).

Разберем подробнее каждую группу междометий.

Эмоциональные междометия (*бе-хе-хе, бляха-муха, бу, вай, вау, вах, ё, ёлки, и-и-ти, мгм, мля, оё, ой-ой-ойиньки, ойу, о-ля-ля, опа, ото, о-у, ох-ма, пф, пфе, пфу, пха, так-перетак, тры, фы, хо-го, хэ, хы, эхо-хо* и др.) мы не подразделяем на подгруппы, так как в разных ситуациях они выражают разные эмоции, более того, многие из них нельзя однозначно охарактеризовать как выражающие отрицательную или положительную эмоцию, практически все они амбивалентны (*вай, вах, ё, ёлки, ой-ёй-ёй*):

*Вах*³ (для выражения разнообразных чувств: горести, разочарования, восхищения и т. д. Ср. *вай*): *Некоторые садились на корточки, чтобы уютней смотреть. Мне сказали, что горбун – курд, его зовут Саша, он тоже большой драчун. Назар внезапно толкнул Сашу, и тот упал. Зрители сказали: «Ва-ах...» Я вспомнил, как говорил Атабалы: «От него падаешь, как всё равно с ишака – головой в землю»* (Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)); *Испуганное, недоумевающее выражение на его лице мало-помалу сменилось скорбным и страдальческим, он закатил глаза, как бы испытывая мучительный восторг, и проговорил: «Ваххх! ...» И слёзы медленно потекли у него по щекам и закапали на зелёный сюртук* (А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)).

Междометие *ото* включено в раздел эмоциональных, хотя его можно отнести и к экспозитивам, поскольку оно выражает согласие со словами собеседника, подтверждение своих слов. Однако, на наш взгляд, эмоциональность этого выражения выходит на первый план.

Ото (для выражения согласия со словами собеседника, подтверждения своих слов, усиления ранее сказанного. Ср.: *а то! а то как же! ещё бы!*): *Его речь была так же необычна, как и его наружность. Его заикание заключалось в том, что часто в начале и в середине фразы, произнесённой с некоторым староукраинским акцентом, он останавливался и вставлял какое-то беспомощное, бессмысленное междометие «ото... ото... ото»... – С точки...*

¹ *Полехи* – субэтническая группа русских на территории Орловско-Калужского Полесья.

² *ВАЙ, ВАЙМЕ, межд.* Обычно выражает неодобрение, несогласие, горечь и т. п. От распространенного экспресс. восклиц. у народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии [Елистратов, 2002].

³ *ВАХ, межд.* Выражает любую эмоцию. От распространенного экспресс. восклиц. у народов Закавказья. Ср.: *ва* [Елистратов, 2002].

ото... ото... ритмической, – говорил он – данное стихотворение как бы написано... ото... ото... сельским писарем...» (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)); *Понятно вам? Уеду в Новосибирск. Или, ещё лучше, выйду замуж. – Ото! – заметил Костя. – Это даёт! – А что? По-вашему, я уже не могу ни за кого выйти замуж? – Только за укротителя, – сказал Коля* (И. Грекова. Дамский мастер (1963)); *Наносил в кадушку, что в сених стояла, воды, дров нарубил. Мать всё вспоминала потом. Он посмотрел на часы и сказал: – Ото... – Значит, завтра, – сказал Сагайдак и поднялся* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)).

Группу волеизъявлений мы разделили по категориям в соответствии с классификацией «Русской грамматики» [РГ, 1980]:

а) призывы на помощь (*аман, хелп*):

Аман (от *аман* (араб.). Безопасность, защита. В восточных областях кричать «аман» означает просить пощады, помилования [СИС, 1910]): *Элчан-Кайя идёт на каменных парусах, уходят мачты в чёрное небо и белой пеной режет надвое море. Вьётся фелюга меж зыбей, но уж полнеба закрыл Элчан-Кайя, прямо на Христо идёт. Крикнуть не мог Христо и шепчет без звука: – Аман! Аман! И прошёл каменный корабль по фелюге, а сам растаял в шторме, в чёрном небе* (Б. С. Житков. Элчан Кайя (1926));

б) побуждение к отклику (*пожа, у-ху*):

У-ху (употр. в качестве призыва. Подача голоса с целью отыскать пропавшего человека): *Они схватили пленного на руки и нырнули в лес. Уже слышны были странные для русского уха крики немцев, зовущих пропавшего товарища: – У-ух!.. У-ху!.. – Виллибальд! Виллибальд! – Герр Беннеке!..* (Э. Г. Казакевич. Звезда (1946));

в) требование тишины, внимания, согласия:

*Пссст*⁴ (употр. как призыв к тишине, для привлечения внимания): *А то он у меня все стёкла из рам потаскает. – Эй, Курт! – вдруг окликнул военный в прожжённом плаще. – Ну, как тебя? Пссст! Ну, стой, раз тебе говорят* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943–1958));

г) побуждение к осуществлению или прекращению каких-либо действий:

*Ап*⁵ (употр. при совершении какого-либо трюка. Обычно используется в речи акробатов или физкультурников. Ср.: *але-гоп*): *Велосипедисты с громким криком «Ап!» соскочили с машин и раскланялись, причём блондинка посылала публике воздушные поцелуи, а малютка протрубил смешной сигнал на своём гудке. Рукоплескания потрясли здание, голубой занавес пошёл с двух сторон и закрыл велосипедистов, зелёные огни с надписью «выход» у дверей погасли, и в паутине трапещей под куполом, как солнце, зажглись белые шары. Наступил антракт перед последним отделением* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940));

д) изгнание, призыв животных:

Чоу (употр. для того, чтобы отогнать лошадь. Ср.: *кыи*): *Спина лошади оказалась стёртой. – Кто её знает, что она там перевидела, – прервал дедушка общее молчание, как бы оправдывая лошадь. – Чоу! – Взмахнув рукой, дядя согнал её с места. Кукла отошла на несколько шагов, остановилась, постояла и вдруг оглянулась на дядю. – Чоу! – Снова взмахнув рукой, он согнал её с места и посмотрел ей вслед. Рану на её спине он презрительно не замечал, словно то, к чему он приглядывался и прислушивался, было куда важнее всяких ран. Кукла опять сделала несколько шагов и нерешительно остановилась. Все молчали, и, словно испугавшись общего молчания, лошадь снова оглянулась на хозяина. – Чоу! – прикрикнул он на неё ещё раз, и она опять сошла с места, сделала несколько шагов и обречённо остановилась* (Фазиль Искандер. Лошадь дяди Кязыма (1966));

е) обращение к ребёнку:

Топи (употр. при обращении к ребёнку с целью научить его ходить): *И самое забавное было, что огромный пёс, как добрый и покорный отец семьи, осторожно шёл за ними.*

⁴ ПСС, ПСТ, СТ, ПССТ *pss! psit!* разг. 1. Звукоподражательное междометие, употребляемое для выражения неудовольствия, неодобрения, предостережения и т. п. 2. Межд., служащее для привлечения внимания [Епишкин, 2010].

⁵ *АП! hop!* Условный сигнал, который один из исполнителей подает своему партнеру (партнерам); уточняет момент вступления в трюк или момент перехода от одной части пассажа к следующей. Иногда заменяют сигналы аналогичного назначения – «Алле!» или «Алле-ап!» [Епишкин, 2010].

– *Топ! Топ! Топу! Топу!* – повторяла Ляля и прогуливая свою толстоногую, стремящуюся оторваться от неё сестрёнку. – Ну, ладно, я пойду, – сказал Чик. – Чик, заглядывай к нам почаще! – крикнула Ляля и снова: – *Топ! Топ! Топу! Топу!* Огромный пёс продолжал следовать за ними, как бы признавая всем своим видом полезность для ребёнка таких прогулок (Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)).

Все перечисленные категории пополнились новыми междометиями. Наибольшее количество единиц появилось в категориях «изгнание, призыв животных»; «обращение к ребёнку»: *ар-ря* (употр. для того, чтобы отогнать домашних животных, преимущественно коров, овец, коз и т. п.), *кыс* (употр. для того, чтобы подозвать кота / кошку. См.: *кис*), *кыть* (употр. для того, чтобы подозвать овец. Ср.: *тпрюси*), *мяк* (употр. для того, чтобы подозвать оленей. Ср.: *тпрюси*, *кыть*); *чоу* (употр. для того, чтобы отогнать лошадь. Ср.: *кыи*) и др.; *агунюшки* (употр. при обращении к ребёнку с целью успокоить его или привлечь его внимание. См.: *агу*); *топи* (употр. при обращении к ребёнку с целью научить его ходить. См.: *тон*) и др.

Кроме того, в составе волеизъявительных междометий мы выделили ещё одну категорию – экспозитивы [Прудникова, 2012. С. 54]. К этой категории относятся утверждения / отрицания и диссентивы (рифмованные перифразы отрицания), например, *окей*, *у-зм*, *эсь*, *эть*.

*Окей (о'кей)*⁶ (для выражения согласия на слова собеседника или на совершение какого-л. действия): Публика уже видела столько бород и усов в фильмах из русской жизни, что больше не сможет этого вынести. Значит, сначала вы побреетесь, потом мы подписываем контракт на шесть недель. Согласны? – *О'кей!* – сказал Колумб, дрожа всем телом (И. А. Ильф, Е. П. Петров. Колумб причаливает к берегу (1936)).

Эсь, эть (отклик на слова собеседника): Потом, отчасти сам любопытствуя, спросил, не оборачивая головы: – А стража, – *эть?* – Стража в горячке, и послано за подлекарем, – ответил подросток. – *Эсь*, – сказал кучер Яков (Ю. Н. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)).

Среди этикетных отмечены преимущественно заимствованные лексемы: *адье*, *алаверды*, *бонжур*, *хай*, *хэллоу*. В НКРЯ слова *здрате*, *зрасти* и *здрасьте* представлены разными леммами, однако мы считаем, что они являются вариантами одного слова *здравствуйте*.

Некоторые глагольные формы похожи на звукоподражания (например, *ам*, *блям*, *крак*), однако основной семантический компонент (внезапность, стремительность совершенного действия) позволяет отнести эти единицы в состав глагольных междометий. Для некоторых из них можно указать глагол, от которого предположительно образовано междометие, что является доказательством принадлежности этих междометий к глагольным.

Порск (употр. при обозначении быстрого, стремительного перемещения человека куда-либо. См.: *порскнуть*): Через пять минут влетаем в деревню. Тут я прямо обезживотел... Фашисты кто куда... А – грязно, понимаешь, – другой выскочит из сапогов и в одних носках – *порск*. Бегут все к сараю. Товарищ лейтенант даёт мне команду: «А ну – двинь по сараю» (А. Н. Толстой. Русский характер (1942–1944)).

Самой обширной группой междометий, которая активно пополняется, являются звукоподражания, поэтому мы разделили её на 6 подгрупп: 1) звуки живой природы; 2) физиологические звуки, издаваемые человеком; 3) звуки неживой природы; 4) звуки, издаваемые музыкальными инструментами или другими предметами для получения музыки; 5) звуки пения человека; 6) звуки, издаваемые оружием.

Первая подгруппа – звуки живой природы – состоит из самых необычных и окказиональных слов, которые встретились в НКРЯ: *арра* (употр. для обозначения крика попугая); *аф* (употр. для обозначения лая собак. См.: *ав*, *гав*); *афта* (употр. для обозначения лая собак. См.: *ав*, *гав*); *гу* (употр. для обозначения звуков, издаваемых снегирём); *гуляль-киляль-ляль-киляль* (употр. для обозначения звуков, издаваемых журавлями); *дра-та-та* (употр. для обозначения звуков, издаваемых сорокой); *дри-ти-ти* (употр. для обозначения звуков, издаваемых сорокой); *дрон-тон* (употр. для обозначения звуков, издаваемых вороном); *жу* (употр.

⁶ ОКЕЙ [о слабоударяемое], частица и в знач. сказ. (прост.). Выражение согласия, подтверждения, одобрения; всё хорошо, всё в порядке [Ожегов, Шведова, 1996].

ОК 1. межд.; = О.К. есть!, идёт!, ладно!, хорошо! 2. прил.; разг.; = О.К., ок, okay 1) предик. всё в порядке; хорошо; правильно; 2) нормальный, подходящий. 3. гл.; прош. вр., прич. прош. вр. одобрять, соглашаться, санкционировать. 4. сущ.; разг.; = О.К. одобрение, подтверждение [ABBYY Lingvo].

для обозначения жужжания шмеля); *зи-зи-зинь* (употр. для обозначения жужжания пчелы); *ир-чик* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *кар-кар-кекс* (употр. для обозначения звуков, издаваемых косачем (тетеревом)); *квох* (употр. для обозначения звуков, издаваемых тетеркой); *кудуху* (употр. для обозначения звуков, издаваемых курицей); *мо-поук* (употр. для обозначения звуков, издаваемых совой); *пи-у* (употр. для обозначения звуков, издаваемых рябчиком); *плень* (употр. для обозначения звуков, издаваемых попугаем или другой птицей); *рри* (употр. для обозначения жёсткого, гортанного звука, издаваемого дроздом); *р-р-р-чик* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *теньк* (употр. для обозначения звуков, издаваемых птицами); *тинь-тинь* (употр. для обозначения звуков, издаваемых синицей); *токано* (употр. для обозначения звуков, издаваемых туканами); *трэнк* (употр. для обозначения жёсткого, гортанного звука, издаваемого дроздом); *туит* (употр. для обозначения звуков, издаваемых попугаем); *тцик* (употр. для обозначения звуков, издаваемых попугаем (арой)); *тцит* (употр. для обозначения звуков, издаваемых попугаем (арой)); *тэк* (употр. для обозначения постукивания, производимого птицей глухарем); *тюи* (употр. для обозначения пения птиц); *тюп* (употр. для передачи звука, который производит губами щенок); *ур-гур-гу* (употр. для обозначения звуков, издаваемых тетеревом); *цык* (употр. для обозначения звуков, издаваемых клестом); *чень-чень-чень* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чеп-чик* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чепчик* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чер-чилиим* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чи-чи-нип* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чим-чирим* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чио* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чирик-чи-чвить-чить* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чуу-чуу* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чуть-чуть-чъвим-чим* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чу-ффффф-ыиши* (употр. для обозначения звуков, издаваемых тетеревом. См.: *чуф*); *чу-фффыишиши*, *чъвит-чъвит* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *чья* (употр. для обозначения звуков, издаваемых воробьем); *шм-шм-шм* (употр. для обозначения звуков, издаваемых шмелем (бас)).

На наш взгляд, причина такого разнообразия заключатся в субъективности восприятия человеком звуков, издаваемых животными. Наряду с привычными междометиями (*жу*, *арра*, *квох* и др.) встретились и такие необычные и новые слова, как *гуляль-киляль-ляль-киляль*, *ир-чик*, *мо-поук*, *р-р-р-чик*, *чень-чень-чень*, *чеп-чик*, *чепчик*, *чер-чилиим*, *чи-чи-нип*, *чим-чирим* и др.:

– **Афта афта!** – гавкал в трубе собачонкой Васютка, сынишка Кучерищев, стерёг башенку (А. М. Ремизов. Зайка (1905)); Он нажал спуск, и серебристая лужица, прикреплённая к стволу вяза, разлетелась в мельчайшие куски. В ответ раздалась проклятия и, как всегда, беспорядочная стрельба. (И словно бы журавли закликали за нависшей над дорогой скалой: *гуляль-киляль-ляль-киляль-снайпер...*) Фигурки на скале забегали – кричали, вопили, улюлюкали (Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)); Одни [сороки. – Д. К.] вроде: – **Дри-ти-ти!** Другие: – **Дра-та-та!** – **Дрон-тон!** – крикнул ворон сверху (М. М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)); В траве стрекотали кузнечики, в воздухе жужжали слепни и мухи, и наперегонки носились разноцветные бабочки. – **Зи-зи-зинь**, – вдруг послышался сердитый голос над Зоиной головой. Пчёлка Зоя открыла глаза и увидела свою сестричку Зину, которая, как и Зоя, любила работать в одиночку (Виктор Кологрив. Медовый луг // «Мурзилка», 2002); – Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся! Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину. – **Ир-чик! Ир-чик!** Чуть-чуть-чуть! – сказал я Косте (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)); Косач в это время, не обращая на самца вороны никакого внимания, выкликнул своё, известное всем охотникам: – **Кар-кар-кекс!** И это было сигналом ко всеобщей драке всех токующих петухов (М. М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)); Вверху на высохшем суку блеснули совиные глаза. Вдруг сова прокричала: «**Мо поук!**» (В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995–2000)).

Междометие *аф* (*афта*) можно представить в словарной статье как вариант междометия *гав* (*ав*), так как пишущий отражает на письме глухой согласный в конце слова.

В группу междометий, обозначающих физиологические звуки, издаваемые человеком, входят следующие слова: *брыль-брыль* (предположительно употр. для передачи звуков, издаваемых человеком, имеющим брыли, как сравнение человека с мопсом); *вах* (употр. для обозначения выдоха); *гы* (употр. для обозначения смеха); *гы-гы-гы* (употр. для обозначения смеха); *ио-хо-хо* (употр. для обозначения смеха, как правило, особый смех у пиратов); *карх* (употр. для обозначения кашля); *ти* (употр. для обозначения, передачи звука чихания); *тиц* (употр. для обозначения, передачи щёлканья языком); *уау* (употр. для обозначения, передачи звука плача, издаваемого маленьким ребенком. Ср.: *уа, уа-уа*); *хнык* (употр. при обозначении плача, хныканья. Ср.: *хны*); *хо-хи* (употр. для обозначения, передачи смеха. Ср. *хи-хи, хо-хо, ха-ха*); *хры* (употр. при обозначении храпа); *ху* (употр. для обозначения, передачи звука выдоха. Ср.: *фух, хух*); *хух* (употр. для обозначения, передачи звука выдоха); *хха* (употр. для обозначения, передачи смеха. Ср.: *ха*).

В произведениях для детей необычные междометия используются как литературный прием антропоморфизма (*вах* – выдох, издаваемый Пестрой баней; *карх* – кашель медведя): – **Ва!** – удивилась ему мечеть, покачиваясь на горбу Ботанической улицы. – **Вах!** – выдохнула Пестрая баня, паром завернутых в простыни тел обдав невиданный в квартале объект показа – пенсне с золотой дужкой (Теймураз Мамаладзе. «Здравствуй, осел!» (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15); «**Карх...**» – кашлянул медведь, сплюнул и отбросил мешок в сторону (Юрий Коваль. Лабаз (1972)).

Необычное междометие *брыль-брыль* предположительно используется как сравнение с тем, кто имеет брыли (в примере – это сравнение с мопсом): – *Сделают даром. – Даром – значит, схалтурят. Брылястый. Брыль брыль, как мопс. Тысячу – меньше и не думай. – Вот вернусь, сами увидите, что даром. И без всякой халтуры* (И. Грекова. Перелом (1987)).

В отдельную подгруппу вошли междометия, заменяющие речь человека: *бла, зу-зу-зу, и-ы, ла-ла-ла, тае, трам-трам, уис-уис-уис-уис, ыгым*. Некоторые из них (*бла-бла-бла, зу-зу-зу, ла-ла-ла, уис-уис-уис-уис*) обозначают пустые разговоры, бессмысленные слова, надоедливые нравоучение, ворчания, бессвязные бормотания и др., не имеющие для человека никакой ценности и смысла, а только раздражающие.

Зу-зу-зу (употр. для обозначения, передачи надоедливых нравоучений, подстреканий, наговоров и т. п.): *Ложусь – и начинается... Уже чего только не переговорили! Он ведь парень-то хороший, Женюрка наш, но въедливый – сил нет! Рассорил нас: знает, что мать без меня ничего не решает, а всё равно между нами – зу-зу-зу, зу-зу-зу! И как не устаёт? Ведь каждый божий день одно и то же. О чём ни заговоришь – всё опять на одно съезжает* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001).

Ла-ла-ла (употр. для обозначения пустых разговоров, ворчания, употребляется для замены слов в предложении): *Вот тут смотрел однажды, у него квартира, у неё квартира, шифоньер, диван, трюмо... и все недовольны, ла-ла-ла да ла-ла-ла... – Не видел. Не берусь судить, – ответил Малиновский, – думаю, что в фильме могли быть затронуты проблемы... этического характера...* (Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)).

Уис-уис-уис-уис (употр. для обозначения, передачи бормотания): *Больного перенесли в другую комнату и положили на кровать, где он тут же погрузился в беспробудный сон. С полу подтёрли; женщины стояли кучками по углам, держа платки у ртов и однообразно бормоча друг другу что-то вроде «уис-уис-уис-уис»; курящие успели перекурить на лестнице; вызванная «скорая» не ехала, да, похоже, и необходимость в ней отпала; делать было больше нечего* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001).

Другие же междометия (*и-ы, таё, ыгым*) обозначают нечленораздельную речь. Мы включаем их именно в эту группу, а не в группу физиологических звуков человека, потому что такие междометия обозначают не случайные звуки, а указывают на попытку участвовать в осмысленной коммуникации, которая по каким-то причинам не может быть осуществлена.

Таё (употр. для обозначения нечленораздельной речи): *Так, словесное объяснение в любви Пьера Безухова с Элен – ложь, а истинная любовь объясняется не словами, а «взглядами и улыбками» или, как Кити и Левин, криптограммами. Бессловесное невразумительное «таё» Акима из «Власти тьмы» имеет содержанием истину, а красноречие всегда у Толстого живо* (Ю. М. Лотман. Символ в системе культуры (1982–1992)).

Примечателен пример с междометием *и-ы*. В найденном нами контексте это сочетание произносит не человек, а кот, который в данном случае выступает равноправным участником коммуникации: он может издавать членораздельные звуки, реагировать на обращения, а произнесенное им междометие имеет вполне осмысленное и ясное значение:

И-ы (употр. для обозначения нечленораздельной речи, мычания): *Вначале это были отдельные членораздельные звуки, затем он [кот Мэси. – Д. К.] стал реагировать на обращённые к нему слова людей своеобразным вопросительным междометием: «и-ы?», что означало: «В чём дело?»* (А. П. Дубров, О. Л. Силаева, В. Д. Ильичев. Кот, говорящий по-азербайджански // «Первое сентября», 2003).

Междометие *трам-трам* отличается от других междометий в этом списке, однако мы включаем его именно в эту подгруппу, так как в определенных контекстах оно указывает на человеческую речь: говорящий ставит в один ряд слова в песне и какой-то шум (*трам-трам*), т. е. все те звуки, которые не составляют звуков музыки: – *Ну как же мешают, – возражает кто-то, – а если слова прекрасны и сливаются с музыкой в одно целое? Разве тогда они могут мешать?* – *Не знаю, не знаю, – говорит Л. Н., – может быть, слова и нужны, но мне-то лично при музыке их не надо. Мне всё равно, что слова, что просто трам-трам. Я воспринимаю мысль автора, выраженную в звуках, и она будит во мне известные чувства, которые могут не соответствовать прибавленным к музыке словам* (А. М. Хирьяков. Около Л. Н. Толстого (1909)).

К междометиям, передающим звуки неживой природы, относятся следующие: *бабам* (употр. для обозначения низкого звука при ударе предмета обо что-то (например, звук удара об пол). Ср.: *бам*. Ср. *бах, бабах, бум*); *бам* (употр. для обозначения низкого звука при ударе предмета обо что-то (например, звук удара об пол). Ср. *бах, бабах, бум*); *брязг (бррызг)* (употр. для обозначения треска, звука разлома); *бубум* (употр. для обозначения сильного короткого звука при ударе предмета обо что-то (например, при падении тяжёлого предмета)); *вам* (см.: *бам*); *вв-вв-ву* (употр. для обозначения воя ветра); *гак* (употр. для обозначения звука, который издает вылетающий воздух); *дзы* (употр. для обозначения звукадребезжания (дрожащий высокий звук, звон, звяканье)); *дзынь-дзынь-дзынь* (употр. для обозначения короткого высокого звука, тихого звона, звяканья чего-либо. См.: *дзынь*); *ды* (употр. для обозначения капания воды); *клац* (употр. для обозначения отрывистого звука, лязганья. См.: *клацать*); *пурум* (употр. для обозначения шума); *пф* (употр. для обозначения звука, издаваемого волной, шипение); *пц* (употр. для обозначения звука шипение, треска); *скрллл, скрлллл, скрллллл* (употр. для обозначения скрипа надломленного дерева. См.: *скрилы*); *так-таки-так* (употр. для обозначения тиканья часов); *тах-тах* (употр. для обозначения стука колес поезда); *тили-тили-тили-ли* (употр. для обозначения звонка телефона); *трик-трак-трак-трак* (употр. для обозначения звука, производимого мельничным колесом); *ту* (употр. для обозначения гудков); *уах* (употр. для обозначения удара молнии); *фр-р-р-р* (употр. для обозначения звука шелестения купюр); *хр-р-рр* (употр. для обозначения звука хрипения, хрупанья, производимого помехами, поломками в динамике, колонках и т. п.); *хруст* (употр. для обозначения звука треска при разламывании древесины); *х-щ-щ* (употр. для обозначения звука шипения, потрескивания); *ца-це* (употр. для обозначения звука «цвяканья» часов. См.: *це-ца*); *це-ца* (употр. для обозначения звука «цвяканья» часов. См.: *ца-це*); *цсык* (употр. для обозначения звука при срезании травы косой); *чток* (употр. для обозначения глухого звука треска, раскалывания, разламывания чего-либо. Звук, сопровождающий откупоривание бутылки); *щ-щ* (употр. для обозначения шипения, потрескивания); *щ-щ-щ, ш* (употр. для обозначения шипения; звука, издаваемого волной); *ширк* (употр. для обозначения шуршания, легкого звука трения купюр друг об друга); *шлепи-шлеп* (употр. для обозначения звука капания воды, удара капель воды о поверхность); *шур* (употр. для обозначения шуршания, легкого шума, шороха. См.: *шуршать*); *шурх* (употр. для обозначения шуршания, легкого шума, шороха); *шурх-ша-ша-ша* (употр. для обозначения шуршания, легкого шума, шороха); *щици* (употр. для обозначения шипения):

Из его комнаты было слышно, как он двигал стулья, лез на подоконник и издавал такой «пурум», что небу было жарко (И. Грекова. Первый налет (1960)); *Напольные часы английской работы цвякали на тверской манер: «ца це» «це ца»* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)); *И, перевернув её на спину, устанавливал иглу, прищуриваясь на черносливые*

отблески колыхающегося толстого диска, и снова слушал, томясь, об отцветших давно, **щищи**, хризантемах в саду, **щищи**, где они с нею встретились, и вновь, нарастая подводным потоком, сбрасывая пыль, кружева и годы, потрескивала Вера Васильевна и представляла томной наядой – неспортивной, слегка полной наядой начала века, – о сладкая груша, гитара, покатавшая шампанская бутылка! (Татьяна Толстая. Река Оккервиль (1983)); Лишь изредка ветер набегал струями и, в последний раз замирая около дома, донёс до нашего слуха звук мерных и частых ударов, раздававшихся в направлении конюшни. Мардарий Аполлоныч только что донёс к губам налитое блюдечко и уже расширил было ноздри, без чего, как известно, ни один коренной русак не втягивает в себя чая, – но остановился, прислушался, кивнул головой, хлебнул и, ставя блюдечко на стол, произнёс с добрейшей улыбкой и как бы невольно вторя ударам: «**Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!**» – Это что такое? – спросил я с изумлением. – А там, по моему приказу, шалунишку наказывают... Васю-буфетчика изволите знать? (И. С. Тургенев. Два помещика (1847)).

Среди междометий, передающих звуки неживой природы, представлен довольно большой ряд слов, указывающих на имитацию тех или иных звуков самим говорящим (см. примеры *бам, вам, вв-вв-ву, пф, ту, ш*):

– Ах, страшно, не правда ли, когда буря и ветер воет: **вв вв ву!** – завывала дама и закачала перьями на шляпке (Б. С. Житков. «Сию минуту с!..» (1927)).

В отдельную подгруппу мы поместили междометия, обозначающие звуки, издаваемые музыкальными инструментами и поющим человеком: *брень* (употр. для обозначения звуков, издаваемых струной); *даду* (употр. для обозначения звуков, издаваемых клавишным инструментом); *дили-дили-дон* (употр. для обозначения звуков, издаваемых колоколом. См.: *дили-до-дон*); *дили-дон-дон* (употр. для обозначения звуков, издаваемых колоколом. См.: *дили-дили-дон*); *лам-па-ра-пам* (употр. для обозначения звуков музыки); *лю-лю* (употр. для обозначения звуков, издаваемых свирелью); *ни* (употр. для обозначения звуков, издаваемых скрипкой); *пи* (употр. для обозначения звуков, издаваемых скрипкой); *пум* (употр. для обозначения звуков, издаваемых барабаном. См.: *пурум*); *пурум* (употр. для обозначения звуков, издаваемых барабаном. См.: *пум*); *пум-ба-па* (употр. для обозначения звуков, издаваемых гармонью); *та-ра-ра-ра* (употр. для обозначения звуков, издаваемых трубой); *тара-тара-там-та-та* (употр. для обозначения звуков музыки); *тим-там* (употр. для обозначения звуков, издаваемых бубном); *трень* (употр. для обозначения звуков, издаваемых струной); *ту-ру-ру* (употр. для обозначения звуков, издаваемых трубой); *щищи* (употр. для обозначения звуков, издаваемых оркестровыми тарелками); *гоца-ца* (часть припева песни); *гутц* (часть припева песни); *ду-ду* (имитация звуком музыки); *и-эх* (возглас, сопровождающий танец); *йо-йо-йо* (часть песни для темпа при чтении рэпа (стиля хип-хоп-музыки)); *ламца-дрица* (употр. как компонент припева); *парьям-па-пам* (употр. как компонент песни, напева); *пи* (употр. для обозначения тонких звуков пения; писк); *скырлы* (употр. как компонент песни); *там-там* (употр. как компонент песни); *тарьям-папам* (употр. как компонент песни, напева); *тарьям-папам-па-нам-папам* (употр. как компонент песни, напева); *тили-тили-тили-бом* (компонент детской песни); *тип-тип* (употр. как компонент песни, напева); *тирдар-пупия* (употр. как компонент частушки, песни); *тирли-тирли* (употр. как компонент песни, напева); *тиуууу-лиуууу* (употр. для передачи звуков пения); *тра-ля-ля* (употр. как компонент песни, напева); *тру-ля-ля* (употр. как компонент песни); *ту-ра-ру-ра* (употр. для передачи звуков пения); *чары-чары* (употр. как компонент песни); *ча-ча-ча* (употр. как компонент песни, обозн. ритм песни).

Да, кстати, что за песню пела Анна? Почкин поехал, но, как ни странно, вспомнил всю до конца. И когда он дошёл до слов «**Чух, чух, чух! Гутц!**» – на голову ему вдруг свалился какой-то предмет. Это был старинный свиток (В ночь на Ивана-Купалу // «Трамвай», 1990); – Вы немножко фальшивите, – вежливо сказал комар, когда Ёжик устал. – Четвёртое «у» надо взять чуть-чуть потоньше. Вот так... И он записал: «**Пи-и-и!**» – Нет, – сказал Ёжик, – вы играете «Вечер», а у меня «Полдень». Разве вы не слышите? (Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)); Капитан помолчал, поглядел задумчиво в окно и запел. Песня началась глухо, незаметно. Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде «**тиуууу-лиуууу**». Звук этот сменился задорным посвистом. А после зазвенели колоколь-

чики, словно от жаворонка, трели и рулады, как у певчего дрозда (Юрий Коваль. Капитан Клюквин (1972)).

Такие звуки извлекаются специально для исполнения произведения искусства. В эту группу мы отнесли звуки, издаваемые колоколом, так как эти звуки не звучат сами по себе и извлекаются для каких-либо целей:

Здесь и церкви были другие – круглоголовые. И звонили-то они не так. Там – мерно, однозвучно, торжественно, всё на одной ноте: дон-дон-дон. Здесь – суетливо, на разные голоса: дили-дон-дон-дон, дили-дили-дон. Мама объяснила ему, что это называется «благовест» (И. Грекова. Фазан (1984)).

К звукам, которые возникают во время пения человека, мы отнесли части припевов, песен, частушек и др.:

Что ты, что ты, что ты, что ты, Я солдат, девятой роты, Тридцать первого полка, Ламца-дрица гоца-ца! Хулиганы-солдаты, копая картошку или нарезая подсолнухи в подсобном хозяйстве, пели на ту же мелодию неприличное (судя по всему, солдат тогда всё время думал о девушках. Так же, как и сейчас)... (Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)); Я вам устрою тут фигурные катания! Я наэлектризую здесь атмосферу и поселю бардак. И дальше он вовсе бессмысленно бормотал под ногу, что влетит в голову: – Парьям-на-пам, тарьям-напам!.. Тарьям-напам-на-пам-напам... (Василий Шукшин. Калина красная (1973)).

Значения некоторых междометий, выявленные с опорой на контекст, иногда расходятся со значением этого же междометия, приведенным в словаре. Так, междометие *тра-ля-ля* в словаре Т. Ф. Ефремовой имеет значение пустых разговоров, т. е. относится к подгруппе звукоподражаний, заменяющих речь человека: ТРА-ЛЯ-ЛЯ I нескл. мн. разг. Пустые разговоры (обычно с оттенком неодобрительности). II предик. разг. Обозначение никчемных, бесконечных и бессмысленных разговоров как действия. III межд. разг. Употребляется при обозначении, при передаче никчемных, бесконечных и бессмысленных разговоров [Ефремова, 2000].

Однако контексты позволили включить это междометие в группу звуков, имитирующих пение человека:

Тра-ля-ля (употр. как компонент песни, напева): *Всё, покончено с этим ветром. Ему не долететь до Балтики. Димка открыл дверь вагона, и резиновый ветер открытой земли дал ему в грудь. Тра-ля-ля! Поехали исследовать разные ветры! (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961); Яркие цветы, растущие вокруг родника, отражались в воде. Мы не сразу увидели эту скалу, потому что сама природа тщательно замаскировала её в зелени деревьев. Вся скала была густо увита ползучими растениями. – Тра-ля-ля! – запел Юрка. – Ребята, в таких случаях Архимед говорил: «Эврика!» (Виталий Губарев. Трое на острове (1950–1960)).*

Для классификации всех обнаруженных междометий мы выделили дополнительные группы: магические и игровые междометия. Сюда вошли междометия, употребляющиеся во время клятв, магических действий, волшебства (*бенимунис, снип-снап-снур-ре-пурре-базелюрре, трам-бамс*), и междометия, сопровождающие игру (*кызя*):

Снип-снап-снур-ре-пурре-базелюрре (заклинание, сопровождающее фокус, магические действия): *– Не стихи, а заклинание. В рифму... – пояснил я. – В сказках так всегда полагается. Знаешь, снип-снап-снур-ре-пурре-базелюрре... (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)).*

Кызя (звук, сопровождающий щекотку): *Возле Пельки приказчик Иван Скитский, вертится, щерит беззубые чёрные дёсны. Вытянул руку рожками – кызя-кызя! – защекотал козой бок Пельке, защекотал под грудью. Ну, что же: всё равно (Е. И. Замятин. Север (1918)).*

Часть междометий не была распределена по группам, так как контекст примеров, в которых они были найдены, не дает указания на речевой жанр, чувства и эмоции говорящего и не позволяет однозначно определить значение употребляемых междометий.

Весело стало Христо. Сел на дроги, ударил по кляче и пустился вскачь под гору. Звенит сзади золото, как смеётся. Бре! Разве не вырвет грек у турка золото? (Б. С. Житков. Элчан-Кайя (1926)); Я, знаете ли, предпочёл бы шампанского. Нету? Да что вы! Гра гра гра!

А мы, знаете, с приятелями третьего дня из гофманских гнали спирт. Потеха! Налакался... (Е. И. Замятин. Пещера (1921)); *Пальчиком так, знаете, погрозит – немножко, говорит, ленился... А с математиком-то мы промазали. Я уж ему и так и этак: Альфред Семёныч, вы уж помягче... мальчик одарённый... ну, знаете как? ... нервная система всё-таки. Пыр-фыр! Я, говорит, не сиделка. При чём тут сиделка? Я, говорит, всё делаю, что могу* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001).

Таким образом, ресурсы НКРЯ позволили пополнить корпус междометий, которые можно включить в толковые словари русского языка. Найденные примеры помогают не только определить значение новых междометий, но и уточнить значения зафиксированных в словарях междометий, определить источники пополнения фонда междометий, значительную часть которых составляют заимствования из других языков. Наиболее продуктивной является группа звукоподражаний, которая, в силу субъективности восприятия и воспроизводства человеком звуков окружающей среды, является открытой и активно пополняется за счет авторских и окказиональных употреблений.

Список литературы

Борисова Е. Г. Междометия склоняются или спрягаются? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог-2004». М., 2004. С. 74–78.

Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611–647.

Добрушина Н. Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 25 с.

Прудникова А. В. Русское междометие. Архангельск: Правда Севера, 2012. 270 с.

РГ – Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис.

Список словарей

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866.

Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). 2002. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/>.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: <http://gallicismes.academic.ru/>.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: 15 000 слов. ст., 22 000 семант. единиц. М.: Рус. яз., 2001. 863 с.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2003. 783 с. (Филологические словари русского языка)

Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. М.: ООО «Издательство Астрель», 2001. 512 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: Аз, 1996. 928 с.

СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910.

Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: <http://argo.academic.ru/>.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.

ABBY Lingvo. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/>.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Материал поступил в редколлегию 25.04.2016

D. I. Kovaleva

*Institute of Philology SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

darij12813m@gmail.com

ENRICHMENT OF MODERN RUSSIAN INTERJECTION FUND AND CRITERIA OF THEIR CLASSIFICATION

The aim of the article is to offer descriptions and interpretations of interjections found in the National Corpus of the Russian Language and not described in explanatory dictionaries, in order for these interjections to be later included in a specialized interjection dictionary. Overall number of these newly described interjections is 244; overall number of interjections selected from dictionaries is 747 (not including interjectional phrases). Therefore, the dictionary increase amounts to 32,7 %. We characterize interjections according to their communicative functions and distinguish the following groups: onomatopoeic, emotional, volitional, verbal, etiquette-related, magical, game-related. The onomatopoeic group is particularly open to growth.

We classify interjections according to their functions: definition of emotional interjections involves the 'expression of feeling' element of interpretation; interpretation of volitional interjections involves the specification of the speech genre denoted by the interjection in question (order, command, request for silence, etc.); etiquette interjections denote specific situations of speech; explanations of verbal interjections involve descriptions of actions that they denote; explanations of onomatopoeic interjections contain description of sounds and their sources.

Resources of Russian National Corpus permit us to enrich the list of interjections that may be included in Russian dictionaries. Specific examples allow us not only to establish definitions for new interjections, but also to specify meanings of interjections found in dictionaries, and to specify the sources of new interjections, many of which are borrowed from foreign languages. The onomatopoeic group appears to be the most productive because natural sounds are perceived and reproduced subjectively; it is open and constantly enriched by occasional interjections.

Keywords: interjection, lexicography, explanation, Russian National Corpus, dictionary entry, speech genre, function.

References

Borisova E. G. Mezhdometiya sklonyayutsya ili spryagayutsya? [Are Interjections Declined or Conjugated?]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2004"* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Works from the Dialog 2004 International Conference]. Moscow, 2004, p. 74–78. (in Russ.)

Dobrushina N. R. Printsipy i metody sistemnogo leksikograficheskogo opisaniya mezhdometii [Principles and Methods of Systematic Lexicographic Interjection Description.]. Cand. Phil. Sci. Diss. Moscow, 1995, 25 p. (in Russ.)

Prudnikova A. V. Russkoe mezhdometie [Russian Interjections]. Arkhangel'sk: Pravda Severa Publ., 2012, 270 p. (in Russ.)

Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis [Russian Grammar. V. 2: Syntax]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. (in Russ.)

Vezhbitskaya A. Semantika mezhdometii [Interjection Semantics]. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and Language Description]. Moscow, 1999, p. 611–647. (in Russ.)

Dictionaries

ABBYY Lingvo: <http://www.lingvo-online.ru/ru>

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Comp. and ed. by S. A. Kuznetsov. Saint-Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (in Russ.)

Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Russian Dictionary: Explanatory and Word-Forming]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000. (in Russ.)

Efremova T. F. Tolkovy slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka: 15000 slov. st., 22000 semant. edinits [Explanatory Dictionary of Russian Function Words: 15000 Dictionary Entries, 22000 Semantic Units]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001, 863 p. (in Russ.)

Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.) [Russian Argot Dictionary (Materials of 1980–1990)]. Accessed at: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/> (in Russ.)

Epishkin N. I. Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Historical Dictionary of Russian Gallicisms]. Moscow, Slovarnoe izdatel'stvo ETC Publ., 2010. Accessed at: <http://gallicismes.academic.ru/> (in Russ.)

Fedorov A. I. Frazelogicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of Literary Russian Language]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008, 828 p. (in Russ.)

Kveseleovich D. I. Russko-angliiskii slovar' mezhdometii [Russian-English Dictionary of Interjections]. Moscow, OOO Izdatel'stvo Astrel' Publ., 2001, 512 p. (in Russ.)

Ozhegov S. I. Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Russian Dictionary]. 3rd ed., stereotypical. Moscow, Az Publ., 1996, 928 p. (in Russ.)

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Materialy dlya leksicheskoi razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoi literaturnoi rechi [Dictionary of Foreign Words Functioning within Russian Language. Materials for Lexical Processing of Loan Words in Russian Literary Speech]. Comp. ed. by A. N. Chudinov. 3rd ed., edit. and add. Saint Petersburg, Izdanie V. I. Gubinskogo Publ., 1910. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. [Dictionary of Russian Language: In 4 Vol.] Ed. By A. P. Evgen'eva. 4th ed., ster. Moscow, Rus. yaz., Poligrafresursy Publ., 1999, V. 1: A–Й, 702 p.; V. 2. K–O. 736 p.; V. 3. П–Р. 750 p.; V. IV. С–Я. 797 p. (in Russ.)

Slovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of Modern Lexis, Jargon, and Slang]. 2014. Accessed at: <http://argo.academic.ru/> (in Russ.)

Tolkovy slovar' Dal'ya [V. I. Dal's Explanatory Dictionary]. 1863–1866. (in Russ.)

Tolkovy slovar' Ushakova [D. N. Ushakov's Explanatory Dictionary]. 1935–1940. (in Russ.)

Zakharenko E. N. Novyi slovar' inostrannykh slov: 25000 slov i slovosochetanii [New Dictionary of Foreign Words: 25000 Words and Word Combinations]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, 783 p. (in Russ.)

Л. И. Горбунова

*Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664000, Россия*

ludgorbunova@mail.ru

ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена категоризации материального мира и отражению ее в естественных языках. Лексика языка рассматривается в качестве средства экспликации результатов категоризации как когнитивного процесса. Впервые ставится вопрос о необходимости типологизации информации, выступающей в качестве классификаторов при категоризации объектов предметного мира. Разграничиваются перцептуальные и экспериенциальные признаки объектов, использующиеся как классификаторы. Под экспериенциальными понимаются признаки, полученные объектом в результате взаимодействия с ним человека. На основе анализа научной литературы, в том или ином аспекте выявляющей актуальные для когнитивной деятельности признаки объектов, закрепленные в лексике разных языков, и языкового материала, демонстрирующего сам процесс категоризации и его основания, выявлены наиболее часто встречающиеся классификаторы экспериенциального типа и произведена их классификация. Разграничены и уточнены экспериенциальные признаки объектов, имеющие онтологически смежный характер и поэтому часто смешиваемые при категоризации объектов действительности и в научных исследованиях этой когнитивной операции. Выявлено, что экспериенциальные признаки объектов, использованные как классификаторы, часто обуславливают национальную специфику категоризации. Предпринята попытка разработки метаязыка классификаторов. Работа способствует углублению представлений о когнитивной деятельности и совершенствованию лексикографических толкований.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, классификатор, перцептуальные и экспериенциальные признаки, лексика, метаязык.

Важность категоризации как когнитивного процесса, позволяющего упорядочивать знания о мире и отраженного средствами языка, многократно продемонстрирована когнитивной наукой, в том числе и когнитивной лингвистикой, и верифицирована огромным количеством работ, проведенных на материале различных языков мира. Значимым достижением в этой области когнитивных исследований является определение понятия *классификатор* (по Дж. Лакоффу), или *когнитивный классификационный признак* (по И. А. Стернину), которое является основным инструментом группировки фрагментов мира природы и человека в категории. Выделение классификаторов, их инвентаризация позволяют проникнуть в самую суть процессов мышления, обнаружить те стороны действительности, те свойства объекта, на которые опирается человек при его опознании. Тем самым представляется возможным выделить когнитивно значимую информацию о мире. Именно поэтому перед когнитивной лингвистикой уже достаточно давно поставлены важные задачи – изучение «когнитивных классификационных признаков и создание их приблизительного перечня для определенных классов денотатов, что значительно облегчило бы дальнейшие исследования. Необходимо также найти адекватные словесные формулировки для классификационных признаков, которые были бы понятны и позволяли без осложнений применять их для описания концептов и значений»

Горбунова Л. И. Экспериенциальный аспект категоризации материальной действительности // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 53–63.

[Попова, Стернин, 2007. С. 73]. Однако эти задачи до сих пор нельзя признать решенными даже в первом приближении.

Среди лингвистических исследований, которые отчасти ликвидируют эту лакуну или, точнее, предоставляют эмпирические данные для ее ликвидации, можно назвать многочисленные работы, написанные в рамках системно-структурной парадигмы и изучающие структуру определенной лексико-семантической группы. В исследованиях указанного типа авторы выделяют семантические компоненты значений слов, входящих в одну лексико-семантическую группу, которые объединяют лексические единицы в семантическую парадигму и дифференцируют их в ее составе. Доказанная связь когнитивной деятельности и номинации, которая состоит в частности в том, что слово закрепляет в своей семантической структуре значимую для когнитивной деятельности информацию, позволяет опираться на выявленные семантические компоненты и в когнитивных исследованиях [Лакофф, 2004; Горбунова, 2016].

Представляют интерес также отдельные работы, написанные в русле антропоцентрической парадигмы и изучающие категоризацию отдельных фрагментов действительности: фруктов и овощей [Хаустова, 1999], видов жилища [Козырева, 2003], химических соединений [Борисова, 2008], артефактов [Дзюба, 2016]. В результате лингвистика накопила эмпирический материал, который позволяет сделать некоторые выводы обобщающего характера. К таким выводам можно отнести типологизацию классификационных признаков, которая до сих пор не была представлена в лингвистических исследованиях.

В работах лингвистов, изучающих когнитивную деятельность и ее отражение в языке, указывается на различный характер факторов, обуславливающих сам процесс категоризации и ее результаты. Так, Дж. Лакофф утверждает, что «человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой» [2004. С. 23]. Таким образом, Дж. Лакофф разделяет разные по природе основания категоризации. Во-первых, это данные опыта, в сферу которого ученый включает восприятие, двигательную активность и культуру. Во-вторых, это данные, базирующиеся на воображении, т. е. на информации, которая «выходит за пределы буквального отражения, или *репрезентации*, внешней реальности» [Там же. С. 13], т. е. на метафоре, метонимии и других проявлениях образности. При этом ««опыт» здесь понимается в широком смысле. «Опыт» в этой интерпретации включает все, что формирует актуальный или потенциальный опыт отдельного живого существа или сообществ живых существ – не только восприятие, моторное движение и т. д., но *особенно* внутреннее генетически приобретенное строение организма и характер его взаимодействия с физическим и социальным окружением» [Там же. С. 14].

Однако анализ языкового материала и выводов, накопленных системно-структурной и когнитивной лингвистикой, позволяют утверждать, что информация, отнесенная Дж. Лакоффом к сфере опыта, весьма разнородна по природе. Поэтому представляется необходимым разграничить, во-первых, информацию, непосредственно отображающую действительность (*форма, цвет, размер, запах* объекта – перцептуальные признаки объектов), и, во-вторых, те свойства объектов материального мира, которые не могут быть познаны через прямое наблюдение, например, *сфера использования объекта, способ его воздействия* на человека, *место в системе ценностей* и т. п., что, как и метафора, хотя и по-другому, тоже «выходит за пределы буквального отражения, или *репрезентации*, внешней реальности» [Там же. С. 13]. Такого рода информация становится доступна только в результате взаимодействия человека с объектом или в результате обучения, т. е. опыта в узком смысле, как это понятие и будет использовано в данной статье. В сферу опыта мы включаем те свойства объекта, которые не существуют сами по себе, без участия человека. Например, способность звезды служить ориентиром возникает только тогда, когда ее в качестве такового использует человек. Свойство злаков быть декоративными (кормовыми, пищевыми), т. е. украшать (служить кормом для животных или пищей для человека), не присуще растению как элементу живой природы и возникает только тогда, когда это свойство приписывается ему людьми в результате его использования. Такие признаки назовем экспериенциальными и будем отличать их от перцептуальных, т. е. воспринимаемых органами чувств и существующих независимо от человека как имманентные свойства объекта.

Лингвисты, изучающие структуру отдельных категорий, выделяемых в предметном мире и зафиксированных в лексике определенного языка, среди классификаторов отмечают и перцептивные, и экспериенциальные, но не разграничивают их как представляющие разные типы знания. Думается, что такое разграничение необходимо, поскольку оно могло бы стать основой для создания типологии признаков, используемых при категоризации предметного мира, что позволило бы представить человеческое мышление более структурированным, в более детальном и точном виде. Основная цель данной статьи – поставить проблему типологии классификаторов, участвующих в категоризации мира. Кроме того, мы решаем локальную задачу: выявить некоторые экспериенциальные признаки объектов материального мира, задействованные в категоризации, и дать их словесные формулировки.

Сложность этих задач можно продемонстрировать на следующем характерном примере. Рассмотрим типичный контекст.

(1) Сегодня признана следующая классификация пород, которая основывается на сфере использования: яичные; мясные; мясо-яичные; декоративные; бойцовые. Эта классификация считается наиболее точной, так как сразу дает понять, для чего применяется та или иная порода¹.

Целью данного сообщения является представление некой классификации. Названы и основания классификации – «сфера использования» и «для чего применяется порода». Указанные основания подаются в примере как синонимичные. Однако уже при первом рассмотрении очевидно, что «сфера использования» подразумевает информацию о том, где используется объект, а «для чего» – цель использования. При этом формулировка «для чего» оказывается довольно широкой и позволяет включать в классификацию группы, выделенные на разных основаниях: «для чего» в смысле «для осуществления какого вида деятельности» (сельское хозяйство, эстетическая функция, азартные игры) и в смысле «для получения какого вида продукции используется» (мясо, яйца). Подобное смешение отчасти предопределено онтологически – тесным взаимодействием и взаимообусловленностью разных аспектов человеческого бытия. Именно поэтому ставится непростая задача: осознать как разные и разграничить смежные стороны жизни человека, информация о которых используется в когнитивной деятельности. Кроме того, необходимо выработать метаязык, который позволил бы однозначно трактовать критерии категоризации. Решение этих задач позволит выявлять и более точно формулировать смысл когнитивно актуальной информации, корректно описывать содержание концептов и состав категорий, совершенствовать словарные дефиниции.

В данной работе мы будем основываться на анализе источников двух типов. Во-первых, это контексты, в которых эксплицируются процесс и/или результаты категоризации. Во-вторых, это лингвистические исследования, в которых так или иначе выявлены признаки объектов, выступающие в качестве классификаторов.

Как уже было сказано, экспериенциальные признаки объектов становятся характеристиками этих объектов только в результате их взаимодействия с человеком, поэтому логичным представляется классифицировать их на основе характера соотношения «человек ↔ объект X».

Человек – субъект взаимодействия с X

1. Предназначенность X для использования человеком.

1) Для определенного типа субъекта: одежда женская, мужская, детская; фотокамеры любительские, профессиональные; блюда для мясоедов, вегетарианцев, веганов.

2) Категоризация объектов может производиться по параметру возможность / невозможность использования, т. е. на основании утилитарной оценки в самом широком смысле. Так, «в испанском языке наряду с недифференцированным обозначением долины как особого элемента рельефа, репрезентируемого лексемой *valle* ‘долина’, выделяются также плодород-

¹ Классификация пород кур, их описание, фото- и видеообзор. URL: <http://zoohoz.ru/kyri/klassifikatsiya-porod-508/#ixzz4T0NT4gm9> (дата обращения 21.12.2016). В контекстах сохранены особенности исходного орфографического и пунктуационного оформления примеров.

ные долины (*vega*) и долины, непригодные для использования (*nava*)» [Корнева, 2015. С. 109].

3) Для использования *X* в определенной сфере жизни. На основании этого признака организуются категории пища, средства гигиены, оружие, бытовые приборы, жилище. Также в более конкретизированном виде этот признак может участвовать в субкатегоризации: одежда для дома, для спорта и активного отдыха, рабочая и форменная, выходная и праздничная.

4) Для осуществления определенного вида деятельности. Данный признак может проявляться в виде возможности / невозможности использования в определенном виде деятельности. Например, в испанском языке *prado* 'луг' – *páramo* различаются по признаку «наличие / отсутствие растительности» и «пригодность / непригодность использования в качестве пастбища для скота» [Корнева, 2015. С. 109].

Кроме того, категоризация может производиться с учетом конкретного вида деятельности, в осуществлении которого используются объекты. Например, по данным Е. И. Пляскиной [2009], в говоре Забайкальского края хозяйственные постройки разделяются на постройки для содержания животных (*чушатник*, *котон*, *поветь*) и для хранения (*сарай*, *анбар*, *сенник*, *овин*). При этом возможна и субкатегоризация (содержание какого вида животных, хранение чего). В английском языке «дифференциальными характеристиками водных антропогенных ландшафтов являются размер, протяженность, а также их предназначенность для конкретного использования. Так, объект, названный в языке единицей *canal*, предназначен для водного транспорта либо для поставки воды в другое место. Объект *irrigation channel* используется для орошения почв. Объект *reservoir* предназначен для того, чтобы хранить в нем воду до того, как она поставляется в дом человека. Объект, репрезентированный в языке единицей *fountain*, предназначен для декоративных целей» [Чистякова, 2015. С. 13]. В эвенкийском языке закреплена подробно разработанная категоризация олений по типу деятельности, осуществляемой с их применением: *о́ньэсэ́к* 'олень, приученный к перевозке детей, закрепленных дощечками к седлу'; *хулрарук* 'олень для перевозки постельных принадлежностей'; *хиэнкурук* 'олень, везущий при переездах покрышки юрты и домашнее имущество'; *хэрукэрук* 'олень, везущий при переездах посуду, мясо'; *изкэрэрук* 'везущий котлы и посуду'; *чорарук* 'предпоследний олень, везущий треноги'; *ирукарук* 'олень, приученный к перевозке жердей' [Потапова, 2013].

Некоторые аспекты использования данного признака в качестве классификатора проявляются в примере (2).

(2) *Ниже мы рассмотрим группы собак, исходя из их пользовательских качеств: служебные, охотничьи, спортивные (спортивно-служебные) и декоративные и т. п.*²

В контексте критерий деления пород собак на группы называется «пользовательские качества». Однако такая формулировка отсылает к признакам *X*, которые используются человеком определенным образом в утилитарных целях (размеры, скорость, агрессивность) и могут эксплуатироваться различным образом: хороший нюх охотничьих и служебных собак используется для достижения человеком различных целей. Названия же категорий собак отсылают именно к виду человеческой деятельности, в которой участвуют животные: служба (полицейская, охранная, спасательная), охота, спорт, быт. Данный пример демонстрирует не только сложность когнитивной операции, в ходе которой выделяются и формулируются классификационные признаки, но и когнитивное доминирование экспериенциальной составляющей над перцептуальной при выделении данной категории: человек воспринимает органами чувств некоторое имманентное свойство объекта и применяет его определенным образом для достижения своих целей. Именно с утилитарной точки зрения он и рассматривает объект.

Интересным образом этот вывод подтверждается в следующем примере:

² <http://allpets1.com/sobaki/137/> (дата обращения 20.12.2016).

(3) *Обское море – это искусственное водохранилище, но почти ничем не отличается от настоящего моря!!! Огромное количество хороших пляжей, прекрасно оборудованных! Хорошая вода, почти всегда теплая!!* (В. Ненащенко).

Говорящий объясняет, что водохранилище он называет морем именно потому, что водоем можно использовать как место отдыха ³.

5) Для выполнения человеком определенных действий. Человек выполняет некоторое действие при помощи *X*.

(4) *Пользуясь этой же номенклатурой, жидкие лекарства, предназначенные для промываний, полосканий, примочек или спринцеваний, называют соответственно жидкостями для промываний и полосканий, примочек и спринцеваний, клизм и т. д.* ⁴

По данным [Дзюба, 2016], ведущим признаком, который определяет субкатегоризацию класса бытовые приборы, является функция ⁵ артефакта, т. е. те действия, которые можно совершить с его использованием. Перцептуальные признаки *устройство, материал изготовления X* поддерживают главный, классификационный, признак – *предназначенность для выполнения с помощью X определенного действия*.

Различная когнитивная значимость перцептуальных и экспериментальных признаков в организации конкретной категории может обуславливать национальную специфику категоризации одного и того же фрагмента действительности. «Анализ показывает, что для сознания англичан в “посудной” предметной сфере наиболее важны классификаторы *формы* и “стекла”, то есть *материала изготовления*. Для русского же сознания в этой сфере более важным оказывается классификатор *назначение сосуда*» [Попова, Стернин, 2007. С. 71].

Идентифицирующая роль признака *предназначенность X для выполнения человеком определенного действия*, обуславливающего перцептуальные признаки объекта, демонстрируется в словарных статьях (*карандаш ‘письменная принадлежность – деревянная палочка со стержнем из смеси глинистой массы с графитом’*) и многочисленных контекстах, особенно в таких, где обсуждается нецелевое использование *X*:

(5) *Хотя мне кажется, что даже если вы будете бриться аккуратно, без риска отсечения головы, все равно бриться будет не очень просто, потому что топор не предназначен для резки, он предназначен для рубки (т. е. он не очень острый, им трудно резать)* ⁶.

Возможность совершать определенные действия с помощью *X* является основанием отнесения его к определенному классу.

(6) *Колун от топора отличается своим назначением... главное свойство топора – рубить. А колун предназначен для раскалывания распиленных брёвен на поленья* ⁷.

Неспособность *X* отвечать своему назначению является причиной отказа идентифицировать объект как член определенного класса или включения в другой класс.

(7) *Это не машина, это жигули... она вообще заведётся?* ⁸;

³ Заметим, что все эти перцептуальные свойства моря (пляж, теплая вода) не являются классификаторами, но обуславливают его утилитарную оценку как места отдыха. Подробнее об этом аспекте категоризации водных объектов см. [Горбунова, 2017].

⁴ MedicalPlanet. URL: <http://medicalplanet.su/Patfiz/615.html> (дата обращения 20.12.2016).

⁵ В контексте исследований о категоризации действительности слово *функция* может пониматься в нескольких значениях («работа, производимая органом, организмом», «назначение чего-н.», «обязанность, круг деятельности»), поэтому представляется не очень удачным.

⁶ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1666417-mozhno-li-sbrit-vekovuju-schetinu-toporom.html> (дата обращения 20.12.2016).

⁷ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/768758-chem-kolun-otlichaetsja-ot-topora.html> (дата обращения 20.12.2016).

⁸ quotar.org/quotes/films/vse-i-srazu (дата обращения 20.12.2016).

(8) *То, что я получила в итоге, это просто нельзя назвать телефоном... Игрушка для ребенка и то больше **может сделать**, чем этот телефон*⁹...

(9) *Это **не бритва**, это простой **вибратор**. **Вибрирует**, конечно, долго, но не **бреет** абсолютно. После использования данного агрегата приходится перебривать обычным станком*¹⁰.

И в контекстах, отражающих категоризацию *X* на основе указанного признака, и в словарных дефинициях, определяющих значение слова – названия категории, ключевым является слово, называющее действие, совершаемое с помощью *X*:

(10) *Консилер был разработан с целью **осветления** темных зон под глазами, маскировки темных кругов... Корректор наилучшим образом подходит, чтобы **скрыть** незначительные недостатки и несовершенства*¹¹;

мыло ‘твердое вещество или полужидкая масса из жиров и щелочей, легко растворяющиеся в воде и употребляемые для **мытья** и **стирки**’.

В известном детском стихотворении Ю. Черных подчеркнута когнитивная актуальность информации о действии, выполняемом с помощью *X*, выражающаяся через внутреннюю форму слова-названия. Носитель обыденного сознания напрямую связывает это действие и название предмета:

(11) *Для Николки ножик – режик,
Потому что ножик режет,
А сапожный молоток
Для Николки колоток.
Вот Николкина лопатка –
Он зовет ее копатка,
А рубанком до сих пор
Называет он топор.*

б) Для получения определенного продукта. Наиболее часто этот классификатор используется при субкатегоризации домашних животных.

(12) *Но заводчиков и простых обывателей больше всего интересует хозяйственная классификация: в ней **породы коров** разделены по типам продуктивности: молочные, мясные или комбинированные (мясо-молочные)*¹².

2. Способ использования объекта.

1) По участию / неучастию человека. Во многих группах **артефактов** на основании этого признака выделяют подвиды механический и автоматический. Участие человека в работе автоматических объектов состоит только в активизации *X*.

(13) ***В автоматических тонометрах** пульс за вас прослушает с большой точностью электроника, а воздух накачает электродвигатель*¹³.

Различие объектов, имеющих одинаковую функциональную предназначенность, по участию / неучастию человека может быть закреплено языком в различающихся номинациях:

⁹ <http://yandex.ru/> (дата обращения 20.12.2016).

¹⁰ <http://goodsopinion.ru/tekhnika-dlia-krasoty/elektrobrityy-muzhskie/otzyvy-elektrobritya-philips-rq1150/> (дата обращения 20.12.2016).

¹¹ <http://cosmetology-info.ru/6427/makeup-Konsiler-i-korrektor/#1> (дата обращения 20.12.2016).

¹² <http://klyv.ru/cows/#ixzz4T0Mp35Fs> (дата обращения 20.12.2016).

¹³ http://www.tehnoprosto.ru/kak_vybrat_tonometr/ (дата обращения 20.12.2016).

(14) Если **кофеварка** готовит кофе с обязательным непосредственным участием человека в этом процессе, то **кофемашина**, при условии ее правильной загрузки, все способна сделать сама¹⁴.

2) По типу действий с объектом *X*:

а) при использовании *X*. Так, у эвенов с учетом данного классификатора выделяются и получают номинацию в языке группы **вьючно-верховых оленей**: *элгун* 'ведомый на поводке, за руку (букв.: 'имеющие промежуток между собой')'; *кадарлан* 'занузденный олень' [Потапова, 2013]. В донских казачьих говорах многие названия **снастей** отражают данный классификатор: *накидка, закидушка, плав, брода* [Крапивина, 2011].

Интересно, что именно признак «действие человека при использовании *X*» чаще всего называется в литературе в качестве национально специфического. Так, отмечается, что при категоризации **плодов** в русской и английской лингвокультурах важнейшим является признак «способ использования», реализованный в разных аспектах. «В русском понимании важен тот признак, что фрукт (одну штучку) **можно взять в руку**» [Попова, Стернин, 2007. С. 71], в отличие от ягод. «Для носителя английского языка оказались важными классификаторы, **связанные со способом употребления в пищу**» [Там же] и учитывающие действия, производимые с кожицей плода перед его потреблением. При этом содержание этого классификатора культурно обусловлено тем, что плоды, включаемые в первую группу *fruits*, объединенные признаком «с мягкой и легко снимающейся кожицей» [Там же]¹⁵, в Великобритании принято есть очищенными. Традиция есть яблоки очищенными отражается, например, в том, что ежегодно проводится конкурс на самую длинную полоску кожуры, получаемую при очищении яблока (The Longest Peel Competition);

б) при изготовлении *X*:

(15) Названия некоторых лекарственных форм связаны с операциями, применяемыми при их изготовлении (растворение, настаивание, отваривание, стерилизация). Например, водные вытяжки из растительных материалов, в зависимости от способа их изготовления, называют настоями или отварами¹⁶.

Одинаковый способ приготовления (растительное сырье заливают горячей водой) и цель употребления (для утоления жажды) стал основой для расширения категории «чай»¹⁷ и включения в ее состав, кроме собственно чая, роибуш, мате, каркаде, ромашковый, курильский чай и др.

Указанные аспекты когнитивной деятельности в процессе категоризации демонстрируют контексты:

(16) *Гибискус – очень красивое растение семейства мальвовых. Поэтому называть чай каркаде чаем не совсем корректно, но так уж получилось, что слово чай к каркаде приросло. На самом деле это травяной напиток*¹⁸;

(17) *Нашла в интернете интересный ролик с еще одним способом заваривания чая под названием кудин... Те, кто уже пил этот чай, помнят его обязательно, очень уж у него специфический горький вкус. И, конечно же, знают о том, что вообще-то это не чай, а листья с дерева под названием падуб широколистный*¹⁹.

¹⁴ http://pokofemanim.ru/333/CHem_otlichaetsya_kofevarka_ot_kofemashiny/ (дата обращения 20.12.2016).

¹⁵ «В нее входят: *currant* (смородина), *grape* (виноград), *banana* (банан), *cherry* (вишня), *orange* (апельсин), *tangerine* (мандарин), *grapefruit* (грейпфрут), *apricot* (абрикос), *peach* (персик), *plum* (слива), *tomato* (помидор)» [Попова, Стернин, 2007. С. 72].

¹⁶ <http://medicalplanet.su/Patfiz/615.html> (дата обращения 20.12.2016).

¹⁷ Слово *чай* в значении 'напиток', первоначально отсылает, согласно словарю, к растению с одноименным названием.

¹⁸ <http://pro-chay.ru/krasniy-chay-karkade-polza-i-vred/> (дата обращения 20.12.2016).

¹⁹ <http://pro-chay.ru/chay/puer/> (дата обращения 20.12.2016).

Человек – объект взаимодействия с X

В данную группу входят классификаторы, отражающие информацию о ситуациях, в которых объект X воздействует на человека, осознается как активный.

1. Место воздействия. Так, крема делят на крема для рук, ног, век, лица, тела; утяжелители – для рук и ног; лекарства – на средства для наружного применения и для приема внутрь. Данный классификатор эксплицируется в контекстах:

(18) *Жидкости, дозируемые каплями, в зависимости от пути их введения, называются глазными, ушными каплями или каплями для носа*²⁰;

(19) *Все массажеры делятся на лицевые, для ног и универсальные. В зависимости от места применения массажера воздействие может различаться по силе и технике*²¹.

2. Способ воздействия.

(20) *Существующие массажеры по принципу действия можно разделить на гидромассажные, ультразвуковые, вибрационные, пневмомассажные, вакуумные и рефлекторные*²².

3. Результат воздействия. Так, среди лекарственных средств выделяются адсорбирующие и обволакивающие, анальгетики (болеутоляющие), желчегонные, мочегонные, рвотные и отхаркивающие, слабительные, раздражающие; среди кремов – очищающие, защитные, увлажняющие, питательные. Сами формулировки названий групп отравляющих веществ эксплицируют указанный классификатор: *отравляющие вещества нервно-паралитического действия, кожно-нарывного действия, общедовитого действия, удушающего действия, слезоточивые, раздражающие*.

Итак, в ходе исследования было доказано, что классификаторы, на которые ориентируется человек при категоризации действительности, различаются по природе. Как представляется, само наличие классификаторов перцептуального и экспериенциального типов демонстрирует, что при категоризации учитывается информация разного рода. Следовательно, для более полного представления о когнитивной деятельности нуждается в дальнейшем исследовании как сама эта информация, так и взаимодействие классификаторов разных типов при выделении отдельных категорий. Для решения этой задачи необходимо создание самой номенклатуры классификаторов, особенно экспериенциальных, их упорядочение и формулирование их содержания. В данной статье задается вектор такого рода исследований.

Список литературы

Борисова Т. Г. Когнитивные механизмы деривации: деривационная категория вещественности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 42 с.

Горбунова Л. И. Об участии категоризации в номинативной деятельности // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. (Уфа, 12–13 мая 2016 г.) / Отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 169–173.

Горбунова Л. И. Еще раз о категоризации водных объектов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 208–220.

Дзюба Е. В. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом пространстве // Филология и человек. Барнаул, 2016. № 1. С. 119–125.

Козырева О. А. Когнитивные аспекты исследования лингвокультурологического поля (на материале поля «дом / жилье»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.

²⁰ <http://medicalplanet.su/Patfiz/615.html> (дата обращения 20.12.2016).

²¹ <http://8du.ru/vidy-massazherov-pomoshh-ix-v-terapii/> (дата обращения 20.12.2016).

²² <http://inet-lavka.ru/articles/massagers.html> (дата обращения 20.12.2016).

Корнева В. В. Естественные категории в естественном языке (по данным испанского языка) // Древняя и Новая Романья. 2015. Вып. 15, № 1. С. 105–118.

Крапивина М. С. Структурные свойства лексико-семантического поля «Рыболовство» в донских казачьих говорах // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. (Серия: Филологические науки). 2011. № 10 (64). С. 83–86.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Пляскина Е. И. Лексико-семантические группы наименований построек для животных и хозяйственных построек в говоре // Учен. зап. Забайкальского гос. ун-та. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 249–252.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Потапова О. К. Лексико-семантическая группа названий оленного транспорта у эвенов // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 1. С. 81–87.

Хаустова Э. Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 23 с.

Чистякова Е. В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 24 с.

Материал поступил в редколлегию 19.09.2017

L. I. Gorbunova

*Irkutsk State University
1 K. Marx Str., Irkutsk, 664000, Russian Federation*

ludgorbunova@mail.ru

EXPERIENTIAL ASPECT OF CATEGORIZATION OF THE MATERIAL WORLD

The article is devoted to the categorization of the material world and its reflection in natural languages. Vocabulary of the language is seen as a tool which reflects and fixes the results of the cognitive process of categorization.

The author notes that linguistics has revealed a lot of signs of objects that a person uses when inserting an item into a certain category (classifiers). The question that it is necessary to create a typology of classifiers is put first in this paper.

Experiential and perceptual features of objects that are used in cognitive activities as the classifiers are restricted in the article. Experiential signs are properties that are not inherent in the object immanently. These are signs that the subject receives as a result of human interaction with them. In the article the most common experiential classifiers are detected and their classification is made.

Classifiers are ordered taking into account the ratio of «man ↔ object X». The group of classifiers, which reflects the relation «a person is the subject of an interaction with X» is the most developed and most often fixed by vocabulary. Subgroups of «an object is destined for...» and «method of using of an object» are discovered in this group. In both subgroups there are varieties.

Materials of two types were used to solve this problem: 1) linguistic studies of the vocabulary of the different languages in which such signs of objects detected, which are relevant for cognitive activities; 2) contexts that demonstrate the process of categorization and its basis. As a result of analysis it was found that during the formulation of the classifiers they are often mixed or replaced by similar content. This happens both in the process of categorization of reality, and in scientific research. This situation was partly predefined ontologically, that is the fact that different aspects of being and human activities interact closely and influence each other. The article experiential features of objects that reflect interconnected aspects of human life, delineated and illustrated by a great number of examples.

It is revealed that experientially features of objects used as the classifiers often determine the national specificity of the categorization. At the same time in different language pictures of the world different experiential classifiers can be used. Various types of interaction between perceptual and experiential signs indicated.

The attempt to develop a meta-language of classifiers is taken. The wording should be clear and unambiguously interpreted.

The solution of the tasks set out in article will allow us to deepen the knowledge of cognitive activities, more accurately to discover and to formulate the meaning of information relevant to cognitive activity, correctly to accurately describe the content of concepts and to improve the dictionary definition.

For a more complete understanding of the cognitive activities it is necessary to create the item experiential classifiers, to classify them, to formulate their content to describe the interaction with the perceptual type classifiers. In this article, the vector of this kind of research is specified.

Keywords: cognitive linguistics, categorization, classifier, perceptual and experiential signs, vocabulary, meta-language.

References

Borisova T. G. Kognitivnye mekhanizmy derivatsii: derivatsionnaya kategoriya veshchestvennosti v sovremenennom russkom yazyke [Cognitive Mechanics of Derivation: Derivative Category of Corporality in Modern Russian Language]. Dr. Phil. Sci. Syn. Diss. Krasnodar, 2008, 42 p. (in Russ.)

Chistyakova E. V. Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyi potentsial landshaftnoi leksiki v sovremennom angliiskom yazyke [Landscape Categorization and Evaluative Potential of Landscape Vocabulary in Modern English]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Tambov, 2015, 24 p. (in Russ.)

Dzyuba E. V. Osobennosti lingvokognitivnoi kategorizatsii artefaktov v russkom yazykovom soznanii [Specific Traits of Linguocognitive Artefact Categorization in Russian Linguistic Consciousness]. *Filologiya i chelovek* [Philology and People]. Barnaul, 2016, no. 1, p. 119–125. (in Russ.)

Gorbunova L. I. Eshche raz o kategorizatsii vodnykh ob"ektov [Once More, On Categorization of Water Bodies]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2017, no. 1, p. 208–220. (in Russ.)

Gorbunova L. I. Ob uchastii kategorizatsii v nominativnoi deyatelnosti [On Role of Categorization in Nominative Activity]. *Aktual'nye problemy russkoi i sopostavitel'noi filologii: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Relevant Issues of Russian and Comparative Philology: Theory and Practice: Materials of the International Scientific and Methodical Conference]. Ufa, May 12–13, 2016. Ed. by F. G. Fatkullina. Ufa, RITS BashSU Publ., 2015, p. 169–173. (in Russ.)

Khaustova E. D. Kognitivnye klassifikatory v semanticheskom prostranstve yazyka (na materiale leksiko-semanticheskogo polya 'frukty i ovoshchi' v russkom i angliiskom yazykakh) [Cognitive Classifiers in Semantic Space of Language (on Material of Lexical-Semantic Field 'Fruits and Vegetables' in Russian and English)]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Voronezh, 1999, 23 p. (in Russ.)

Korneva V. V. Estestvennye kategorii v estestvennom yazyke (po dannym ispanskogo yazyka) [Natural Categories in Natural Language (On the Basis of Spanish)]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [Ancient and New Roman Empire], 2015, iss. 15, no. 1, p. 105 – 118. (in Russ.)

Kozyreva O. A. Kognitivnye aspekty issledovaniya lingvokul'turologicheskogo polya (na materiale polya 'dom / zhil'e') [Cognitive Aspects of Analysis of the Linguoculturological Field (on Material of the Field 'Home / House')]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2003, 21 p. (in Russ.)

Krapivina M. S. Strukturnye svoistva leksiko-semanticheskogo polya 'Rybolovstvo' v donskikh kazach'ikh govorakh [Structural Traits of the Lexical-Semantic Field 'Fishing' in Cossack Dialects of Don]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Volgograd State Pedagogical University Bulletin. Series: Philological Studies], 2011, no. 10 (64), p. 83–86. (in Russ.)

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [*Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 792 p. (in Russ.)

Plyaskina E. I. Leksiko-semanticheskie gruppy naimenovaniy postroek dlya zhivotnykh i khozyaistvennykh postroek v govore [Lexical-Semantic Groups of Nomination of Buildings for Animals and Household Buildings in Dialects]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [*Transbaikal State University Scientific Bulletin. Series: Philology, History, Oriental Studies*], 2009, no. 3, p. 249–252. (in Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007, 314 p. (in Russ.)

Potapova O. K. Leksiko-semanticheskaya gruppa nazvanii olennogo transporta u evenov [Lexical-Semantic Group of Reindeer Transport Nomination in Even Language]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [*Pushkin Leningrad State University Bulletin*], 2013, vol. 1, no. 1, p. 81–87. (in Russ.)

УДК 811.161.1 + 81'37
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-64-70

Е. В. Дмитриева, Е. С. Кузнецова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

tereinadee@gmail.com, kouznetsova.elena.s@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ
КВАЛИФИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ МОДУСА
В СТАТЬЯХ ЖУРНАЛА «КРИТИКА И СЕМИОТИКА»
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМИ
И ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ)**

Рассматривается специфика выражения квалификативных категорий модуса в гуманитарных текстах в сравнении с естественнонаучными и физико-математическими. Информацию в языке любой науки и в языке вообще кодируют при помощи ограниченного набора стандартных синтаксических структур, в которых форма и содержание взаимно обусловлены. Показано, как отличаются способы выражения модусных смыслов в зависимости от научной дисциплины. Исследование модуса в статьях, посвященных вопросам филологии, помогает выявить закономерности представления информации в исследуемом материале. Анализируются модусные категории авторизации, персуазивности и оценочности, а также показатели, передающие одновременно несколько модусных категорий. Сопоставление полученных результатов с теми, которые были выявлены на материале естественнонаучных и физико-математических публикаций, позволило сделать вывод, что авторы статей гуманитарной направленности склонны подчеркивать авторство работ, используя для указания источника получения информации разные типы отсылок. Гуманитарные статьи изобилуют пометами, свидетельствующими о неуверенности в достоверности изложенной информации. В отличие от естественнонаучных и физико-математических текстов, в литературоведческих и лингвистических активно используются оценочные слова. Взаимодействие категорий модуса происходит из-за многозначности показателей. Разные семантические оттенки по-разному проявляются в зависимости от контекста.

Ключевые слова: семантический синтаксис, категории модуса, авторизация, персуазивность, оценочность.

В рамках статьи мы рассматриваем специфику выражения квалификативных модусных категорий в филологических (лингвистических и литературоведческих) статьях журнала «Критика и семиотика» в сопоставлении с естественнонаучными и физико-математическими.

Материалом для исследования послужили 49 научных статей, опубликованных в журнале «Критика и семиотика» за 2012–2013 гг. Из 270 144 слов (1 991 709 знаков с пробелами, 1 718 550 знаков без пробелов) было отобрано 32 217 слов (243 544 знаков с пробелами, 211 890 знаков без пробелов), содержащих эксплицитно представленную категорию модуса. Общее количество предложений, в которых эксплицитно выражаются квалификативные категории модуса, – 607.

Среди квалификативных категорий модуса Т. В. Шмелева выделяет следующие:

1) авторизация – принадлежность информации определенному автору. Характеристика предложения со стороны категории авторизации всегда обязательна, однако не всегда пред-

Дмитриева Е. В., Кузнецова Е. С. Особенности выражения квалификативных категорий модуса в статьях журнала «Критика и семиотика» (в сопоставлении с естественнонаучными, физико-математическими текстами) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 64–70.

ставлена специальными показателями, так как диктумное содержание предложения может соответствовать характеру получения информации;

2) персуазивность – достоверность / недостоверность сообщаемого. Эта категория «показывает оценку говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности / недостоверности» [Белошапкова, 1989. С. 683]. По мнению В. А. Белошапковой, категория персуазивности присутствует во всех предложениях и является обязательной, т. е. значение достоверности / недостоверности содержится в каждом предложении, однако не всегда имеет план выражения, так как специальных показателей требует лишь неуверенность автора в достоверности излагаемой им информации [Там же];

3) оценочность – квалификация информации с точки зрения разных аксиологических шкал. Эта категория факультативна, она отражает авторское позитивное или негативное отношение к пропозитивному содержанию [Шмелева, 1994].

Гуманитарные науки – науки неточные, в текстах случаи эксплицитного выражения модуса преобладают над имплицитными, что свидетельствует о неуверенности в истинности излагаемой информации или о некатегоричности точки зрения, представленной автором. Чаще всего в текстах встречается выраженная категория авторизации, при помощи которой «информация квалифицируется как собственная или полученная из внешнего источника, а также устанавливается способ ее получения» [Там же. С. 32].

Категория авторизации. Изосемически категория авторизации эксплицируется при помощи главной части изъяснительного сложноподчиненного предложения, содержащей лексемы оперирования информацией (слова разных частей речи с семантикой речи, мысли, чувства, восприятия и т. д.). В таком случае категория авторизации оказывается взаимосвязанной с эвиденциальностью, т. е. описанием способа получения информации: *Думаю, что общность эту надо искать в тех интеллектуальных движениях...* (А. В. Шило. Искусствоведение – искусствознание – искусствовидение: опыт типологического анализа (2013)).

Предложения с эксплицированной категорией авторизации могут являться членами одной парадигмы, представляя варьирование по категории персональности. Например, в случае использования глаголов *считаться*, *казаться* и т. п.:

1-е лицо – я считаю: *Считаю, что этот отрывок... представляет ныне не только исторический, но и учебно-познавательный интерес* (Б. Ф. Егоров. История сегментирования и алгоритмизации художественных текстов на уровне сюжета (2013));

3-е лицо – кто-то считает: *Н. Гуляев считал, что манифест является плодом позднего периода исторического развития...* (Т. С. Симян. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция (2013));

обобщенное лицо – считается: *Традиционно считается, что научные понятия заключают в себе общее, а образы – индивидуальное* (В. А. Маслова. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю. С. Степанов) (2012)).

Для формирования полного представления о месте исследования в системе научных знаний авторы журнала «Критика и семиотика» привлекают работы, которые иллюстрируют подходы, взгляды, противоположные авторским, что не характерно для физических и естественнонаучных текстов: *Конечно, с точки зрения истории психоанализа такие экскурсы любопытны...* (А. В. Шило. Искусствоведение – искусствознание – искусствовидение: опыт типологического анализа (2013)) – автор отсылает к истории психоанализа, рассматривающего предмет исследования с другой точки зрения.

В текстах естественных наук необязательны отсылки к упоминаемым в тексте работам. Это обусловлено существованием определенных постулатов, которые являются общепринятыми, не требуют доказательств и, как следствие, упоминания автора или авторов, их сформулировавших: *Известно, что свободное сдвиговое течение, имеющее точки перегиба, всегда невязко неустойчиво из-за Рэлеевской неустойчивости, и изначально неустойчивые возмущения экспоненциально растут вниз по потоку; Экспериментальные исследования показали, что как осесимметричная, так и спиральная моды могут возникать в начальной области круглой струи... Спектральный анализ также показал, что эти две фундаментальных моды не могут существовать одновременно во времени или пространстве* [Кошкарёва, 2010. С. 362].

В филологических текстах, как правило, обязательны отсылки к работам конкретных авторов. Сходство с естественнонаучными текстами наблюдается в том случае, если отсылки обобщены, например, точка зрения принадлежит определенному направлению, научной школе: *Мы же видим, как минимум, что различение метафатического уровня открывает просвет для любого необходимого изменения (с точки зрения общей семиотики, а не с точки зрения лингвистической критики) схемы Якобсона* (М. Костантини. Средство связи и сообщение: циркуляция и имбрикация смысла (2012)).

Обсуждение и опровержение точек зрения других авторов является характерным признаком работ гуманитарной направленности, микросистема терминов которых может пересекаться, и исследователи по-разному смотрят на одно и то же явление.

В «Критике и семиотике» используются следующие типы отсылок:

1) ссылка на конкретного автора (138 примеров): *Например, согласно Г. Гачеву, пространственно-географические особенности являются важнейшими факторами в формировании национальной модели мира* (М. Ю. Мартынов. Между «неприкаянностью» и «приютом». Странности русского анархизма (2012)); *По мысли Ю. С. Степанова, подход к тексту зависит от самого текста, за которым стоит время, и от человека* (О. Г. Ревзина. Стилль и стилистика Ю. С. Степанова (2013)); *По Бадью, так как формализация является средством достижения настоящего, она сопряжена с идеей чистки...* (Н. М. Азарова. Юрий Сергеевич Степанов: образ языка как образ века (2013));

2) общая отсылка к предшествующим работам по соответствующей теме / проблеме (21 пример): *...представление о мире, национальная картина мира, по мнению многих исследователей, раскрывается через текст...* (А. Е. Соснина. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа (2013)); *Так, в «Истории» Геродота, чей труд композиционно (вероятнее всего, **александрийскими учеными**), по числу Муз, был разбит на десять Книг...* (Е. Г. Марганян. Риторика в горах Тавра (2013));

3) отсылка к общему фонду знаний (52 примера): *Как известно, важную роль в искусстве риторики играет элокуция...* (Е. Г. Марганян. Риторика в горах Тавра (2013)); *Известно, что проклятие может наслать любой человек, однако считалось, что наиболее опасными и действенными являются проклятия, насланные жрецами, жрицами, членами царской семьи и, конечно, самим царем* (Е. Г. Марганян. Риторика в горах Тавра (2013)).

Указание на собственно авторскую позицию содержится в 36 примерах: *Полагаем, что на поэтику А. Деблина в эти годы больше повлияли произведения Джемса Джойса...* (Т. С. Симян. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция (2013)); *Случаи стихийного возрождения древних архетипов или оживления этимологии в художественной литературе нового и новейшего времени являются, на наш взгляд, самыми интересными* (А. Е. Соснина. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа (2013)).

Категория персуазивности. Категория авторизации неразрывно связана с категорией персуазивности, так как в своей информации мы уверены больше, чем в чужой, которая всегда находится под сомнением и за которую трудно нести ответственность. Это и является причиной тесной спаянности категорий: «чужая информация + неуверенность в ее достоверности».

Высокая степень сомнения в достоверности сообщаемой информации свойственна авторам статей, посвященных вопросам литературоведения, так как они не могут опытным путем доказать состоятельность своей гипотезы: *Раскрываемая нами последовательность из трех алфавитных знаков **отх**, возможно, ассоциировалась с какой-то ранней версией ряда* (С. Г. Проскурин. Семиотика и письменные системы (2013)) – автор использует вводно-модальную помету неуверенности, предположительности.

Средства, свидетельствующие о боязни ошибиться, о формулировании еще не подтвержденного, не доказанного предположения, появляются и в том случае, если в работе используется новый подход для описания объекта: *Осмелимся предположить, что внимание Державина-читателя насторожилось ранее – в начале главы, где употреблено редкое слово, встречающееся в его раннем, начала 1930-х годов, стихотворении на германскую тему* (И. Е. Лоцилов. «Служить живому обновленья чуду...»: о неизданных стихах Владимира Державина (2012)); *Обращаясь к историческим реалиям, мы устанавливаем, что, действительно, у горских народов Кавказа, в том числе у осетин, пленные служили в прошлом*

по преимуществу предметом купли-продажи (А. Е. Соснина. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа (2013)) – употребление вводного слова *действительно* свидетельствует об истинности сообщаемого, уверенности автора в излагаемой информации; **Конечно**, *осторожное движение вперед в исследовании природы человека позволит моральной философии выглядеть не менее достоверной, чем какая-либо другая наука* (И. В. Силантьев. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического (2013)) – автор указывает на то, что предмет его изложения неоспорим и не может вызывать сомнений.

Неуверенность в излагаемой информации подчеркивается авторами следующими способами:

1) главная часть изъяснительных сложноподчиненных предложений: **Нам кажется**, что такое объяснение неудовлетворительно (Т. С. Симян. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция (2013));

2) модальные частицы (*будто, ведь, вроде* и т. п.): **Как будто бы** противоположные тенденции на самом деле ведут к нейтрализации различий между данными явлениями (В. А. Маслова. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю. С. Степанов) (2012)); *Но ведь очевидно его искусственное происхождение* (А. В. Шило. Искусствоведение – искусствознание – искусствовидение: опыт типологического анализа (2013));

3) вводно-модальные слова и конструкции: *...Лев Толстой... предложил оставить поверхностные импликации «фельетонистам», и, как нам кажется, под семантикой романа «Анна Каренина» понимал нечто близкое к понятию модельной структуры* (С. Золян. «Бесконечный лабиринт скоплений»: семантика текста как многомерная структура (2013)); *...может быть, следует пожертвовать осторожностью и позволить экспериментатору с большей решительностью вторгнуться в повседневную жизнь людей...* (В. А. Бойко. Уроки Дельбены, или Маркиз де Сад: упразднение Другого (2013)).

Так как в норме уверенность в содержании излагаемой информации не маркируется, то некоторое количество показателей достоверности, обнаруженное нами, не свидетельствует о высокой степени неуверенности авторов статей в точности того, о чем они пишут.

Категория оценочности. Категория оценочности в работах гуманитарной направленности выражается регулярно, что отличает их от естественнонаучных и физико-математических.

Тексты естественных наук характеризуются логичностью изложения, сухостью, сжатостью, наличием большого количества формул, схем, таблиц, графиков, рисунков и других средств наглядного представления итогов исследования. Тексты гуманитарных наук открыты для выразительных средств языка, представлены различными стилевыми тропами и фигурами, что выводит их за рамки научного стиля, приближает к публицистике и языку художественной литературы. Научное знание в области физики и биологии априори предстает как безусловно достоверное, что вытекает из характера проводимых исследований, способа их репрезентации, который предполагает подробное и наглядное описание способа проведения исследования, что способствует оцениванию данных как надежных и неоспоримых [Кошкарёва, 2009. С. 371]. Это отличает науки точные от гуманитарных, которые допускают оценку знаний.

В исследованных текстах научного стиля категория оценочности, в отличие от авторизации и персуазивности, практически не выражается вводно-модальными словами (из 607 всего 2 примера): **К сожалению**, *здесь мы позволим себе покинуть круг учеников Дельбены...* (В. А. Бойко. Уроки Дельбены, или Маркиз де Сад: упразднение Другого (2013)).

Основными средствами выражения категории оценочности являются:

1) именное сказуемое, в котором оценку выражает семантический компонент: *Ведь абсурдно, чтобы творение... составлялось из какого-то их quod est и из его quo est...* (С. Г. Проскурин. Семиотика и письменные системы (2013)); *Возможно, подобные перифразы-предложения в точном соответствии с теорией истинности следует считать бессмысленными...* (С. Золян. «Бесконечный лабиринт скоплений»: семантика текста как многомерная структура (2013)); *Гораздо важнее следующий вывод У. Ройдер...* (А. Е. Соснина. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа (2013));

2) полузнаменательная оценочная связка составного глагольного сказуемого: Нетрудно заметить, что сам Юрий Михайлович этому подходу не следовал... (С. Золян. «Бесконечный лабиринт скоплений»: семантика текста как многомерная структура (2013)); Любопытно отметить, что Платонов нигде не пользуется такими ключевыми метафорами Шпенглера, как «фаустовская культура», «фаустовская душа», «фаустовский человек»... (Е. Н. Проскурина. Социализм как фашизм: рассказ А. Платонова «Мусорный ветер» (2013));

3) прилагательные, наречия, существительные (не входящие в состав сказуемого). Их репертуар в научных текстах достаточно узок, что связано со стилевыми ограничениями научного стиля, избегающего оценки как таковой: *Пятистопный ямб, которым написана основная часть второго стихотворения, снова (и, вероятно, **з**на́чимо) отклоняется от метрики пушкинских трагедий* (И. Е. Лощилов. «Служить живому обновленья чуду...»: о неизданных стихах Владимира Державина (2012)); *Для разных периодов в истории языка понятия семантики и формы трактовались по-разному, **неоднозначно*** (А. Е. Соснина. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа (2013)).

Взаимодействие категорий модуса. Категории модуса могут взаимодействовать: один показатель одновременно может маркировать несколько значений, вследствие чего становится трудно их дифференцировать. В этом проявляется многозначность показателей модуса. Как для лексической многозначности характерна связь между значениями одного слова, так и многозначность показателей модуса говорит об их структурной и семантической связи.

Категория авторизации часто взаимодействует с категорией оценочности. Например, слово *специалист* подразумевает мнение автора: *По мнению крупнейшего **специалиста** классической филологии Эдуарда Нордена [Ibid. S. 145] и его учеников...* (Е. Г. Марганян. Риторика в горах Тавра (2013)) – Е. Г. Марганян считает, что Эдуард Нортон – крупнейший специалист в области классической филологии, и поэтому приводит его точку зрения в своей работе.

При рассмотрении точек зрения, противоположных собственной, автор не просто приводит чье-то мнение, но и оценивает его, одновременно могут быть представлены две модусные категории – авторизация и оценка: *Однако общая теория... будет в состоянии описать и более простые случаи, что далеко **неочевидно при противоположном подходе** – если начинать с простейших, тривиальных случаев и постепенно усложнять теорию* (С. Золян. «Бесконечный лабиринт скоплений»: семантика текста как многомерная структура (2013)) – в примере указывается, что существует противоположный авторскому подходу, который оценивается автором статьи как не дающий результатов.

Указание на способ получения информации, т. е. представление категории авторизации, дополнительно может свидетельствовать о достоверности излагаемых фактов, так как информация, полученная путем собственных исследований, признается истинной: ***По нашим наблюдениям**, экономический дискурс представляет наибольшее количество и разнообразие случаев живой, актуальной метафоры* (И. В. Силантьев. Семантика метафоры в языке науки (2012)); *Конечно, у героев Сада **можно обнаружить** индивидуальные предпочтения относительно объектов, стимулирующих их воображение, и способов достижения оргазма* (Бойко В. А. Уроки Дельбены, или Маркиз де Сад: упразднение Другого (2013)).

Сопоставление результатов нашего исследования на материале статей журнала «Критика и семиотика» с результатами, полученными Н. Б. Кошкаревой для текстов физической, математической и естественнонаучной тематики, позволило нам выявить следующие различия.

1. В естественнонаучных текстах собственная информация не маркируется (маркируется чужая), используется цитирование. Своя информация в гуманитарных статьях маркируется, регулярно используется цитирование.

2. В естественнонаучных текстах частотно отсутствие вербализованного указания на источник (факт постулируется, или указывается ссылка на источник в конце предложения); в гуманитарных – рассмотрение и сопоставление разных точек зрения.

3. В естественнонаучных текстах присутствует обобщенное указание на сторонний источник информации; в гуманитарных – разные виды отсылок (обобщенные в зависимости от направления исследования, к конкретному автору, к общему фонду знаний).

4. Для естественнонаучных текстов характерна обезличенность при изложении результатов собственных достижений; для гуманитарных – вербализованное указание на авторство работы.

5. В естественнонаучных текстах подчеркивается достоверность; в гуманитарных – большая степень неуверенности в достоверности.

6. В естественнонаучных текстах наблюдается переизбыток конструкций с потенциальной модальностью возможности и высокая степень гипотетичности; в гуманитарных – употребление показателей, указывающих на истинность сообщаемого.

7. Выражение оценочности в естественнонаучных текстах встречается крайне редко. Статьи подразумевают зрительное восприятие математического текста, обусловленное высокой степенью символичности математических формул. В текстах гуманитарных наук категория оценочности выражается регулярно.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. В гуманитарных текстах регулярно выражается категория авторизации. Информация «от себя» маркируется редко, так как научный текст предполагает отсылку к предшествующим работам, в которых более полно излагаются точки зрения по исследуемой проблематике.

2. Из существенных отличий выражения категории авторизации отметим отсылки к предшествующим работам с указанием автора (авторов) в гуманитарных текстах и обобщенное указание на источник информации, характерное для естественнонаучных текстов.

3. Для текстов гуманитарной направленности (особенно литературоведческих) частотно выражение категории персуазивности, в частности неуверенности в истинности передаваемой информации, обусловленное невозможностью проверить полученные данные с помощью опыта.

4. В текстах гуманитарных наук представлена категория оценочности, так как их подстиль менее строг, чем естественных и математических. Широкий список средств, используемых для выражения оценки. В текстах естественных наук он представлен ограниченной лексической группой (например, словами *трудно*, *важно*, *существенно* и т. д.).

Таким образом, тексты гуманитарных наук отличаются от естественнонаучных и математических регулярно эксплицируемыми модусными категориями, набором средств их выражения и способами оформления.

Список литературы

Белошапкова В. А. Смысловая организация предложения // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.

Кошкарёва Н. Б. Об особенностях представления научного знания языком математики // Критика и семиотика, 2009. Вып. 13. С. 152–163.

Кошкарёва Н. Б. Об особенностях представления научного знания языком естественных наук // Критика и семиотика, 2010. Вып. 14. С. 360–372.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.

Материал поступил в редколлегию 07.12.2017

E. V. Dimitrieva, E. S. Kuznetsova

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

tereinadee@gmail.com, kouznetsova.elena.s@gmail.com

EXPRESSION OF QUALIFICATIVE MODUS CATEGORIES IN ARTICLES PUBLISHED IN *CRITIQUE AND SEMIOTICS* JOURNAL (IN CONTRAST WITH ARTICLES ON MATHEMATICS AND NATURAL SCIENCES)

The article is dedicated to the specificity of the expression of qualitative categories of modus in humanitarian texts in comparison with natural sciences and physics and mathematics. Information

in the language of any science and language is generally implicit, concealed with a limited set of standard syntactic structures in which the form and content are interdependent, therefore it is necessary to reveal how modes of expression of modus senses differ depending on the scope of scientific activity. The study serve as a basis for further study of the mode and its categories. The analysis of behavior of the modus in articles devoted to questions of philology helps to find the patterns of information in the material under investigation. In the article, the following categories are considered separately: authorization, persuasiveness and evaluation. We examined how one indicator can hold several modal categories at once. As a result of the research, we came to the conclusion that the authors of humanitarian articles tend to emphasize the authorship of the works. To indicate the source of information, different types of references are used. Humanitarian articles abound with litters, indicating a lack of confidence in the reliability of the information provided. Unlike natural science and physics and mathematical texts, literary and linguistic scholars actively use estimated words. The interaction of the categories of the mode is due to the multivaluedness of the indicator. Different semantic nuances differ in different ways depending on the context.

Keywords: semantic syntax, category-modus, authorization, persistence, evaluation.

References

Beloshapkova V. A. Smyslovaya organizatiya predlozheniya [Semantic Organization of Sentences]. *Sovremennyyi russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Ed. by. V. A. Beloshapkova. Moscow, 1989. (in Russ.)

Koshkareva N. B. Ob osobennostyakh predstavleniya nauchnogo znaniya yazykom estestvennykh nauk [On Presentation of Scientific Knowledge via Language of Natural Sciences]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2010. vol. 14, p. 360–372. (in Russ.)

Koshkareva N. B. Ob osobennostyakh predstavleniya nauchnogo znaniya yazykom matematiki [On Presentation of Scientific Knowledge via Language of Mathematics]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2009. vol. 13. p. 152–163. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk, 1994. (in Russ.)

Л. А. Инютина, О. В. Смирнова

*Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия*

*Новосибирское высшее военное командное училище
ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630117, Россия*

ljudina@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С КОРНЕМ -ГОД- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВЕКОВ

Работа посвящена выяснению динамики лексических значений единиц одного словообразовательного гнезда в русском языке XI–XVII вв. Основные направления развития лексической семантики в словообразовательном гнезде с корнем -год- ('хороший, качественный', 'время', 'место, пространство') определены относительно этимологического значения ('угодждать, удовлетворять'). Установлена регулярность продуцирования новых слов в каждом из этих направлений в течение указанного исторического периода. Выявлены закономерные изменения лексической семантики в словообразовательном гнезде, наблюдаемые при его рассмотрении с точки зрения последовательности словопроизводства. На материале сибирских скорописных памятников проанализированы изменения в синтагматике и парадигматике лексических единиц с корнем -год-, обозначающих пространство, предложено объяснение ценностных признаков в картине мира сибирских первопоселенцев. Утверждается, что семантика лексем словообразовательного гнезда в диахронии может быть представлена как система, направления эволюции которой обусловлены этимологическим значением корня и объясняются развитием языкового сознания носителей языка на протяжении его существования с древнейших времен до современности.

Ключевые слова: лексическая семантика, словообразовательное гнездо, историческое словообразование, этимологическое значение, ступень словообразования, сибирские памятники письменности.

Анализ лексического состава словообразовательного гнезда на разных этапах его развития соответствует актуальным задачам современной лингвистики, которая характеризуется экспансионизмом и экспланаторностью исследований: аксиоматичным является понимание диалектики диахронического и синхронического в языке и методах его изучения. В работе мы реализуем такой диалектический подход к анализу семантических изменений лексических единиц (ЛЕ) в словообразовательном гнезде (СГ) с корнем -год- в русском языке XI–XVII вв.

Актуальность работы обусловлена также недостаточной изученностью словообразовательных единиц на материале региональных скорописных памятников деловой письменности. Их описание может помочь по-новому взглянуть на проблематику исторического словообразования русского языка [Инютина, 2008. С. 22; Сандуца, 2017. С. 4].

Объектом исследования стала лексика с корнем -год-, проанализированная как составляющая СГ, т. е. «упорядоченной отношениями производности совокупности слов, характеризующихся общностью корня» [Тихонов, 1985. С. 56]. Предметом анализа является изменение семантики ЛЕ в данном СГ в русском языке XI–XVII вв. Особое внимание уделено

развитию лексических значений пространственных наименований с этим корнем в русском языке Сибири.

Проблемы когнитивной семантики решаются в работе в ономаσιологическом и семасиологическом аспектах: какова денотативная отнесенность ЛЕ с корнем *-год-* и какими ценностными признаками обладали денотаты, обозначенные этими ЛЕ в русском языке, в частности в речи сибирских первопоселенцев по данным местных скорописных памятников; каковы парадигматические семантические отношения и деривативные связи таких ЛЕ; какова эволюция лексической парадигмы, в которую они входили, какие изменения прослеживаются в семантике производных слов и семантических отношениях в рамках СГ.

Вопросы соотношения понятий диахронии и синхронии «будут всегда входить в число тех кардинальных проблем языкознания, от правильного понимания которых зависит эффективность изучения многих аспектов в лингвистике» [Кубрякова, 1968. С. 122]. Одной из наиболее дискуссионных представляется проблема соотношения диахронии и синхронии в дериватологии. К. А. Тимофеев исходил из того, что синхронные отношения в принципе исключают словопроизводство, так как «во время пользования языком мы не создаём заново производные слова, но употребляем их в уже готовом виде» [1988. С. 99]. В таком случае под синхронией в словообразовании следует понимать состояние словообразовательной подсистемы языка и образующих её языковых единиц на том или ином этапе развития данного языка, причём состояние, которое может быть представлено вне качественных изменений. В. Н. Немченко считает, что «по отношению к словообразованию понятие диахронии может быть определено как исторический процесс создания новых слов, образующих словообразовательный уровень языка, как процесс развития словообразовательной системы данного языка путем постепенного перехода из одного состояния в другое» [1994. С. 29].

Лексический материал отобран из ряда этимологических [Фасмер, 1996; Черных, 1994; ЭССЯ, 1974–2005] и исторических [Сл. РЯ XI–XVII, 1975–2008; Сл. ... Сибири, 1991; Сл. ... Томска, 2002; Цомакион, 1971] словарей, словники которых содержат лексические единицы, бытовавшие на всей территории Российского государства, включая Сибирь, в интересующий нас период. Еще одним источником являются западносибирские памятники делового письма XVII в.

Дискуссионный вопрос об этимоне анализируемого СГ в словарях [Фасмер, 1996; Черных, 1994] решается таким образом: слово **godъ* характеризуется как непроевропейское с индоевропейским корнем **ghedh-* (**ghodh-*). В [ЭССЯ, 1974–2005], содержащем новейшие результаты славистических исследований, попытки поиска самостоятельной этимологии лексемы *год* считаются не соответствующими этимологическим данным, предлагается считать слово **godъ* образованным от **goditi* [ЭССЯ. Вып. 6. С. 192]. В данных словарях реконструированы значения слов **goditi* и **godъ*. Этимологические значения качества-пригодности ('угодать, удовлетворять'; 'прилаженное, подходящее, желаемое'; 'пора', 'время', 'праздник', 'спелость') представляются наиболее древними, исходными для этого гнезда.

Собранный языковой материал отражает изменение значений каждого многозначного слова СГ: *год*, *годно*, *безгода* (сущ.), *погода*, *погодный*, *безгодный*, *безгодие* и др.

Так, в [Сл. РЯ XI–XVII. Вып. 4. С. 54–56] указаны три значения слова *годъ*: 1) 'время, пора'. Слово в этом значении в памятниках письменности обнаруживается уже в XI в. В XIII в. слово *годъ* начинает употребляться для обозначения срока, определённого периода, а во множественном числе оно обозначает 'время, час' (XIII в.); 2) 'возраст'. В этом значении слово фиксируется с XII в.; 3) 'год, год жизни (при исчислении возраста)'. Такое значение отмечено с XVI в. С XVII в. слово *годъ* употребляется и для обозначения года как единицы летоисчисления.

Слово *безгодный* – 1) 'неудобный, непригодный'; 2) 'неумеренный, чрезмерный' (*Добро зело и вельми пользно еже отърицатися безгодныхъ беседъ*. XI в.); 3) 'безвременный, несвоевременный' (*...а вскоре погибоша, мнози напрасными и безгодными смертми измроша*. 1535 г.) [Сл. РЯ XI–XVII. Вып. 1. С. 102]. Значение качества-пригодности является более ранним. Третье значение (времени) у данного слова зафиксировано позже.

Слова *безгода* (сущ.), *погода* выражают значения качества-пригодности, времени и состояния окружающей среды.

Погода – 1) ‘благоприятное время’ (*Тати не жнутъ, а погоды ждутъ*. XVII в.); 2) ‘погода’ (*А у нас богъ дал погоду дожжевую*. 1641 г.); 3) ‘благоприятный ветер, благоприятная погода’ (*А корабль стоитъ – погоды ждетъ*. XIV в.); 4) ‘непогода, буря, ненастье’ (*Клалы в бѣломкаменом городе зубцы городовые, которые сломило погодою*. 1645 г.) [Сл. РЯ XI–XVII. Вып. 15. С. 190]. Как видим, изменение семантики данного слова приводит к развитию энантиосемии (значения 3 и 4).

Самую большую группу в СГ с корнем -год- образуют ЛЕ со значением времени: *годовой*, *годовое* (сущ.) ‘годовое жалованье, плата за год’, *годовая* (сущ.) ‘годовая служба, служба в течение года’, *годовицикъ* ‘человек, выполняющий какую-либо службу в течение года’, *годовальцикъ* ‘человек, находящийся на службе или проживающий на промысле в течение года’, *годовальщицковъ* (прилагательное к *годовальцикъ*), *годовикъ* ‘годовалое животное’, *годовный* ‘относящийся к году’, *годовати* ‘жить, проживать где-либо в течение года, неся военную службу или выполняя какую-либо повинность’, *годокъ*, *годный*², *годище*, *погодный*¹ ‘относящийся к каждому году; ежегодный’, *погодно* ‘ежегодно; каждый год’, *нагодчина* ‘разновидность оброка (плата, взимавшаяся ежегодно за аренду монастырской земли)’, *година*, *загодъ* ‘раньше, заблаговременно; загодя’, *изгодою* ‘выжидая, с ожиданием’, *годишный* (*годищный*), *годокъ*, *изгодити* ‘ подождать’.

В работе проанализированы особенности семантики производных слов. Прилагательное *годовой* является производным от существительного *годъ* и находится на I ступени словообразования. Оно образует следующие словообразовательные пары (II ступень): *годовой* > *годовный*, *годовой* > *годовая* (сущ.), *годовой* > *годовое* (сущ.).

Годовный – ‘относящийся к году’. Существительные образованы морфолого-синтаксическим способом словообразования (субстантивация) от этого производящего прилагательного: *годовая* – ‘годовая служба, служба в течение года’ (*А сколько у него Ивана в сотне стрелцовъ, того невѣдомо потому что ево сотни стрелцы на годовой на Янке*); *годовое* – ‘годовое жалованье, плата за год’ [Сл. РЯ XI–XVII. Вып. 4. С. 58].

Как видно из приведенных примеров, производные слова от *годовой* сохраняют семантику производящего слова – значение времени.

Семантика производных слов с корнем -год- характеризуется разнообразием, однако прослеживаются три линии её развития в СГ:

а) ‘подходящий’ > ‘сделать кому-л. желаемое’ > ‘хороший, качественный’: *годный* I > *годно*, *годность*, *згодный*; *годити* I > *годьба*; *годити* I > *изгодити* > *изгода*; *годъ* > *безгода* (сущ.) > *безгода* (нар.), *безгодный*, *безгодие* > *безгодно* и др.;

б) ‘подходящий’ > ‘ждать подходящего, желаемого’ > ‘время’: *годъ* > *годовой* > *годовный*, *годовая* (сущ.), *годовое* (сущ.); *годъ* > *годити* 2 > *погодити* > *погодье*; *годъ* > *годовать* 2 > *годовицикъ*, *годовальцикъ* и др.;

в) ‘подходящий’ > ‘удобное место, пространство’: *годный* (или *годити* I) > *годье* (*А межѣ тѣмъ землямъ и пожнямъ и всѣмъ годьямъ по старымъ мѣжамъ*. XV в.) [Сл. РЯ XI–XVII. Вып. 4. С. 58]; *згодити* (*сгодити*) > *згодье* (*сгодье*); *угодити*¹ > *угодье* (...*дворы себе ставитъ за острогом... слободами, х крепким местам и к угодию, смотря потому ж по простору*. 1630 г.) [Сл. ... Томска, 2002. С. 288].

Определённые закономерности развития семантики ЛЕ в СГ мы наблюдаем, рассматривая его с точки зрения последовательности словопроизводства.

На I ступени словообразования отмечены слова с двумя из перечисленных выше значений. Значение качества-пригодности выражено в словах *годный* I ‘нужный’, *годъ* ‘удобность’. Слова с временным значением образуют большую группу: *годовой*, *годовный*, *годишный*, *годокъ*, *годити* 2, *годовати* 2, *годный* 2 и др.

На II ступени в СГ также есть слова со значением качества-пригодности: *годно*, *годность*, *годьба* и др. По-прежнему значительно количество слов с временным значением: *годовая*, *годовое*, *годовик*, *годовальцикъ* и др. На этой ступени отмечены слова с пространственным значением: *угодье*, *годье* ‘то же, что *угодье*’.

На III ступени словообразования не встречается пространственных наименований, но обнаруживаются слова со значением качества-пригодности (*безгодно*) и времени (*погодно*, *го-*

¹ Реконструируется на основании региональных исторических словарей и ссылок в [Сл. РЯ XI–XVII. Вып. 4].

довальщиковъ – прилагательное к *годовальщикъ* ‘человек, находящийся на службе или проживающий на промысле в течение года’).

В результате проведенного анализа констатируем, что в нашей выборке из указанных выше исторических словарей около 15 % ЛЕ зафиксировано в значении качества-пригодности, угодности; 20 % (полисеманты) – в значении качества и времени; 59 % – в значении времени; 7 % – в пространственном значении.

Остановимся подробнее на развитии семантики ЛЕ – пространственных обозначений.

В [Сл. РЯ XI–XVII] словарные статьи с *годный*, *гожий*, *годье* проиллюстрированы текстами разной территориальной отнесенности, датированными XI–XIII вв., не позже XV в., а с приставочными производными этих слов – текстами не раньше XVI в.: *взгодится*, *згодится*, *згодный*, *згодье*, *згодышко*, *згоже*, *згожа*, *згожь*, *сгодится*, *сгодный*, *сгодье*. Лексемы *згодье*, *сгодье*, а также *угодье*, *угожье* и др. [КДРС] употреблялись в значении ‘участок земли, являющийся объектом хозяйственного использования или пригодный для этой цели’. ЛЕ *угодье*, *угода*, *угожье* и др. в русском языке XVII в. относятся к числу немногих пространственных наименований с обобщенной семантикой, таких как *земля*, *место*, *поле*. В отличие от них слово *угодье* являлось производным, следовательно, обладало прозрачной внутренней формой: *угодить* > *угодье*, *угодить* > *угодный* и *угожий* (ист.).

В [Сл. ... Томска, 2002] содержатся ЛЕ с корнем *-год- / -гож-*: *пригоже*, *пригожей*, *угодье*, *угодышко*, *угожье*, *угодно*, *угоже*, *угодной*, *угожей*. В [Сл. ... Сибири, 1991; Цомакион, 1971] приведены слова *угодный*, *угодно*, *угожий*, *угожье*, *ухожье*, *угодышка*, *угодышки*, *згоды* с примерами из енисейских, илимских, мангазейских, тобольских, туринских деловых памятников. Словники общерусского и сибирских исторических словарей являются сходными.

При описании новых сибирских земель в текстах местных деловых документов использованы слова *угодье* и *угожье*, *ухожье* для обозначения удобного места для жизни, хозяйствования, промыслов [Сл. ... Томска, 2002. С. 288], участка земли или части каких-либо природных богатств, дающих средства к жизни, пригодных для хозяйственного использования [Цомакион, 1971. С. 523]. Атрибутивные словосочетания *угожее место*, *угодное место* также употреблены как номинативные единицы, в которых определение имело значение ‘пригодный, удобный, подходящий; богатый угожьями; удобный для поселения и ведения промыслов’ [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160]. Кроме того, зафиксированы ЛЕ с корнем *-год-*, относящиеся к таким частям речи, как наречия, слова категории состояния (*пригожь*, *пригоже*, *угодно*, *угоже*, *згоже* ‘удобно, лучше’) и глаголы (*сгодится* (*згодится*)) ‘оказаться возможным или удобным делать что-л.’).

В ранних (первая половина XVII в.) сибирских памятниках синонимическими ЛЕ *угодье*, *згодье*, *сгодье*, *угожье*, *ухожье*, *угожее место*, *угодное место* обозначена цель поиска новых земель (*приискать*, *досмотреть*), поэтому они часто распространены определениями *весь*, *всякий*: (1) *Велено им ... на усть Кондомы-реки, присмотря место угожее, где были угожья всякие, поставить острог и всем укрепить*. Томск, 1618 г. [Сл. ... Томска, 2002. С. 288]; (2) *Двор со всеми хоромы, и с пашенные земли, и с санные покосы, и со всякими згоды*. Верхотур., 1656 г. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 159].

В имеющихся у нас материалах описаны ценностные свойства, которыми должны были обладать сибирские просторы, чтобы быть названными *угодными*, *угожими* в речи первых русских поселенцев. Прежде всего это должно было быть *промышленное место*, как правило, расположенное на реке, с лесами, богатыми зверем и птицей. Важным было наличие промыслов (рыбный, лесной, пушной, бортный, хмелевый): (3) *Пришли леса великие и угодны всякому зверю, и лесу на острожное и хоромное дело много*. Томск, 1643 [Сл. ... Томска, 2002. С. 288]; (4) *Река Енисей угодна, рыбы в ней много... и зверь по ней дорогой*. Тобол., 1616 г. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160]; (5) *...на угожем месте у пашен и у санных покосов и у рыбные ловли где бы государю прибыльнее*. ½ XVII в. [Сл. ... Томска, 2002. С. 288]; (6) *Промеж себя у нас волость с волостью загражены: леса, и бобровые гоны, и рыбные ловли, и хмелевые ухोजья*. Турин., 1635 г. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160]; (7) *Лес сечь за рекою за Сурою в черемисских бортных угожях в черном лесу...* Томск, XVII в. [Сл. ... Томска, 2002. С. 288].

Еще один немаловажный признак такого места – *крепкое*, где можно было... *поставить острог* (контекст 1); (8) *А место ужоже, и крепко, и рыбно...* Тобол., 1616 г. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160]; (9) *И городу в том ж месте быт(ь) угодно: и от неприятел(ь)ских приходов оберегател(ь)но...* XVII в. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160].

Кроме того, практически во всех текстах сибирского делового письма места, удобные для освоения русскими людьми, характеризуются как пригодные для сельскохозяйственного использования: (10) *Двор со всеми хоромы, и с пашенные земли, и сенные покосы, и со всякими згоды.* Верхотур., 1656 г. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160]; (11) *...служивым людем велели острог ставити за Томью рекою на ужожем месте у пашен и у сенных покосов...* ½ XVII в. [Сл. ... Томска, 2002. С. 288]; (12) *И вели, государь, нам дат(ь) под пашину и в угод(ь)и сверх Енисью выше Сумы-реки...* 1639 г. [Цомакион, 1971. С. 523].

Этот атрибут – пригодность для сельскохозяйственного использования – указан в качестве главного свойства «пригодности», «удобства» территории в региональных текстах последующего периода (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Однако сибирские земли в этих памятниках описываются не как потенциальные угодья, а как заселенные русскими людьми, принадлежащие кому-либо и обрабатываемые, используемые в хозяйственных целях. В языке деловых документов это нашло отражение в употреблении новых лексических синтагм, не зафиксированных в текстах первой половины XVII в.: объектных (*пашня пахать, поорать пахота / пашня*) и атрибутивных (*пашенная заимка, распашиное место, крестьянский завод* ‘сельскохозяйственный инвентарь // устройство, обзаведение’, *сенокосный покос, луговое место; скотный / скотинный выпуск* и др.): (13) *...потому на уртамъ земли многие и пространные и хлббородные и сенные и всякими угоди и рыбными ловлями довольные.* Томск, 1688 г. [РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 750. Л. 129]; (14) *...и есть такие ужожие места, что будет где ваша государева пашня пахать.* Кузнецк, XVII в. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160]; (15) *... а для селитбы въ Томскомъ въ уѣздѣ ссыльных людей и слобоцкого строенія ужожихъ мѣсть и пашенныхъ земель по Томѣ и по Обѣ рѣкамъ много.* Томск, 1700 г.; *А иных пашенныхъ заимок и никаких угодей за ним нигде нет.* Томск, 1703 г. [ИЗТ. С. 60–61]; (16) *И городу в том ж месте быт(ь) угодно ... и скотинными выпуски, и сенными покосы, и всякими угод(ь)и довол(ь)но.* Мангаз., 1676 г. [Сл. ... Сибири, 1991. С. 160].

Следует также отметить произошедшие на протяжении XVII в. такие изменения в дистрибуции ЛЕ с корнем -год- / -гож-, как утрата актуальности сочетания со словами *досмотреть, присмотреть, приискать, промышлять*. В сибирских деловых документах второй половины XVII – начала XVIII в. описание территорий отражено в объектных синтагмах с глагольными лексемами *прилечь, прийти* (*земля прилегла, пришла*), *занять, заложить* ‘основать поселение’, *обжиться, осесть(ся), оселить(ся), ставить, учинить* (*острог ставить, учинить город*).

Проанализировав употребления ЛЕ с корнем -год- / -гож-, отражавших процесс освоения русскими людьми пространства Сибири в языке местных памятников письменности, констатируем изменения не только в синтактике, но и в парадигматике:

1) в первой половине XVII в. семантическим центром лексико-семантической парадигмы ‘пригодный (пригодность) для хозяйственного использования’ являлись ЛЕ с этим корнем: *угодье, угодное (уожее) место* ‘новая территория, богатая местами для промыслов, а также для ведения пашни’ – *промысел – порозжее (пустое, новое) место – пахать, пашенный (лес, земля, место)*;

2) со второй половины XVII в. центр этой парадигмы переместился: *пашня, пахота – заимка, займище – угодье, угодное (уожее) место* ‘занятая территория, пригодная для хлебопашества и других сельскохозяйственных нужд’ – *сенной покос – скотинный (скотский, скотный) выпуск*.

Таким образом, язык памятников письменности не только в содержательном (сообщаемые факты), но и в собственно лингвистическом плане отражает процесс освоения сибирских земель и различные фазы его отражения и оценки в языковом сознании носителей русского языка («субъективно-личностное оценивание и его результат – ценностно ориентированное знание, содержащее представление о социально полезном, идеальном, должном» [Роль человеческого фактора в языке..., 1988. С. 21]).

ЛЕ *угодье* и другие пространственные наименования с этим же корнем стали родовым, обобщающим обозначением земель самого разного хозяйственного назначения и использования благодаря своей внутренней форме, т. е. этимологическому значению. Это исходное значение поддерживается всей семантической системой, всеми составляющими её парадигмами (лексическая семантика, словообразовательная семантика и грамматическая семантика) на протяжении многих веков её существования и развития.

Очевидно, что в исследуемом СГ пространственное значение у слов с корнем *-год-* с течением времени перестаёт продуцироваться. Дериваты со значением качества-пригодности появляются на протяжении всего старорусского периода, но наблюдается модификация этого значения: 'годность', 'пригодность', 'угодно', 'угождать', 'чрезмерно', 'неумеренный', 'неудобный'. Наиболее регулярно образуются в данном СГ слова с временной семантикой, которая также изменяется: 'время', 'возраст', 'взимаемые за год налоги', 'годовалое животное', 'годовая служба'.

Семантика лексем СГ различна и вместе с тем может быть систематизирована, так как является развитием тех лексических значений и направлений их эволюции, которые были свойственны анализируемым единицам в предшествующий период истории языка.

Список литературы

Инютина Т. С. Понятие нормы делового языка в свете теории варьирования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 308. С. 19–23.

Кубрякова Е. С. О понятии синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 1968. № 3.

Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 215 с.

Немченко В. Н. Понятие способа словообразования с диахронической и синхронической точек зрения // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994. С. 29–43.

Сандуца А. А. Активные процессы в русском словообразовании XVIII века (на материале памятников тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 26 с.

Тимофеев К. А. Структура словообразовательной системы русского языка // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988. С. 89–107.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1.

Список источников

ИЗТ – Из истории земли томской. 1604–1917 гг.: Сб. док. Томск, 1979. Вып. 1. 63 с.

КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. Хранится в ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова (Москва).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 – Столбцы и книги Сибирского приказа.

Сл. РЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.

Сл. ... Сибири – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 181 с.

Сл. ... Томска – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стереотип. СПб.: Терра-Азбука, 1996.

Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. Красноярск, 1971. 581 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Рус. яз., 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1974–2005. Вып. 1–31.

L. A. Inyutina, O. V. Smirnova

*Novosibirsk State Technical University
20 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

*Novosibirsk Higher Command Military School
49 Ivanov Str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation*

ljudina@yandex.ru

SEMANTIC PROCESS IN THE FAMILY OF WORDS WITH THE ROOT -ГОД- IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 11–17th CENTURIES

The paper deals with the elucidation of the dynamics of lexical meanings in one family of words in the Russian language of the 11–17th centuries. The main directions in the development of lexical semantics in the family of words with the root -god- (a) 'good, high-quality', b) 'time', c) 'place, space') are defined according to their etymological meaning ('to please, to satisfy'):

a) *godnyi 1* > *godno*, *godnost'*, *zgodnyi*; *goditi 1* > *god'ba*; *god* > *bezgoda* (noun) > *bezgoda* (adverb);

b) *god* > *godovoi*; *goditi 2* > *pogoditi* > *pogod'ye*; *godovat' 2* > *godovshchik*, *godoval'shchik*;

c) *goditi 1* > *god'ye*; *zgoditi (sgoditi)* > *zgod'ye (sgod'ye)*; *ugoditi* > *ugod'ye*.

The regularity of the formation of new words in each of these directions during that historical period was established: about 15% of words have the meaning 'high-quality'; 20 % (polysemantic words) of words have the meaning 'high-quality' and 'time'; 59 % of words have the meaning 'time'; 7 % of words have the meaning 'space'.

We establish that there are logical changes in the lexical semantics in this family of words that are observed due to considering them in terms of the sequence of word formation.

On the first level of word formation, the words with the following meanings were recorded: 'high-quality' (*godnyi 1*, *god'*) and 'time' (*godovoi*, *godovnyi*, *godichnyi*, *godok*, *goditi 2*, *godovati 2*).

On the second level of word formation, the words with the following meanings were recorded: (*godno*, *godnost'*, *god'ba*), 'time' (*godovaya*, *godovoye*, *godovik*, *godoval'shchik*) and 'space' (*god'ye*, *ugod'ye*).

On the third level of word formation, the words with meanings 'high-quality' (*bezgodno*) and 'time' (*pogodno*, *godoval'shchikov*), were recorded, while no words with meaning 'space' were recorded.

The changes that occurred during the period from the beginning of the 17th century till the beginning of the 18th century in the syntagmatics and paradigmatics of words with the root -god- that define space were analyzed on the materials of Siberian manuscripts with the ornate cursive writing. The paper explains which value characteristics of Siberian first settlers' view of the world these changes reflect. Initially Siberian lands were considered only as potential places for fishing and hunting, but in the second half of the 17th century and later they started being viewed as really valuable: as being somebody's property, being cultivated, being used for various household goals.

It is stated that the semantics of the items in this family of words in diachronical aspect can be represented as a system directions of evolution of which are defined by etymological meaning of the root and are explained with the development of the language awareness of native speakers during the entire period of language existence from ancient times till times of forming of national language.

Keywords: family of words, historical word formation, lexical semantics, etymological meaning, word formation level, Siberian manuscripts.

References

Inyutina T. S. Ponyatiye normy delovogo yazyka v svete teorii var'irovaniya [The Concept of Official Language Norm in the Light of Variation Theory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]*, 2008, № 308, p. 19–23. (in Russ.)

Kosova V. A. Sistemnaya znachimost' slovoobrazovatel'nykh kategorii v russkom yazyke [Systematic Meaning of the Word-Forming Category in Russian Language]. Dr. Phil. Sci. Syn. Diss. Kazan', 2014, 44 p. (in Russ.)

Kubryakova E. S. O ponyatii sinkhronii i diakhronii [On Synchrony and Diachrony]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1968, № 3, p. 112. (in Russ.)

Nemchenko V. N. Ponyatiye sposoba slovoobrazovaniya s diakhronicheskoi i sinkhronicheskoi tochek zreniya [The Idea of Word-Forming Method from Diachronic and Synchronic Points of View]. *Issledovaniya po istoricheskomu slovoobrazovaniyu* [Studies in Historical Word-Forming]. Moscow, 1994, p. 29–43. (in Russ.)

Osil'bekova D. A. Sootnosheniye znachenii i funktsii slovoobrazovatel'nykh affiksov v sovremennom russkom yazyke [Relations between Meanings and Functions of Word-Forming Affixes in Modern Russian]. Dr. Phil. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2013, 44 p. (in Russ.)

Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira [Human Factor in Language: Language and World View]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 215 p. (in Russ.)

Sandutsa A. A. Aktivnye protsessy v russkom slovoobrazovanii XVIII veka (na materiale pamyatnikov tyumenskoi delovoi pis'mennosti 1762–1796 gg. [Active Processes in Russian Word-Forming in 18th Century (on Material of Tyumen Official Texts of 1762–1796)]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Ekaterinburg, 2017, 26 p. (in Russ.)

Timofeev K. A. Struktura slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka [Structure of Russian Word-Forming System]. *Sistemnyye otnosheniya na raznykh urovnyakh yazyka* [Systematic Relations on Various Language Levels]. Novosibirsk, 1988, p. 89–107. (in Russ.)

Ulukhanov I. S. Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsypy ee opisaniya [Word-Forming Semantics in Russian Language and Principles of Their Description]. Moscow, Knizhnyi dom Librokom Publ., 2012. 264 p. (in Russ.)

Sources

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leks. fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund]. Vinogradov Russian Language Institute. Moscow, Nauka Publ., 1974–2005, vol. 1–31. (in Russ.)

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' Russkogo yazyka [Russian Etymological Dictionary]. In 4 vols. Trans. and add. by. O. N. Trubachev. St. Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996, vol. 1–4. (in Russ.)

Iz istorii zemli tomskoi 1604–1917 gg. [History of Tomsk Lands. 1604–1917]. Collection of Documents. Tomsk, 1979, vol. 1, 63 p. (in Russ.)

Kartoteka Slovary russkogo yazyka XI–XVII vv. Hranitsya v IRYA RAN im. V. V. Vinogradova (Moscow) [Card Index of Russian Dictionary of 11–17th Centuries. Kept in IRYA RAN, Moscow]. (in Russ.)

Russkii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 214 – Stolbtsy i knigi Sibirskogo prikaza [Russian State Archive of Ancient Writers. Tables and Books of Siberian Prikaz]. (in Russ.)

Slovar' narodno-razgovornoj rechi Tomska XVII – nachala XVIII v. [Dictionary of Tomsk Folk Speech in 17th – early 18th Century]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002, 336 p. (in Russ.)

Slovar' Russikoi narodno-razgovornoj rechi v Sibiri XVII – pervoi polovine XVIII v. [Dictionary of Russian Folk Speech in 17th – early 18th Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 181 p. (in Russ.)

Slovar' Russkogo yazyka XI–XVII vv. [Russian Dictionary, 11–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2008, vol. 1–28. (in Russ.)

Tchernykh P. Ya. Historiko-etimologicheskii slovar' sovremennogo Russkogo yazyka [Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian Language]. In 2 vols. Moscow, Rus. Yaz. Publ., 1994, vol. 1–2. (in Russ.)

Tsomakion N. A. Slovar' yazyka mangazeiskikh pamyatnikov XVII – pervoi poloviny XVIII vv. [Dictionary of Language of Mangazeya Manuscripts, 17th – early 18th Centuries]. Krasnoyarsk, 1971, 581 p. (in Russ.)

П. Э. Подалко

*Университет Аояма Гакуин, Япония
4-4-25 Shibuya, Shibuya-ku, Tokyo 150-8366, Japan*

podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯПОНИИ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Русский язык в Японии пережил несколько взлетов и падений своей популярности, чему способствовал ряд как внешних, так и внутренних факторов. Отдельно следует сказать о роли русской литературы, необычайная популярность которой привлекала множество людей к изучению языка оригинала. После распада СССР популярность русского языка стала снижаться, что полностью совпало с изменением отношения к России в целом. Негативную роль сыграл и японский экономический кризис 1990-х гг. Однако до сих пор отношение к русскому языку в Японии особое, и он входит в группу наиболее популярных среди изучаемых здесь языков.

В статье подробно рассматриваются особенности изучения в Японии иностранных языков, объясняются причины этого явления, раскрываются различия между преподаванием первого и второго иностранных языков в местных вузах. Отдельно анализируются причины выбора студентами русского языка и особенности его преподавания как японскими, так и иностранными специалистами. В заключение анализируются причины существующего положения, даются рекомендации по совершенствованию преподавания русского языка инофонам-японцам и делается попытка классификации имеющейся учебной литературы с пожеланиями относительно совершенствования ее в будущем.

Ключевые слова: русский язык, преподавание иностранных языков в Японии, причины выбора, японская специфика.

Интерес к русскому языку и – шире – к русской культуре, непосредственно связанной с историей этого языка, включая литературу, развитие общественной мысли и т. д., возник в Японии практически одновременно с интересом к иностранным языкам вообще, что было вызвано глобальными переменами в связи с политическим «открытием» страны для внешних контактов в середине XIX в. Русский оказался одним из основных западных языков, преподавание которых было начато в Токийской языковой школе – учебном заведении нового типа, выросшим впоследствии в Токийский университет иностранных языков, в наши дни является основной «кузницей кадров» японских специалистов по иноязычным культурам.

Русский язык в Японии пережил несколько взлетов и падений своей популярности. Первый подъем интереса к России и ее языку совпал с обострением международной напряженности на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., вылившимся в две войны с интервалом в 10 лет (1894–1895 гг. – Японо-китайская, 1904–1905 гг. – Русско-японская), в результате которых Россия и Япония оказались во враждебных лагерях. В те годы Россия рассматривалась в Японии как военный противник, овладение языком которого представлялось одним из важных условий конечной победы. Русский язык преподавался не только в гражданских вузах, но и в военных училищах, на различных курсах и т. п., в итоге им

Подалко П. Э. Русский язык в Японии: взгляд изнутри. Историко-культурный аспект и его влияние на особенности преподавания иностранных языков // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 79–89.

в разной степени владел довольно широкий круг лиц из самых разных слоев общества, вплоть до высших чинов армии и руководителей государства¹. Со временем политическая ситуация вновь стала меняться от конфронтации к сотрудничеству, и в соответствии с этим изменялось отношение к русскому языку. Отдельно следует сказать о роли, которую играла в те годы русская литература, необычайная популярность ее в мире привлекала множество людей к изучению языка оригинала. Не стала исключением и Япония. Известен такой факт: в 1908 г. количество переводных изданий с русского языка, вышедших в Японии, превысило суммарный объем переводов всей англоязычной литературы, притом, что на тот момент прошло всего три года со времени сдачи Порт-Артура и Цусимского разгрома. Здесь мы констатируем невиданный интерес к культуре не могущественного победителя в войне, а, напротив, побежденной стороны, что уже само по себе весьма примечательно.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней военная интервенция в Сибири, Гражданская война и прочие события снизили общий интерес ко всему русскому у гражданского населения Японии, а идеологическое и политическое противостояние последующих лет усугубили этот процесс. Государственный национализм 1930–1940-х гг. не способствовал широкому изучению иностранных языков; напротив, принимались меры по ограничению использования иностранной лексики в быту, проводились своеобразные «языковые чистки», переименования различных терминов и т. д. Всё это отчасти напоминало кампанию по борьбе с космополитизмом в СССР десятилетием позже.

Очередной подъем интереса к русскому языку в Японии был связан с полетом Юрия Гагарина и началом масштабного освоения космоса, когда для технической интеллигенции во многих странах мира русский стал языком передовой научной мысли. Следующий взлет популярности пришелся на перестроечные времена конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда Россия и русская культура вызывали большой интерес у японских туристов и учащейся молодежи. Тогда же в японский язык вошли слова *гласность*, *перестройка* и ряд других. После распада Советского Союза популярность русского языка стала снижаться, что полностью совпало с изменением отношения к России в целом. Эйфория от горбачевского периода прошла, Россия более не пугала никого своей военной мощью, но также перестала привлекать и в качестве возможного партнера и сотрудника, одновременно раздражая японцев отсутствием порядка во всех сферах жизни общества. Нестабильность экономической ситуации и непредсказуемость руководства, шараханье от идей глобального сотрудничества до крайнего национализма привело к тому, что многие японские компании не стали глубоко внедряться в российский рынок, ограничившись ознакомительными вояжами своих официальных или полуофициальных представителей. Негативную роль сыграл и японский экономический кризис 1990-х гг., в результате которого многим японским фирмам пришлось свернуть уже начатую деятельность в России.

В настоящее время японские специалисты-русисты, как правило, не могут найти работу, связанную с применением русского языка. Переводческая деятельность рынка рабочих мест не создает. Последнее отчасти усугубилось встречным предложением, вызванным «японским бумом» в российских городах. С началом перестройки интерес ко всему японскому в России чрезвычайно вырос, и первыми на это отреагировали учебные заведения, как государственные, так и частные, начав подготовку всевозможных «японистов» и «востоковедов» в «промышленных» масштабах. Если в 1985 г. (год начала перестройки) подготовка дипломированных японоведов осуществлялась лишь в университетах Москвы, Ленинграда (ныне – Санкт-Петербург), Владивостока и Новосибирска, то в конце следующего десятилетия в России почти не осталось областных центров, где бы ни велось обучение японскому языку в местных вузах и на всевозможных курсах. Как следствие, число россиян, в разной степени владеющих японским языком, выросло в разы, многие из них постепенно перебирались в Японию, создавая конкуренцию местным специалистам. Получить преподавательскую ставку на славистских кафедрах японских вузов в настоящее время крайне сложно, а всю жизнь быть «почасовиком», работая по совместительству в нескольких университетах, –

¹ Известен такой факт: знаменитый генерал Танака Гиити, в разные годы занимавший посты военного министра, министра по делам колоний и т. д., а в 1925–1927 гг. бывший премьер-министром, иногда давал интервью советским журналистам на русском языке.

незавидная перспектива, которая к тому же не слишком высоко оплачивается. Любопытно, что если разделить заработок на количество преподаваемых часов, то оказывается, что преподаватель-совместитель получает более высокую сумму в час, нежели его штатный коллега, но малое количество рабочих часов в пересчете «на человека» (один совместитель имеет, как правило, не более 2–3 учебных «пар», т. е. 4–6 академических часов в неделю в одном университете, и редко кому удастся получить работу более чем в трех местах одновременно) приводит к тому, что месячная зарплата у первого и второго различается в несколько раз и всегда в пользу штатного преподавателя.

Однако и до сих пор отношение к русскому языку в Японии особое, и он входит в группу наиболее популярных среди изучаемых здесь языков. Так, в 2004 г. русский язык преподавался в 116 учебных заведениях, т. е. почти в каждом десятом из 1219 вузов и профессиональных училищ, имевшихся на тот момент в Японии (в 2016 г. в Японии насчитывалось 777 университетов полного, т. е. четырехлетнего, периода обучения. – П. П.). Русский язык изучали на различных курсах в 19 школах и 3 училищах (по данным, полученным автором от Г. Ю. Такигава-Никипорец, бывшей в то время доцентом Токийского университета иностранных языков). На русском языке пять раз в сутки вещало Радио Японии. Русский язык, один из восьми иностранных, ежедневно утром и вечером преподавался по радио и два раза в неделю по телевидению (учебный канал). Учебники и пособия для радиокурса и телекурса и поныне продаются почти в каждом крупном книжном магазине, создавая таким образом рекламу русскому языку и делая его изучение доступным и незатратным занятием в весьма дорогой с точки зрения проживания и обучения стране. Каждый год проводятся два всеяпонских конкурса на знание русского языка; один из них, устраиваемый под эгидой Общества «Евразия» (бывшее Общество «СССР – Япония»), отметил в 2016 г. сорокапятилетний юбилей. Однако все эти цифры не должны вводить читателя в заблуждение, ибо существующие кафедры русского языка, а также кафедры иных гуманитарных дисциплин с включением штатных преподавателей-русистов есть не что иное, как рудимент, свидетельствующий в гораздо большей степени о былой популярности русского языка, нежели о его востребованности в современной жизни, а также как итог перепроизводства преподавательских кадров в эпоху экономического развития Японии в 1980-х гг. Об этом говорит также тот факт, что за последнее десятилетие по всей Японии закрылось множество преподавательских ставок русистов, и уход штатного сотрудника на пенсию по возрасту либо выбытие его по болезни или смерти почти всегда приводит не к занятию его места новым штатным преподавателем, но к передаче освободившейся ставки почасовикам (так называемый «раздел» учебных часов между несколькими совместителями) – это в лучшем случае, а чаще всего преподавательская ставка попросту ликвидируется и в расписание занятий на следующий учебный год вносятся необратимые изменения. К негативным явлениям следует отнести также сокращение учебных телепрограмм по русскому языку – в настоящее время преподавание русского на учебном канале японского телевидения ограничено одной получасовой передачей в неделю. Газета «Асахи», одна из крупнейших в стране, еще в 2001 г. отказалась от дальнейшего проведения под своим патронажем отдельного конкурса на знание русского языка.

Следует особо сказать о специфике отношения к изучению иностранных языков, сложившегося в Японии после Второй мировой войны, при котором важен прежде всего сам факт изучения языка, а качество и объем реальных знаний не имеет большого значения. Дело в том, что русский язык в подавляющем большинстве университетов изучается как факультативный, а не обязательный предмет, обычно в дополнение к английскому языку, который сразу после окончания Второй мировой войны был введен в программы всех без исключения японских университетов. Подобный подход к изучению иностранных языков существует уже много лет, и в соответствии с ним все студенты как гуманитарных, так и технических специальностей, изучают в обязательном порядке английский язык (он же входит в программу всех японских средних школ первой и второй ступеней, что соответствует 7–12 классам) и еще один иностранный по выбору. Названный выбор в зависимости от вуза включает в себя перечень из 2–6 вариантов, как правило: немецкий, французский, русский, китайский, корейский, испанский (реже – итальянский или португальский) языки. Таких университетов, где русский язык в качестве «второго иностранного» преподается в добровольно-обязатель-

ном порядке, т. е. с включением его в учебный план и наличием штатных преподавательских единиц, насчитывается всего пятнадцать. Срок изучения русского языка студентами в данном случае варьируется от одного до трех лет в соответствии с особенностями учебных планов, которые в каждом вузе определяются самостоятельно и могут различаться между собой внутри одного университета в зависимости от отдельно взятого факультета, конечной специализации студентов и т. д. Особняком стоят так называемые «языковые вузы», где существует специализация по отдельным языкам при сохранении английского как обязательного второго иностранного языка, к тому же нередко предоставляется возможность факультативно изучать третий язык. Таких языковых университетов «полного профиля» с четырехлетним периодом обучения избранному языку в Японии насчитывается всего девять. Таким образом, ежегодно в целом по стране русский язык одновременно изучает примерно 2 000 студентов, из них около 15 % (примерно 300 человек) учатся в Токийском университете иностранных языков.

Говоря о факультативном преподавании русского языка (как, впрочем, и других иностранных языков, ибо подход здесь одинаков для всех без исключения), необходимо дать ряд важных пояснений.

Во-первых, факультативным языкам отводится в большинстве университетов всего два (реже – четыре) академических часа в неделю в течение одного-трех лет. При этом количество студентов в аудитории может достигать до 50 и более человек (это, впрочем, бывает сравнительно редко, чаще же в классе одновременно находится 30–40 студентов), что заведомо не является благоприятным условием для изучения иностранного языка. В этих условиях невероятно трудно осваивать чужое произношение, поддерживать необходимую для этого тишину, не говоря о том, что преподаватель физически не в состоянии опросить хотя бы по одному разу каждого студента за урок, а иногда – и за целый семестр.

Во-вторых, во многих университетах, желая сохранить рабочие места почасовикам, поручают вести занятие двум преподавателям по очереди. Подобное стремление сберечь имеющиеся кадры, избегать по возможности увольнений является одной из наиболее характерных особенностей японского менеджмента. Однако общий контроль за преподаванием в такой ситуации ведется крайне редко, и в большинстве случаев преподаватели не только используют различные учебные пособия и ведут занятия по раздельным планам, но и никак не соотносят содержание занятий друг с другом, а порой и вовсе могут быть незнакомы друг с другом. Общее руководство призван осуществлять штатный сотрудник, представляющий интересы кафедры (если таковая имеется), но и он старается по возможности не вмешиваться в учебный процесс, избегая потенциальных конфликтов и тем самым помогая «сохранить лицо» всем участникам.

Понятно, что учить язык при такой организации учебного процесса нелегко. Надо признать, что большинство студентов и не пытается это делать, чему немало способствует сама система обучения и оценки получаемых знаний. На тот или иной курс студенты записываются для набора необходимых зачетных баллов, при этом иностранному языку уделяется внимание лишь постольку, поскольку а) необходим сам факт его наличия в итоговой ведомости; б) при устройстве на работу возможность упомянуть об опыте изучения редких, «экзотических» языков (к которым относится и русский язык) дает шанс произвести положительное впечатление как человека с широким кругозором, но отнюдь не является решающим фактором, настоящий уровень владения тем или иным языком (исключая английский) в этом случае не важен. В такой ситуации, тем более при наличии выбора из нескольких предлагаемых студентам языков, шансы русского на то, что в итоге предпочтут именно его, крайне невелики. Этому способствует и широко распространенное представление о непомерной трудности русского языка, его отличии от основных западных языков (и как следствие – невозможность облегчить изучение посредством каких-то аналогий, например, используя знание основ английского языка), сложность кириллического алфавита и пр. В результате, за небольшими исключениями (о которых речь пойдет ниже), студенты по возможности избегают русского языка, предпочитая ему более близкие японскому письменно и ментально корейский либо китайский, а также французский, немецкий и др. Очень многое здесь также зависит от текущей политической обстановки в мире, публикаций в прессе, семейных предпочтений, стереотипов сознания и иных косвенных факторов, причем в случае с японской аудиторией

роль и место, которые играют подобные стереотипы, представляются гораздо более существенными факторами воздействия на конечный выбор студента, нежели это было бы в западном обществе. С учетом всего перечисленного можно с достаточно высокой степенью уверенности утверждать, что в обозримом будущем количество университетов, в которых русский язык существует, может продолжать сокращаться в соответствии с физическим убыванием преподающих кадров. При этом, вероятнее всего, останутся лишь те, в которых русский язык преподается как обязательный предмет. Как указано выше, на сегодня таких университетов в Японии насчитывается двадцать четыре, при этом четыре самых крупных из них (с точки зрения изучения русского языка) находятся в Токио. Это Токийский государственный университет, Токийский университет иностранных языков, Университет Дзёти (он же – Университет София), Университет Васэда².

В последние годы преподавание русского языка, как и всех прочих иностранных языков (за исключением английского) в Японии столкнулось с еще одной проблемой, связанной с попытками реформирования образовательных подходов в общем русле реформ различных сфер общественной жизни. Речь идет о пересмотре учебных программ с целью оптимизировать преподавание тех или иных дисциплин, с учетом реальных потребностей как общества в целом, так и отдельных компаний и лиц. На практике это означает стремление пойти по западному пути «прагматизации» образования, в ходе чего ожидается пересмотр возможности и целесообразности преподавания иностранных языков, как «вторых», так и «третьих» факультативных, с тем чтобы оставить только те языки, которые студенты могут и хотели бы изучать. С этой целью регулярно проводятся всевозможные опросы и анкетирование студентов с целью выяснения реальных предпочтений, на основании чего составляются различного рода рекомендательные письма и запросы в Министерство образования и науки, которые затем возвращаются в университеты в виде конкретных пожеланий по пересмотру учебных программ. Радикальные перемены на данном этапе пока тормозятся нежеланием ученых советов большинства вузов идти на резкое обновление программ, чему будет сопутствовать неминуемое массовое сокращение преподавателей и слом традиционных отношений внутри коллектива, что плохо вписывается в традиции японского менеджмента и всегда чревато непредсказуемыми последствиями. Но легко предположить, что постепенная смена поколений преподавательских и управленческих кадров, многие из которых уже стремятся действовать по глобальным (читай – западным) образцам, в недалеком будущем может привести к значительному сокращению объемов преподавания русского языка и культуры в японских университетах.

Почему студенты выбирают русский язык? Причин несколько, рассмотрим наиболее часто встречающиеся.

Во-первых, если речь идет о языковых вузах, то здесь проходной балл на русское отделение ниже, чем, к примеру, на английское или китайское, в то время как план приема одинаков. Поскольку в Японии для последующего устройства на работу, для повышения социального статуса человека факт обучения в престижном вузе всегда имел более важное значение, нежели название конкретного факультета или полученная там специальность – подобный взгляд может вызвать удивление у русской аудитории, но для Японии это обычное дело, – то возможность попасть в университет «с именем» на более легких условиях обеспечивает стабильный приток первокурсников на русское отделение вне зависимости от наличия или отсутствия особой тяги к русскому при поступлении.

Во-вторых, многие надеются, что, выбрав заведомо не самый престижный иностранный язык, они могут рассчитывать на определенные послабления как во время обучения, так и при сдаче зачетов и экзаменов. Это особенно часто встречается у студентов, изучающих русский как «второй иностранный». Ни для кого не является секретом то сложное положение, в котором оказываются преподаватели-почасовики, ежегодно с волнением ждущие очередного набора студентов, опасаясь потерять свои учебные часы и приносимые ими средства к существованию. Следствием такой боязни становится снижение требовательности на уро-

² Автор данной статьи представляет Университет Аояма Гакуин, где русский язык преподается как «второй иностранный», но при этом входит в перечень обязательных предметов, т. е. ежегодно некоторое количество студентов гарантированно выбирает этот предмет.

ках, повышенная лояльность преподавателей к прогульщикам, готовность устраивать передачи отстающим студентам и т. п. В то же время распространение Интернета и различных студенческих сайтов и социальных сетей привело к тому, что практически о каждом преподавателе можно заранее собрать всю интересующую информацию, вплоть до хобби, педагогических приемов, человеческих слабостей и пр. Было бы неверно считать, что русский язык выбирается сплошь и рядом «от противного», но сам факт наличия подобного выбора (наряду с другими, о которых речь пойдет далее) слишком очевиден, чтобы его замалчивать.

Однако положительных причин выбора русского языка, к счастью, всё еще гораздо больше, чем отрицательных. Перечислим наиболее характерные примеры.

1. Высокий авторитет русского направления в целом. Типичным примером здесь может служить Токийский университет иностранных языков, который по сути и вырос из маленькой школы русского языка, открытой более столетия назад, в конце XIX в. Другой пример – один из крупнейших и старейших частных вузов страны, Университет Васэда, где русское отделение возникло в самом начале его существования. Наличие среди выпускников соответствующих кафедр знаменитых деятелей культуры, политики, известных русистов и славистов также способствует популярности русского языка.

2. Деловой интерес. Будущие бизнесмены надеются, что Россия вновь станет привлекательной для японского бизнеса, справедливо рассуждая, что для поисков хорошей работы в этом направлении одного английского языка недостаточно, особенно если придется работать на российской территории. К этой группе относятся также студенты, проявляющие интерес к истории, культуре, деловой жизни бывших советских республик (а порой и стран бывшего социалистического лагеря), резонно полагая при этом, что знание русского языка сыграет позитивную роль в качестве средства коммуникации при отсутствии возможности изучать отдельные локальные языки с ограниченной сферой применения.

3. Индивидуальный интерес. Всегда есть студенты, которые выбирают русский просто потому, что он им нравится. Нравятся мелодика, интонация, звуки русской речи, необычные русские буквы. Многих интересует русская классическая и современная музыка, русский балет (последнее касается в особенности девушек, так как обучение девочек в балетных кружках чрезвычайно популярно в Японии), русская литература, театр, кино, русская культура в целом. Надо сказать, что многие японцы среднего и старшего поколений с большим уважением относятся к классической русской культуре. Пример и вкусовые предпочтения родителей оказывают влияние и на формирующиеся предпочтения младшего поколения, благодаря чему русский язык до сих пор пользуется особой популярностью в Японии. Как правило, все студенты, выбирающие русский язык, уже что-то слышали ранее о России и хотят ее лучше узнать, в результате в классы приходит много студентов, которые готовы серьезно учить русский язык.

Особенности преподавания русского языка в японском университете – отдельная непростая тема. К сожалению, приходится признать, что в существующих условиях трудно рассчитывать на хороший результат в изучении не только русского, а и любого иностранного языка. Причин тому несколько. Во-первых, малое количество учебных часов, о чем говорилось выше. При наличии в классе одновременно свыше 20 человек (что является не исключением, а нормой) одна или две учебные «пары» в неделю не дают возможности преподавателю организовать хоть сколько-нибудь индивидуальный подход к студентам, а без этого искомым результат невозможен – иностранный язык нельзя выучить «хором». При наличии в среднем 15 учебных недель в семестре на год выходит всего лишь от 60 до 120 учебных часов (речь здесь идет о преподавании русского как «второго иностранного» – в языковых вузах ситуация несколько иная, там на занятия профильным языком на первом курсе может отводиться 10 и даже 12 академических часов в неделю), часть из которых выпадает на различные праздники, национальные выходные и т. д., часто без последующей компенсации.

Во-вторых, сам принцип посещаемости занятий в японском университете не дает возможности студентам толком учиться. При официальном четырехлетнем университетском цикле реально студенты учатся в лучшем случае первые два года, ибо уже начиная с третьего курса они в большинстве своем начинают поиски будущего места работы, на что уходит в лучшем случае несколько месяцев, а нередко и полгода и больше. Дело в том, что в Японии отбор претендентов на вакансии из числа выпускников университетов начинается задолго

до окончания студентами вузов и происходит по общему стандарту, суть которого такова: все сколько-нибудь известные и по этой причине привлекательные для трудоустройства компании проводят расширенные семинары для потенциальных соискателей мест по заранее объявленному графику. На этих семинарах слушателей знакомят с историей компании, ее промышленным профилем и особенностями деятельности, социальной сферой, отличиями от конкурентов и т. д., при этом ведется строгий внутренний учет посещаемости подобных мероприятий. Таким образом, если будущий выпускник не был ранее зарегистрирован в качестве участника таких собраний-семинаров, шансы его устроиться в данную фирму практически равны нулю. Учитывая, что хороших рабочих мест всегда меньше, чем желающих их занять, студенты вынуждены посещать огромное количество подобных семинаров, на которых они знакомятся с разными компаниями, а те, в свою очередь, знакомятся с будущими сотрудниками, и в процессе этого знакомства происходит тщательное «просеивание» предлагаемого человеческого материала. Зная, что поступить в престижный университет очень трудно (а сам факт поступления уже означает определенный результат первичного отбора), работодатели оценивают соискателей прежде всего по «внешним признакам»: в каком университете обучается студент, умеет ли он себя вести, как держится, как реагирует на задаваемые вопросы, и уже во вторую (а то и в третью) очередь их интересует, чему он там, собственно, обучается. Все эти семинары-смотрины обычно проводятся весной и осенью, т. е. в разгар учебного процесса, и всегда проходят в утренние и дневные часы, что вот уже много лет вызывает активное недовольство руководства университетов, но заведомо не подлежит пересмотру и потому не встречает сколько-нибудь заметного реального сопротивления. Таким образом, уже с начала третьего курса многие студенты вынуждены регулярно пропускать занятия для участия в отборочных семинарах, проводимых промышленными компаниями, и если в случае некоторых предметов эти пропуски можно попытаться позднее наверстать путем самостоятельных занятий, то для иностранного языка такой подход однозначно неприемлем.

Есть и другие проблемы, затрудняющие процесс обучения русскому, и одна из главных связана с преподавательским корпусом. Здесь также можно выделить несколько моментов.

1. Профессиональная загруженность. Как известно, в Японии отсутствует общенациональная независимая академическая структура, подобная Российской академии наук. Наука носит в основном прикладной характер, что на практике выражается в наличии исследовательских институтов и лабораторий в составе крупных корпораций, а также нескольких объединенных исследовательских центров физических и биохимических исследований, созданных по типу научного городка (крупнейший из них находится в городе Цукуба в 140 км от Токио). Гуманитарии же лишены подобных возможностей, и почти вся гуманитарная наука сосредоточена в вузах. Иначе говоря, любой японский ученый гуманитарной специальности – лингвист, историк, политолог, археолог – одновременно является преподавателем вуза с обязательной почасовой нагрузкой, и наоборот: любой штатный преподаватель обязан вести какую-то научную работу для подтверждения своего статуса исследователя. В результате студенты нередко сетуют на то, что преподаватели бывают чересчур сосредоточены на своей научной работе, ездят на различные конференции и бывают труднодоступны вне академических занятий. Преподаватели, в свою очередь, жалуются на то же самое, а также на излишнюю обремененность административной и прочей работой. Невозможность же вести занятия в малых группах лишает студентов разговорной практики, а отсутствие у преподавателя свободного времени не позволяет проводить внеурочные встречи со студентами.

2. Профессиональная неподготовленность преподавателей-иностранцев. В 1980-х гг., в период так называемой «третьей интернационализации» образовательного процесса (первая «интернационализация» образования пришлась на период реформ Мэйдзи во второй половине XIX в., вторая была связана с демократическими преобразованиями после Второй мировой войны) в Японии стала популярна идея привлечения носителей соответствующего языка в качестве ассистентов преподавателей с целью повышения качества обучения. В результате этого в университетах Японии стали возникать преподавательские тандемы в составе профессионального преподавателя (как правило, японца), объяснявшего грамматику, и иностранца, отвечавшего за овладение фонетикой, ставившего правильное произношение и озвучивавшего учебные тексты. Сама по себе идея была хороша, но, как это нередко быва-

ет, она же породила массу перегибов, основным из которых стала постепенная убежденность в том, что быть носителем языка – не только необходимое, но и само по себе вполне достаточное условие для того, чтобы считаться полноценным преподавателем. В университетах стали появляться преподаватели из числа иностранцев, не только не имеющие научных степеней и званий, но и соответствующего образования и педагогического опыта, единственным достоинством которых был сам факт рождения в стране преподаваемого языка. В случае с русским языком это еще более усугубилось последовавшим вскоре распадом СССР и появлением в Японии представителей бывших союзных республик в качестве преподавателей русского языка; многие из них при несомненном знании последнего сохраняли вместе с тем специфический акцент (кавказский, среднеазиатский, прибалтийский и др.), а также иные особенности владения русским как неродным языком, что являлось известным препятствием в обучении ими студентов. Нередки были также случаи, когда японские преподаватели, желая оказать помощь своим русскоговорящим знакомым (в том числе и японцам), поддерживать их материально, устраивали их на работу в свои университеты по принципу личного поручительства. Однако, если по-человечески такие поступки были и весьма гуманны, это вовсе не значит, что они были оправданны с точки зрения правильной организации педагогического процесса. Правда, к чести японского руководства, надо отметить, что со временем руководство Министерства образования осознало всю опасность, которую несет подобный подход к проблеме пополнения кадров, и в настоящее время любой претендент на должность преподавателя русского (как и любого другого) языка должен иметь как минимум магистерскую степень и три года стажа по специальности либо докторскую степень (в этом случае преподавательский стаж не обязателен).

3. Профессиональная неподготовленность преподавателей-японцев. В японской аудитории существует определенная национальная специфика, которая делает задачу развития навыков устной речи особенно актуальной. Японских студентов достаточно сложно разговаривать, они привыкли слушать преподавателя и записывать новый материал. Исторически необходимость обучения студентов говорению никогда не рассматривалась как что-то первоочередное по степени важности. Правда, в отличие от преподавателей, студенты эту необходимость давно понимают, и с каждым годом всё громче заявляют об этом в ходе опросов, анкетирования по предметам и пр. Однако многие преподаватели старшего и среднего поколений не вполне отвечают требованиям, предъявляемым эпохой глобализации, когда не письменная речь, не умение читать тексты, а возможность вербального общения составляет в глазах молодежи основную привлекательность владения иностранным языком. Особенно велик бывает разрыв между спросом и предложением, когда речь заходит об учебных пособиях. Многие преподаватели остаются навсегда верны тем учебникам, с которых когда-то начинали свою педагогическую карьеру, совершенно не реагируя на изменения конъюнктуры и устаревание содержания этих учебников. Любопытны результаты исследования, проведенного пятнадцать лет назад среди преподавателей японских вузов и профессиональных училищ, где велось обучение русскому языку. По мнению ответивших, чтобы улучшить систему преподавания русского языка, необходимо выполнение следующих условий: формирование положительного образа России у японцев, улучшение политических и экономических отношений с Россией – 61 ответ; больше учебных часов – 36; новые учебники – 33; система уровневого обучения – 26; приглашение иностранных преподавателей – 18; обмен опытом, повышение квалификации преподавателей – 15; сокращение числа студентов в группе – 14; создание лингафонных кабинетов – 7; больше магистратур – 3; ориентация на обучение говорению и на развитие речевых навыков – 2 ответа. Как показывают приведенные выше ответы, большинство преподавателей видели главную проблему в отсутствии положительного образа России у японцев, в то время как на необходимость развивать речевые навыки указали лишь два человека, на расширение лингафонных уроков – семь. Это наглядно показывает стремление переложить ответственность за результат на третью сторону, в данном случае – на государство, ибо очевидно, что задача улучшения имиджа России в Японии напрямую связана с выбором внешнеполитических приоритетов, но не с методикой преподавания языка и культуры. Количество часов, число студентов в аудитории также важны, но это относится к форме занятий, а не к реальному их содержанию. Разумеется, если внимание по-прежнему будет сосредоточено на усвоении грамматики и чтении текста, как

это было всегда, то ни новые пособия, ни лингафонные кабинеты, ни современные методики окажутся не нужны, однако в этом случае не приходится удивляться и падению интереса студентов, и следующему за ним сокращению притока первокурсников.

Вместе с тем японские русисты всё сильнее осознают недостатки существующей системы преподавания русского языка и считают необходимым поиск и создание новых форм и методов обучения. С этой целью уже в 2000 г. возникла рабочая группа по разработке новых методик, которая в 2010 г. оформилась в Общество по исследованию проблем преподавания русского языка с центром в городе Миноо (префектура Осака). В настоящий момент Общество объединяет свыше 50 преподавателей из разных регионов Японии, издает свой ежегодный бюллетень и несколько раз в год проводит специальные заседания с обсуждением докладов и проведением научных дискуссий.

Крупнейшей национальной организацией преподавателей русского языка является Японская ассоциация русистов, которая в лучшие годы насчитывала в своих рядах около 500 членов, она имеет два крупных региональных отделения в Западной (Кансай) и Восточной (Канто) Японии с местными филиалами по всей стране. Членами ассоциации являются как профессиональные преподаватели русского языка и литературы, так и различные представители других гуманитарных специальностей (историки, лингвисты, экономисты и т. д.), работающие в других областях знания, но сохраняющие интерес к проблемам русистики и славистики, а также зарубежные коллеги. Несколько раз в год региональные отделения ассоциации проводят местные научные конференции и презентации отдельных докладов, а осенью (как правило, в октябре) проходит ежегодная Всеяпонская конференция русистов с широким участием как японских, так и иностранных ученых, продолжительностью до 2–3 дней, с последующим изданием ежегодного сборника материалов конференции.

Одним из важнейших условий правильной организации учебного процесса является наличие учебников и вспомогательной литературы, отвечающих самым различным требованиям и по возможности «идущих в ногу со временем». Правда, здесь очень важно не перегнуть палку, ибо стремление осовременить занятия, разнообразить традиционный набор стандартных примеров и фраз нередко приводит к перенасыщению вновь издаваемых учебников различными видами слэнга, примерами молодежной речи, внесению в учебные тексты каких-то сиюминутных реалий повседневной жизни, которые порой успевают устареть уже в процессе подготовки учебника к печати. Отсутствие единых учебных программ наряду со стремлением отойти от стандартного шаблона приводит к тому, что количество разнообразных учебных пособий по русскому языку на прилавках японских магазинов успешно конкурирует с общим числом преподавателей-русистов. Нормальной считается ситуация, когда студенты какого-либо университета используют на занятиях только и исключительно те учебники, авторами которых являются преподаватели этого же университета. Иногда это бывает оправданно, иногда – нет. К сожалению, стремление стать автором учебника иногда опережает детальную проработку содержания предлагаемых пособий, при этом реальных отличий от работ предшественников бывает не слишком много. В идеале, впрочем, учебников как раз и должно быть много, но при этом разных учебников, рассчитанных на разные уровни подготовки и составленных с учетом японской специфики, когда речь идет о конкретном содержании текстов и упражнений. Наряду с более легкими учебниками для начинающих и продолжающих, которые вполне могут «закрыть проблему» в случае тех университетов, где русский преподается как «второй иностранный», студенты языковых вузов нуждаются также в специальных учебниках культурологической и страноведческой тематики, сопоставляющих сегодняшнюю Россию с современной Японией, жизненные ценности современных русских и современных японцев, знакомящих с менталитетом, повседневной жизнью, особенностями ситуативного общения в обеих странах. К счастью, в настоящее время такие учебники уже создаются и в самой Японии, и во множестве появляются в России. Правда, хотелось бы отметить одно важное обстоятельство. Большинство новых учебников по русскому языку, издаваемых в России в последние годы, ориентированы, как и прежде, на иностранную аудиторию вообще, не делая упор на ту или иную национальную специфику учащихся. Исключение здесь составляют лишь несколько пособий, специально адресованных китайской аудитории, таких как серия пособий «Дорога в Россию» (издательство «Златоуст», Санкт-Петербург). В то же время неоднократно отмечалось, что японские студенты не всегда хорошо

воспринимают тексты, героями которых являются представители разных стран, студенты теряются от обилия посторонней информации, не имеющей отношения к русскому языку и России, но прямо связанной с требованиями мультикультурализма. Однако для Японии, население которой было и остается на 98 % моноэтничным, проблема мультикультурализма в западном понимании не является столь актуальной, тем более когда речь идет о русском языке и России – страны с особым этногенезом и достаточно пестрой национальной структурой. Думается, было бы гораздо уместнее вводить в текст учебников в качестве постоянных персонажей не иностранных студентов, изучающих русский язык (араб Али, немец Клаус, американец Джон, француз Жан и т. д.), а представителей народов, населяющих Россию или бывший Советский Союз (украинка Оксана, татарин Ахмет, бурят Дамдин, армянка Гаянэ и пр.). В этом контексте и следует давать учебные диалоги и тексты, одновременно приучая студентов к понятию «многонациональный» и «мультикультурный», но не на мини-модели ООН или карте мира, а на примере страны изучаемого языка.

Материал поступил в редколлегию 13.02.2017

P. E. Podalko

*Aoyama Gakuin University, Japan
4-4-25 Shibuya, Shibuya-ku, Tokyo 150-8366, Japan*

podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

**RUSSIAN LANGUAGE IN JAPAN: INSIDER'S VIEW.
HISTORICAL AND CULTURAL PROBLEMS CONCERNING STUDYING
RUSSIAN LANGUAGE IN JAPAN**

This article describes the real situation of teaching and studying Russian language in modern day Japan. After giving a short introduction to the history of teaching Russian language in Japan in the preamble, the author explains the reasons why Japanese scholars and students should be interested in Russian language in the past as well as in modern times. Based on rich personal experience, the article explores different aspects of teaching Russian in Japan, emphasizing the most popular difficulties of that process as well as some local nuances concerning studying foreign language in the Japanese context.

Russian language in Japan has experienced several rises and falls of its popularity under the influence of political and cultural factors, as well as the instability of international situation over the past decades. The rise of popularity was affected by such events as several wars, influence from the world-widely known Russian literature, and space exploration. Meanwhile, the instability of Japanese economy followed by financial crisis in 1990s played a negative role in the recent development of Japanese interest towards Russian language and culture.

Japanese experts of Russian language and culture are currently facing difficulties with job placement due to the lack of vacancies for interpreters and translators, as well as the rapid reduction of workplaces in educational institutions that offer Russian language as a subject to study. The learning process is negatively affected by reduction of educational TV and radio programs; the Japanese attitude towards learning foreign languages prioritizing the matter of learning over the quantity and quality of real knowledge.

The facultative teaching of Russian language in Japanese institutions has two problems: limited academic hours leading to lack of attention given per student; inconsistency of curriculum due to poor control over teaching methodology. Japanese students tend to choose Russian language, motivated by several reasons: lower passing grade for admission as compared to other languages; expectations for less demanding requirements during the learning process because of the loyalty of teachers; high authority of Russian culture; business interests. The current curriculum for teaching Russian language at Japanese universities have some weak sides, such as limited quantity for total

amount of teaching hours; uncontrolled attendance for lectures affected by early job search starting already in the third year of the 4-year bachelor course.

One of the main problems obstructing the process of learning Russian language is related to educational corps, with three key aspects for consideration: heavy professional workload; pedagogic unpreparedness of foreign teachers as educators; educational unpreparedness of Japanese teachers of foreign languages. Teachers are barely available outside regular academic hours because of excessive focus on individual research, which deprives the time meant for spending on lingual practice with students. Also, as many native speakers of foreign languages are employed without academic degrees or teaching experience, they can participate only as assistants, but scarcely as main tutors, which restricts their freedom to revise and improve the content of outdated curriculum. Lastly, the conservative approach of Japanese-style method to learn foreign languages mainly focuses on writing and reading, rather than speaking and listening, which is unacceptable in the Information Age.

One of the crucial terms for proper establishment of educational process is availability of a wide variety of textbooks with supportive manuals and other additional literature which content is appropriate for modern reality. The manufacture of new study materials on Russian language for Japanese students should consider the cultural difference between mono-ethnic Japan and multicultural West.

Keywords: Russian language, teaching foreign languages in Japan, reasons of choice, Japanese specific.

М. В. Куцаева

*Институт языкознания РАН
Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия*

moscoop@yandex.ru

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АКТИВНЫХ И ПАССИВНЫХ БИЛИНГВОВ В ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА (II) *

Представлены результаты исследования автора о количественном распределении пассивного и активного билингвизма по возрастным когортам в чувашской диаспоре московского региона. В силу того что более половины чувашского этноса проживает вне Чувашской Республики, сохранность чувашского языка вызывает беспокойство. Активный билингвизм характерен для выходцев из деревни, имеющих среднее специальное образование, за исключением младших когорт, в которых практически все имеют высшее образование. Пассивные билингвы в выборке – уроженцы крупных городов, средних населенных пунктов и райцентров Республики, независимо от уровня образования. Функционально первым языком в Москве для всех респондентов является русский. Активные билингвы используют также и чувашский язык: переключение кодов определяется обстановкой, собеседником, темой разговора. В ЧР они скорее используют чувашский язык в деревне, чем в городе, тем самым сохраняя стереотипы относительно чувашского как языка деревенского, непрестижного, но многие пытаются преодолеть стереотипы и сознательно говорят теперь по-чувашски и в городе. Вероятно, это результат проведения начиная с 1990-х гг. языковых реформ, расширения функций чувашского языка, обязательного изучения чувашского в рамках общеобразовательных программ, в том числе в городских школах. Впрочем, как показала выборка, и активные, и пассивные билингвы не удовлетворены качеством преподавания чувашского языка в школе, активные билингвы владеют чувашским вследствие межпоколенной передачи языка в семье, пассивные сохраняют фрагментарные знания, почерпнутые в детстве в чувашской деревне во время летнего отдыха. Последние используют русский язык и на малой родине, и в московском регионе, однако чувствуют эмоциональную связь с языком родителей. Встречи с земляками, современные технологии, преодоление стереотипов, осознание ценности двуязычия способствуют сохранению языка и его функционированию, хотя и в ограниченном объеме в чувашской диаспоре московского региона.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, чувашско-русское двуязычие, чувашский язык, диаспора, активный билингвизм, пассивный билингвизм, языковая ситуация, языковой нигилизм.

Возрастная когорта 41–50

В когорте 40–50-летних респондентов соотношение активных и пассивных билингвов составляет 70 и 30 % соответственно. Активные билингвы, составляющие почти 70 % в данной возрастной группе, в основном родились в деревне, имеют среднее специальное образование. Они говорят на чувашском в чувашской деревне, в городе в Чувашской Республике – на русском. Респонденты сохраняют стереотипы относительно уместности использования чувашского в городской среде, подобные стереотипам представителей старшей когорты: «В городе разговаривают все на русском языке. Да, и я тоже. Ну они там все разговаривают на русском».

* Первую часть статьи см.: Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 156–164.

языке! Большинство же молодежь! Думаешь, а вдруг они не знают! А в деревне, с соседями, в магазине – на чувашском. Они же все на чувашском языке!» (Роза О., 45). Они одобряют идею более широкого распространения русского языка в чувашской деревне, основываясь на собственном опыте: «Сейчас, я смотрю, детей в деревне учат на русском языке. Это, с одной стороны, хорошо, что с малых лет учат на русский язык. Как мы вот учились? Потому что тяжело нам было, а их учат сразу на русском языке и на чувашском. Вот с малых лет. Это, конечно, хорошо – для детей в данный момент получается. А то мы пришли в первый класс, буквы видели и не знаем, что с ними делать, как их разговаривать, как они пишутся! Я за то, чтобы было и на русском, и на чувашском, если, конечно, там, на родине» (Роза О., 45).

Некоторые пытаются преодолеть – прежде всего в себе – навязанные советской эпохой стереотипы. «Я когда в Чебоксары приезжаю, на чувашском разговариваю. Без зазору, не стесняюсь. У нас же многие так теперь своего языка не стесняются. Особенно молодежь. Может, я раньше стеснялся. Когда курсантом был, в Чебоксары приезжал, когда бывал на каникулах, у меня все двоюродные братья по-русски разговаривали. Мне тоже хотелось, конечно! Выглядеть городским. А сейчас я с гордостью в Чебоксарах по-чувашски разговариваю. Гордость начал испытывать с 2005 года, когда вступил в Организацию “Сыны Отечества”, посвященную выдающимся личностям Чувашии. Чтобы не забывать свои корни, свой язык. У меня свой взгляд поменялся. Честно говорю, испытываю гордость. Между собой стараемся на чувашском общаться. Не сказать, конечно, что это чистое общение, но мне приятно! А вот в Чебоксарах билет буду покупать на русском, наверное, все равно какое-то стеснение осталось» (Сергей И., 47).

Вдали от малой родины респонденты также используют чувашский язык при общении с земляками, родственниками своих лет или более старшего возраста. «Я на чувашском с подругами, землячками разговариваю. Друг мой русский подходит: “На французском своем, девчонки, прекратите разговаривать!” Всё – переходим на русский» (Ирина А., 44). Для некоторых респондентов характерно не только частое в своей компании переключение кодов, но и возникающие по этому поводу стеснение и даже неловкость: «Да, бывает, что смешиваю языки, но я извиняюсь перед людьми тогда» (Лилия Щ., 44). Довольно часто переключение кодов происходит в рамках встреч чувашской диаспоры Москвы: «В Москве кругом когда одни чуваша, как на концерте сегодня, я много по-чувашски разговариваю» (Олег З., 42).

Пассивный билингвизм характерен для родившихся в крупных городах Республики. «В Чебоксарах в советское время чувашский не преподавали. В техникуме тоже все по-русски было. В деревне в Канашском районе когда лето проводил, со мной говорили на чувашском, я отвечал по-русски. Не знал потому что чувашский так хорошо. Ну то есть понимал, но не отвечал. Бабушка со мной и по-русски пыталась, но плохо. Весь мой чувашский, естественно, из деревни. Там же чувашская деревня, все по-чувашски разговаривают» (Лев Н., 44). Многие имеют типичную языковую биографию: «Я родился в деревне, по сути дела, у меня сформировался языковой пласт определенный. А потом переехали в город. А в городе – сами понимаете – в детский сад отдали. То есть на подсознательном уровне я чувашскую речь понимаю. На достаточно бытовом уровне хорошо понимаю. Но из-за того, что не было языковой практики, тяжело говорить. А понимать – достаточно хорошо. С родителями говорю по-русски, когда приезжаю» (Александр М., 44). С возрастом именно представители данной когорты демонстрируют интерес к изучению чувашского языка, некоторые посещают курсы чувашского языка в Москве. «Знания потом стараюсь применять! Родители к этому относятся в принципе положительно. Но из-за того, что я могу говорить банальные вещи, то быстро переходим на русский, ну чтобы более... там диалог получался» (Александр М., 44).

Возрастная когорта 31–40

Наибольший удельный вес среди тех, кто активно владеет чувашским и русским языками, приходится на когорту 30–40-летних. Они же, по нашим наблюдениям, демонстрируют наивысшую языковую лояльность, охотно признавая родным язык своей национальности: 68 %

назвали чувашский, 14 % – русский, 18 % признали оба языка – чувашский и русский – родными.

Что касается количественного распределения видов билингвизма в данной возрастной когорте, оно также имеет максимальные показатели в выборке: 84 % активных билингвов и 16 % пассивных.

Активные билингвы 30–40 лет в нашей выборке в основном родились в деревне или поселках городского типа, пассивные – в Чебоксарах и крупных городах Республики. Все они получили высшее образование в городе (в Чебоксарах, как правило), затем спустя некоторое время перебрались в московский регион для «улучшения качества жизни», «чтобы попробовать что-то новое».

У активных и пассивных билингвов сохраняются устойчивые стереотипы относительно корреляции «город – деревня» (последняя выступает в качестве арены активного использования чувашского языка) в пределах малой родины. «В моем понимании в Чувашской Республике чувашский язык знают те, кто родился в деревне» (Руслан Х., 37). «На чувашском у нас в Яльчиках принято разговаривать, сильный дух у нас, наверное» (Дмитрий М., 33). «В деревне – чувашский, в городе – русский. Как-то я считаю, даже неприлично прийти в Чебоксарах в магазин, например, и начать на чувашском. Там же в городе и татары есть, удмурты, может, какие-то приезжие» (Татьяна А., 32). Более того, чувашский язык по-прежнему в представлении некоторых обладает низкой престижностью. «А зачем он нужен? Просто человек, который знает чувашский, по крайней мере, это мое субъективное мнение, если он его знает, он сразу обладает диалектом. Я не знаю, почему это происходит, но даже молодежь, которая хорошо знает чувашский, это сразу видно! У них такой акцент! Даже если они как бы стараются его не показывать, это все равно заметно, когда человек знает чувашский. Вот по крайней мере я сразу определяю! Знает ли человек чувашский или нет! Вот что-то такое деревенское, я считаю, по крайней мере, в отношении чувашского языка» (Ирина О., 33).

30–40-летние респонденты (как активные, так и пассивные билингвы) охотно делились впечатлениями и воспоминаниями о своем опыте изучения языков в школе, что вполне закономерно, поскольку именно их школьные годы пришлось на разработку и внедрение в образование языковых реформ и законов. С одной стороны, респонденты, посещавшие национальные школы, свидетельствуют о том, что «русский, конечно, мы понимали. Но вот когда в колледж после девятого класса поступил в Чебоксарах, сокурсники издевались, что русского как следует не знаю. Тяжеловато было!» (Евгений С., 32). С другой стороны, в то время школьникам, уроженцам Чебоксар и других крупных населенных пунктов, пришлось в обязательном порядке изучать чувашский язык, пусть и в ограниченном объеме. «Пик активности чувашского пришелся у меня как раз на среднюю школу, я читала и писала по-чувашски» (Наталья Я., 32). Другое дело, что во многих случаях преподавание чувашского в школе носило в самом начале весьма формальный характер. «Чувашский был введен обязательно, но учитывая, что я не хотел, он мне был изначально неприятен, я выучил одно стихотворение, получил “пять”. И таких был весь класс» (Никита Ф., 31). «В ЧГУ на лечебном факультете даже зачет сдавался по чувашскому в мое время. Я стихотворение выучила. Потому что программа общеобразовательная была. Нам его преподавали, мы его не учили. В университете я сообщила педагогу, что я не знаю языка, хотя я его знала... Мне не хотелось просто писать сочинения, тратить время на это. И тогда было задание выучить стихок из восьми строчек. На зачет. То есть было выгодно не знать язык. И я его не знала» (Татьяна К., 31).

84 % активных билингвов данной когорты используют время от времени чувашский язык и в московском регионе. Переключение кодов (или кодовое переключение – переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации [Беликов, Крысин, 2016. С. 16]) обычно определяется у респондентов рядом факторов.

Во-первых, обстановкой. На работе опрошенные, естественно, разговаривают на русском языке (в большинстве случаев это офисный тип занятости, в отличие от представителей более старших возрастных когорт, которые трудятся на строительных объектах). В общественных местах, как правило, редко осуществляется переключение кодов по следующей причине: «На улице иду со своим братом или другом из Чувашии, мы на чувашском. В город, на ры-

нок здесь выезжаем, идем, разговариваем. Мне все равно, но все же оглядываются на нас странно. Если вдруг... услышат неродную речь, ну не на русском разговаривают, могут косо посмотреть. Не любят же нерусских-то» (Станислав Г., 32). Дома, в бытовом общении, напротив, они могут часто переходить на чувашский.

Второй фактор переключения кодов – это собеседник, в данном случае в его роли часто выступает супруг, родственники, друзья. «С супругом на чувашском, даже в Москве. Потому что он – у него принципиальная позиция. До знакомства с ним я всегда больше, то есть даже в семье мы здесь втроем с сестрами разговаривали больше по-русски. Так по привычке сложилось. Когда познакомилась с ним, а он – у него принципиальная позиция он не любит... без необходимости острой... Он не любит по-русски разговаривать. У него в приоритете чувашский язык. Если человек хоть сколько-то понимает по-чувашски, он будет с ним разговаривать по-чувашски, принципиально не будет по-русски разговаривать» (Татьяна Т., 36). «С сестрами здесь на чувашском, с ними перезваниваемся на чувашском. Если у меня рядом никого нет, могу на чувашском, допустим в машине еду и на чувашском – по полной программе трындычим!» (Ольга Т., 32). «С друзьями по-чувашски здесь, но с работы я им звоню по-русски. Просто неудобно перед другими людьми, вдруг подумают, что я их обсуждаю. Стараюсь при людях, которые не знают чувашского языка, говорить на русском. Меня тогда все время спрашивают друзья: «Ты что, не один там?» (Дмитрий М., 33). С детьми – практически никогда не разговаривают на чувашском. «Русский здесь – это семья, работа. Школа. Чувашский – по телефону родителями. И язык у меня не смешивается. Это разные ситуации. С мамой – чувашский, в семье и на работе – русский» (Татьяна Ю., 33).

В-третьих, тема разговора также определяет переключение кодов. «Буквально вчера я жаловалась на работу родителям. Хоть и родителям – с ними я общаюсь на чувашском языке... мы будем общаться. Но, как говорится, это связано с работой, я им рассказывала ситуацию на русском» (Елена Т., 34). «Бывают ситуации, когда разговариваю на чувашском. А это бывает, когда мы обсуждаем что-нибудь... бурно! Ну, поведение... каких-то наших родственников, например, или там мама жалуется на что-нибудь. И тогда это будет чувашский язык. Если это яркие эмоции, то на чувашском. Более красочно просто! Сочнее!» (Татьяна И., 35).

Респонденты когорты 30–40 лет редко и вообще едва ли отмечали ценность двуязычия, для них знание двух языков, «автоматическое», «машинальное» переключение кодов, использование в жизни двух языков в процентном соотношении «пятьдесят на пятьдесят» (Ольга Т., 32) – вещи сами собой разумеющиеся, они не испытывают от этого гордости, разве что ощущают порой практическое удобство. «В метро еду, кто-то разговаривает по-чувашски, я сижу, подслушиваю, но мне неприлично признаться, что я понимаю. Ну, думаю, как же хорошо знать несколько языков! Ты даже поймешь, кто тебе... и что тебе о чем скажет!» (Татьяна А., 40).

Попутно отметим, что пассивные билингвы, составляющие 16 % в когорте 30–40-летних, проживая вдали от малой родины, неожиданно для себя, по их собственному признанию, начинают скучать по чувашскому языку. «Знаете, что я заметила! Вот недавно когда были на Новый год в Чебоксарах, я ощутила это в первый раз за всю свою жизнь! Я, когда услышала чувашскую речь, поняла, что соскучилась! По вот этой речи! Я вот реально соскучилась! Я даже когда в Москве хожу, я слышу татар или казахов, они же ведь тюркская группа. Вот ощущение внутри какой-то искренней радости, когда их слышу. В эти праздники, когда свекор со свекровью разговаривали по-чувашски, мы у них останавливались в Чебоксарах, я прямо говорю им: “Ой, как здорово! Как хорошо, приятно слушать!” То есть все равно, на старости лет, хоть я и не старая, не зря говорят, что вот с возрастом понятие родины, малой родины, эта ностальгия начинает появляться» (Ирина О., 33).

Возрастная когорта 20–30

Парадоксальным образом именно в младшей возрастной когорте наблюдается примерно одинаковое соотношение пассивного и активного билингвизма (44 и 56 % соответственно), и это несмотря на активное внедрение языковых реформ в области образования.

Действительно, респонденты младшей когорты, пассивные билингвы, охотно рассказывали о своем опыте изучения чувашского языка в школе. В отличие от респондентов 30–40 лет,

школьные годы которых частично пришлось на введение в расписание обязательного изучения чувашского языка, представители этой когорты изучали чувашский на всех ступенях образовательного процесса и в значительно большем объеме. В основном в нашей выборке это уроженцы Чебоксар и Новочебоксарска. Обучение в школе велось на русском языке, чувашский язык преподавался как предмет. Здесь в полной мере проявилась сложившаяся в этом поколении диглоссная ситуация: если разговорный чувашский язык был в какой-то мере для них знакомым, «на слуху», то литературный чувашский язык воспринимался как чужой, которым они, в сущности, никогда прежде не пользовались, в качестве литературного для них всегда выступал русский язык. «В Чебоксарах был чувашский язык во всех школах. Но мне тяжело, очень тяжело давался этот язык. Там очень трудная грамматика. Она как в русском языке, вообще ведь русский язык считается очень трудным языком. И чувашский также! Я была в слезах! С репетитором занималась. Я не понимала значения “ч”, “щ”, вот где с галочками. А вот разговорный язык я знала, я понимала, о чем говорят. Я понимала. Но написать это мне было очень трудно! Много нас было таких, я не одна такая была. По репетиторам не все ходили, кто сам, кто мог. В старших классах переехала в Москву. И стало очень хорошо, просто не было чувашского языка! Это было счастье!» (Кристина Е., 23). «Я училась с первого по третий классы в чувашском классе, я помню эти слезы и крики родителей, что я не понимаю, как это пишется. Где две буквы *ш*, где там буква с галочкой, для меня это слезы! И потом родители писали заявление, чтобы меня перевели в русский класс. И с пятого класса я училась в русском. Без слез. Только чтение – и все! Никаких писанин, никаких диктантов на чувашском языке больше не было в моей жизни! Письмо мне очень трудно давалось. Оно само по себе ужасно трудное! Для меня лично – очень трудное! Хотя я и отличница, для меня чувашский язык – очень трудный. За меня мама писала сочинения на чувашском. Я писала на русском, а она переводила мне» (Надежда К., 26).

Удивительным кажется и тот факт, что этнические чуваша-горожане испытывали в целом трудности, в то время как татары, к примеру, тоже вынужденные изучать чувашский в обязательном порядке, справлялись с задачей много легче. «У нас вообще был удивительный опыт, у нас были татары, которые с нами учились. Они намного лучше знали наш чувашский язык, потому что дома говорили на татарском! Языки похожие, тюркские, и они помогали нам с домашкой» (Юлия О., 26). Впрочем, выборка не позволяет сделать окончательные выводы.

Чувашский язык в то время, кажется, по-прежнему не был престижным среди населения, особенно среди молодежи. «В то время, когда я училась, почему-то было не очень модно знать этот язык. Это был предмет, общий. Я как-то справлялась, вроде у меня даже была пятерка по чувашскому языку. Но это все благодаря списываниям! В общем, для меня это был иностранный, наверное. Не очень хорошо, наверное, что такое было время, что было немодно изучать чувашский язык. Считалось, что на чувашском разговаривают только деревенщины!» (Кристина Н., 27). «Но вот в Чебоксарах почему-то стыдятся своего языка. У нас как бы язык не популяризируется совершенно! Сейчас, правда, какое-то движение началось. Что это... не смешно, что это не из деревни. Это самое главное!» (Юлия О., 26). Даже активные билингвы, родом из чувашских деревень, приезжая в город на учебу, чувствовали подобное отношение. «По себе могу сказать, что даже будучи в университете, я как-то стеснялась в городе при остальных людях, не при друзьях, разговаривать на чувашском. Какое-то вот стеснение в то время еще было. На тебя могли косо посмотреть, когда ты там на чувашском разговариваешь. А уже сейчас, года два назад, я прямо осознанно... Я понимаю, что я могу разговаривать на чувашском. Спокойно. Я сама решила, что если я чувашка, то почему я должна в своем, допустим, родном городе, в своей родной республике разговаривать на русском, который, по большому-то счету, для нас иностранный! Потому что мы чуваша, почему бы нет!» (Екатерина П., 28). «У нас в семье практикуются оба языка, никто не стесняется ни того, ни другого» (Дмитрий М., 29).

Несмотря на определенные положительные сдвиги в продвижении чувашского языка (в основном в области образования), остается открытым вопрос, насколько обучение чувашскому языку в школе является эффективным для становления сбалансированного билингвизма, подразумевающего одинаковое владение двумя языками [Михальченко, 2006. С. 192] не только на уровне отдельных лиц, но и в масштабе Республики. Вероятно, без усилий в облас-

ти языкового маркетинга с подобной задачей просто не справиться. Аналогичная мысль выражена в [Алос-и-Фонт, 2015. С. 210–211]. Важная точка зрения была высказана и одной из наших респонденток: «Для нас в школе это было больше времяпрепровождение, obligation. Это было забавно: мы как собаки зубрили текст, потом вставляли и рассказывали, я даже помню этот момент! Без понимания все зубрили, потому что книжки на чувашском они даже не интересные были, совершенно, для детей. “Господи, когда этот урок окончится? Да зачем он мне вообще нужен!” Ведь все люди считают, что он не нужен. Русский – нужен, английский – нужен, а чувашский – не нужен, потому что никто на нем не общается. И вот если с таких позиций исходить, то ему тяжело конкурировать с другими языками изначально. Поэтому, если не завлекать детей какими-то побочными методами типа игр, сказаний, преданий, чтобы дети хотя бы видели носителя языка, хотя бы бабушку из деревни пригласить, чтобы видели они, что на нем еще разговаривают. Чтобы видели они, что связь поколений какая-то существует. Сама я чувашский знала и до школы, потому что бабушка у меня говорит по-чувашски только. И папа с ней, и братья и сестры его между собой говорят по-чувашски. Поэтому так или иначе чувашский я понимаю. Именно бабушка заложила, таким образом, необходимость изучения языка. В остальном, скажем так, мне не донесли в школе, зачем мне учить язык, именно этот язык. В этом проблема. Мне кажется, в плане языка, всегда здорово, когда ты можешь выучить язык, но тут ключевой момент – лично для меня – что это средство, которым ты можешь коммуницировать. Я, например, учила латынь, латынь я тоже знаю, но это не средство, которым я могу коммуницировать, то есть я могу рецепты прочитать, по биологии что-то прочитать, но это не язык, на котором ты разговариваешь. Он умер. В этом причина умерших языков. То же самое происходит, мне кажется, с нашим национальным языком. Если его не позиционировать как что-то, чем ты можешь гордиться, или что-то самобытное и уникальное, как что-то, что тебе хотелось бы изучать, хотя бы с позиций самобытности и отличия, тогда этот язык просто умрет, потому что на нем просто никто не общается. Он всегда, даже в городах, отходит на второй план, потому что все коммуницируют на русском. И русский остается первым языком, а чувашский... он... ну как ты не объясняй ребенку, что это надо и нужно, он будет его учить, но никогда не будет им пользоваться» (Юлия О., 26).

Позиция Юлии О. подтверждается словами другого респондента: «Я вообще не понимал, зачем чувашский учить в школе, если я его и так знаю. Нас таких было меньшинство. Я знал язык за счет того, что родители с нами дома по-чувашски тоже разговаривали. Я жил в среде носителей чувашского языка. Родители до сих пор между собой на чувашском разговаривают. И когда мы были маленькие, мы очень много времени проводили с бабушкой и дедушкой в деревне. А там вся деревня была чувашская. Я с чувашским в школе поэтому справлялся без проблем» (Дмитрий Т., 24).

56 % активных билингвов в нашей выборке, в основном выходцы из деревень, используют чувашский скорее в деревне, чем в столице Чувашской Республики. Доминирующим языком в московском регионе для них, естественно, является русский, при этом переключение кодов также происходит в зависимости от ситуации («с мужем дома разговариваю по-чувашски, а если с работы ему звоню, то по-русски» (Надежда К., 26), от собеседника («у нас в голове автоматически, с одним человеком разговариваешь на чувашском, с другим на русском» (Юлиана Н., 26), от темы («сейчас когда звоню родителям, разговариваю... да без разницы на каком – о работе, а вот о дедушке – всегда по-чувашски» (Дмитрий М., 29), «по-чувашски только явно между собой, явно обыденный разговор, если разговор доходит до Чувашии, до семьи. До матери, до родителей» (Сергей Т., 21).

Немаловажной отличительной особенностью активных билингвов 20–30 лет является использование чувашского языка и на письме. Одни пишут, невзирая на отсутствие раскладки на клавиатуре, другие, наоборот, установив чувашский алфавит и соблюдая, таким образом, правила чувашской орфографии. «В течение дня это переписка на чувашском языке, я переписываюсь с подругами по-чувашски. У меня есть раскладка – и на работе, и дома. Они тоже к этому привыкли, мои подруги. Я их приучила! Они мне писали по-русски, сейчас они уже пишут мне по-чувашски. Я ненавязчиво, я просто постоянно отвечала по-чувашски, они тоже постепенно переходили» (Оксана А., 25).

Более того, молодые люди чаще других имеют возможность переходить на чувашский в силу того, что в Москве регулярно проводятся чувашские дискотеки, которые пропагандируют чувашский язык и чувашскую эстраду. В рамках подобных мероприятий «со сцены звучат в основном чувашские песни» (Эльвира Е., 37) и, как предполагается, «общение идет на чувашском». «Была одна моя подруга, которая на людях... она очень старалась говорить со мной по-русски здесь. Либо на дискотеке, на чувашской при том! Она знакомилась с парнями, и общались они там по-русски. Я ей как-то объяснила: “Ну что ты с ними по-русски? Ну ведь со стороны видно, что вы оба чувашки! Ну это смешно! Говорите по-чувашки!” И после этого она стала говорить с ними по-чувашски. И теперь она сама контролирует ситуацию, то есть делает замечания тем, кто с ней говорит по-русски: “Что это такое? Я ему говорю по-чувашски, что он мне по-русски отвечает!”» (Оксана А., 25).

Попутно отметим, что, по свидетельству организаторов подобных мероприятий, часто складывается ситуация, когда активные билингвы способствуют тому, что и пассивные, в свою очередь, приобщаются к чувашскому языку и «вынуждены» на нем разговаривать в пространстве чувашской дискотеки: это «молодежь, которая выросла в Чебоксарах, в районном центре и разговаривала всегда на русском, а здесь они, может быть, какие-то слова и стесняются говорить, но говорят на чувашском у нас. То есть это те люди, которые выросли в городе и по-чувашски говорили только у бабушки в деревне, но мы всех приучаем!» (Эльвира Е., 37).

Наконец, отдельных молодых людей этого поколения отличает стремление к «чистоте языка». «Раньше больше смешивал языки, а с момента работы на радио стал за этим очень следить. Потому что некрасиво, когда говоришь на чувашском, а у тебя вдруг вылетают русские слова. Со мной такого никогда не случалось, я всегда получал хорошие отзывы. Что у меня хороший чувашский язык. Даже когда люди дозванивались в прямой эфир, они стеснялись слова по-русски говорить, потому что это было до такой степени навязано с моей стороны. Русские слова – не дай бог! Кроме общепринятых интернациональных слов, конечно. *Радио, смс, интернет, пульт, диск*. Люди, конечно, готовились к звонку в эфир. Чтобы язык был правильным, чистым. Даже люди, которые меня недолюбливали, несколько раз говорили хорошие слова о моем хорошем чувашском. С тех пор я стараюсь не смешивать. И мама моя заметила это. Мы стараемся не переходить» (Дмитрий М., 29). Пассивные билингвы, в свою очередь, признаются: «чувашский никакой практически роли в моей жизни не играет, но я бы хотела, быть может, чуть-чуть попозже какую-то роль ему отвести, потому что хотелось бы не забывать свои корни» (Кристина Н., 27 лет).

Как видим, молодые люди в нашей выборке, как правило, не имели положительного опыта в изучении чувашского языка в школе, однако вынесли из него необходимые суждения, рефлексии относительно того, каким образом возможно продвижение чувашского языка в обществе. По их мнению, оно должно происходить не только через канал школьного обучения, но также через построение национальной идеи, сфокусированной на языке как «самобытном», «уникальном» и в то же время «интернациональном», т. е. «приближенном к другим тюркским языкам».

Молодые респонденты – как активные, так и пассивные билингвы, встречаются много чаще других респондентов в рамках чувашских дискотек, активно осваивают интернет-пространство, поддерживают связь с земляками через социальные сети, используют чувашский язык в полном, но чаще в неполном объеме в переписке и демонстрируют не просто символическую языковую лояльность, а спокойное, «здоровое» отношение к обоим языкам, причем, что характерно, немало среди них и пассивных билингвов. «Я думаю, чувашский язык все время мне будет встречаться. Изучить его, посмотреть что-то в словаре – это же не сложно. Если вдруг где-то слово незнакомое услышу, я его запомню. Со школы что-то осталось в голове все-таки, каркас какой-то» (Алексей Х., 29).

Выводы

Таким образом, в ходе обследования были получены следующие данные о соотношении (%) активного и пассивного билингвизма по возрастным когортам:

Вид билингвизма	Возрастная когорта				
	20–30	31–40	41–50	51–60	61–83
Активный	56	84	69	76	54
Пассивный	44	16	31	24	46

В основном активный билингвизм характерен для выходцев из деревни, имеющих среднее специальное образование, за исключением младших когорт, в которых активные билингвы практически все имеют высшее образование. Пассивный билингвизм является отличительной чертой уроженцев крупных городов, средних по численности населенных пунктов и райцентров Чувашской Республики, в связи с тем, что, с одной стороны, долгое время обучение в школах там велось исключительно на русском языке. С другой стороны, сохраняются стереотипы относительно чувашского языка, который имеет четкие ассоциации с деревней, сельским образом жизни, некоей отсталостью, несовременностью, поэтому для горожан или тех, кто переехал из деревни в город, он не престижен, и они скорее будут говорить на русском языке, чем на чувашском.

Подобные стереотипы были выявлены нами во всех возрастных когортах, однако респонденты в когорте 41–50 признались, что пытаются их преодолеть. Респонденты когорт 41–50 и 51–60 не только принимают активное участие в жизни диаспоры, практикуя таким образом чувашский язык, но и используют его в профессиональной деятельности, поскольку многие из них заняты в сфере строительства или обслуживания, в отличие от более молодых представителей диаспоры, имеющих офисный тип занятости и использующих только русский язык. Респонденты когорт 41–50, 51–60 в быту используют чувашский язык в ограниченном объеме – в разговоре с более старшими людьми или с ровесниками, почти никогда – с детьми.

Респонденты когорты 31–40 в нашей выборке проявили наивысшую языковую лояльность, признав чувашский или оба языка (чувашский и русский) родными и охотно используя чувашский в повседневном общении или участвуя в мероприятиях диаспоры, по крайней мере без стеснения, характерного для более старших респондентов.

Что касается самой младшей когорты 21–30, то здесь наблюдается примерно одинаковое соотношение пассивного и активного билингвизма, как и в самой старшей когорте, однако, несмотря на сходные количественные показатели у самой старшей и самой младшей когорт, мы видим положительное отношение молодых респондентов к билингвизму. Также, в отличие от респондентов 30–40 лет, школьные годы которых частично пришлись на введение в расписание обязательного изучения чувашского языка, представители этой когорты изучали чувашский на всех ступенях образовательного процесса и в значительно большем объеме. Немаловажной отличительной особенностью активных билингвов 20–30 лет является использование чувашского языка и на письме. Если лишь некоторые респонденты старших когорт указывали на использование чувашского при написании писем родителям, то молодые люди, кажется, пишут по-чувашски чаще. Осознание молодым поколением ценности двуязычия, всё расширяющееся пространство современных технологий, возможно, в немалой степени будут способствовать сохранению чувашско-русского билингвизма не только в пассивной, но и в активной форме в диаспорной среде московского региона.

Список литературы

Алос-и-Фонт Э. Идеи по стратегическому развитию чувашского языка // Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: Сб. ст. / Под ред. И. И. Бойко, А. В. Кузнецова. Чебоксары, 2015. 324 с.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: Учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 337 с.

Словарь социоллингвистических терминов / Под ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

M. V. Kutsaeva

*Institute of Linguistics RAS
1, str. 1, B. Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation*

moscoop@yandex.ru

TYPES OF BILINGUALISM AND THEIR QUANTITATIVE DISTRIBUTION IN THE MOSCOW REGION DIASPORA GROUP (II)

The results of the author's studies on the quantitative distribution of passive and active bilingualism by age cohorts in the Chuvash diaspora in the Moscow region are presented in the article. The vitality of the Chuvash language causes anxiety due to the fact that more than a half of the Chuvash ethnos lives outside the Republic. Active bilingualism is typical of those born in the country, they have vocational education, except younger age cohorts, who almost all have higher education. Passive bilinguals are natives of cities, towns and district centres of the Republic, regardless of their education level. Functionally Russian is the first language for all the respondents in Moscow region. Active bilinguals equally use Chuvash, code-switching is determined by the situation, the interlocutor, the topic of the conversation. In the Chuvash Republic they would rather use Chuvash in the country, than in the city, thus preserving stereotypes about Chuvash as a backward, not prestigious language, but many are trying to overcome stereotypes and make conscious efforts to speak Chuvash in the city. It is likely to be the result of language reforms, carried out since 1990s, a wider use of Chuvash in various spheres, the obligatory study of the Chuvash language even at city schools. However, as the survey reveals, both active and passive bilinguals are not satisfied with the quality of Chuvash language studies at school, active bilinguals speak Chuvash due to transgenerational transmission of the language in the family, passive bilinguals keep fragmentary knowledge of the language they acquired in childhood, when spending summer holidays in a Chuvash village. Passive bilinguals use Russian both in Moscow region and back in the Chuvash Republic, but they feel emotionally attached to the language of their parents. Meetings as a part of the events organized by the Chuvash diaspora, a wider scope of modern technologies, overcoming of stereotypes, awareness of the values of bilingualism, all contribute to the Chuvash language maintenance and functioning, though somewhat partial in the Chuvash diaspora in the Moscow region.

Keywords: bilingualism, diglossia, Chuvash-Russian bilingualism, the Chuvash language, diaspora, active bilingualism, passive bilingualism, language situation, language nihilism.

References

Alos-y-Font H. Issledovanie yazykovoi situatsii v Chuvashskoi Respublike [Survey of the Language Situation in the Chuvash Republic]. Collected Articles. Eds. I. I. Boyko, A. V. Kuznetsov. Cheboksary, 2015, 324 p. (in Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Sociolinguistics: A Textbook for Bachelor and Master's Degree Students]. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2016, 337 p. (in Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [The Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Ed. by V. Yu. Mihal'chenko. Moscow, 2006, 312 p. (in Russ.)

Н. Д. Алмадакова

*Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия*

ndalmadakova@mail.ru

ДОЛГИЙ ГЛАСНЫЙ [a] В ИМЕННЫХ СЛОВОФОРМАХ ТЁЛЁССКОГО ГОВОРА УЛАГАНСКОГО ДИАЛЕКТА ТЕЛЕНГИТСКОГО ЯЗЫКА (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ) *

Рассмотрены именные словоформы с долгим гласным [a] в тёлёсском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка. Носители этого говора компактно проживают в населённых пунктах Балыкча, Кёё Чулушманской долины, находящихся на южном побережье Телецкого озера. Новизна исследования состоит в том, что впервые теленгитский язык подразделяется на два диалекта: улаганский и чуйский. Улаганский диалект – язык теленгитов, которые компактно проживают на территории Улаганского района, чуйский диалект – язык теленгитов, проживающих на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. В свою очередь, каждый диалект подразделяется на несколько говоров. Улаганский диалект на основании географического положения и языковых особенностей подразделяется на шесть говоров, среди которых выделяется тёлёсский (чолушманский) говор. Долгие гласные фонемы улаганского диалекта в целом и тёлёсского (чолушманского) говора в частности до наших исследований не были объектом специального изучения. Разработка темы актуальна и перспективна, поскольку вводит в научный оборот новый материал, раскрывает фонетические особенности языка. Долгий гласный [a] в тёлёсском (чолушманском) говоре употребляется в анлауте, инлауте, ауслауте именных словоформ. Долгий гласный звук [a] в тёлёсском (чолушманском) говоре встречается в корневых и некорневых именных словоформах; он употребляется в словоформах-моносиллабах и словоформах-бисиллабах различной слоговой структуры. Сопоставительный анализ дал возможность заключить, что в тёлёсских именных корневых словоформах-моносиллабах долгий гласный [a] образовался в основном в результате выпадении инлаутного согласного; в корневых словоформах-бисиллабах долгий гласный [a] образовался в позиции перед узким гласным второго слога; в некорневых именных словоформах-бисиллабах долгий гласный [a] образовался при морфологическом наращении аффиксов с узким гласным, а также вследствие выпадения интервокального согласного. Тёлёсские (чолушманские) словоформы с долгим гласным [a] обнаруживают общие черты с большинством говоров улаганского диалекта, за исключением чибитского говора, который по своим фонетическим особенностям близок к чуйскому диалекту. Тёлёсские (чолушманские) и в целом улаганские словоформы с долгим гласным [a] имеют как общие, так и отличные фонетические черты с диалектом алтай-кижи, но улаганский диалект существенно отличается от алтайского литературного языка. Установлено, что диалект алтай-кижи и алтайский литературный язык имеют существенные различия, несмотря на то, что этот диалект положен в основу литературного языка.

Ключевые слова: теленгитский язык, улаганский диалект, тёлёсский (чолушманский) говор, чуйский диалект, диалект алтай-кижи, алтайский литературный язык, говор, фонема, словоформа, слог.

Согласно классификации А. Н. Баскакова, алтайский язык представлен северной и южной группами диалектов; в северную группу входят туба, кумандинский, чалканский диалекты, южную группу составляют алтай-кижи, теленгитский, телеутский диалекты [Баскаков, 1969].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 17-04-00473а).

С. 29]. С точки зрения Н. А. Баскакова, теленгитский диалект распадается на два говора: 1) теленгитско-тёлёсский, носители которого живут по рекам Чолушман, Башкаус и на южном берегу Телецкого озера (самоназвание *теленгит*), и 2) чуйский, носители которого живут по реке Чуй (самоназвание *чуй-кижи*) [Баскаков, 1958. С. 343]. В научной литературе последних лет исследователи стали употреблять термины *алтайский язык*, *телеутский язык*, *теленгитский язык*, *кумандинский язык*, *чалканский язык*, *тубинский язык* [Селютина и др., 2013. С. 37–138], при этом вопрос о самостоятельном статусе каждого из этих языков не ставится.

Теленгитский язык – язык теленгитов, которые компактно проживают на современной административной территории Улаганского района и в некоторых населенных пунктах Кош-Агачского района Республики Алтай. Теленгитский язык подразделяется на два диалекта: улаганский и чуйский. Чуйский диалект – язык теленгитов Кош-Агачского района. Каждый из этих диалектов, в свою очередь, на основании географического положения и языковых особенностей далее подразделяется на несколько говоров. Улаганский диалект представлен шестью говорами: балыктулюльский, кара-кудюрский, саратанско-язулинский, чибицкий, чибилинский, тёлёсский (чолушманский). В настоящей статье рассматривается тёлёсский (чолушманский) говор, носители которого компактно проживают на южном побережье Телецкого озера в населенных пунктах Балыкча и Кёё в Чолушманской долине. Актуальность описания фонетических особенностей тёлёсского говора теленгитского языка представляется актуальной в связи с тем, что между алтайским литературным языком, диалектом алтай-кижи и теленгитским языком наблюдаются существенные отличия.

Целью настоящей работы является анализ особенностей употребления долгого гласного звука *aa* в тёлёсском (чолушманском) говоре теленгитского языка. В настоящее время все еще нет специальных исследований, посвященных этой проблеме. Следовательно, остаётся открытым вопрос о том, в каких случаях употребляется долгий гласный *aa*, чем определяется наличие долгого гласного в составе словоформы. Для ответа, как мы полагаем, необходимо выполнить следующие задачи: а) выявить словоформы с долгим гласным в тёлёсском (чолушманском) говоре; б) рассмотреть позиции долгого гласного в составе словоформы; в) выявить причины образования долгого гласного и сопоставить полученные данные, с одной стороны, с данными других говоров улаганского и чуйского диалектов теленгитского языка, с другой – с данными диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка. Именно такое сопоставление поможет установить определённые тенденции употребления и образования долгого гласного *aa* в теленгитском языке, его диалектах и говорах, определить не только фонетические, но и лексические соответствия и расхождения в теленгитском и алтайском языках, в их диалектах и говорах.

Анализ особенностей употребления долгого гласного *aa* проводился на материале слов, относящихся к разным тематическим и лексико-семантическим группам, которые взяты из личных записей автора, сделанных в разные годы во время экспедиций. Нашими информантами были в основном люди пожилого возраста, которые хорошо владеют родным теленгитским и алтайским языками.

На наличие долгих гласных в тюркских языках впервые обратил внимание О. Бётлинг; он выявил в якутском языке долгие гласные, появляющиеся в начале, середине, конце слова в открытых и закрытых слогах [Böhtling, 1851. S. 8]. Вслед за О. Бётлингом на существование долгих гласных в тюркских языках указывал М. Кастрен на материале койбалского, карагасского и узбекского языков [Castren, 1857. S. 3]. Детально этот вопрос рассмотрел В. В. Радлов, который отрицал существование общетюркских долгот, считал, что долгие гласные первоначально были чуждыми для тюркских языков; они произошли вследствие выпадения интервокальных согласных и слияния гласных [Radloff, 1901. С. 77].

Вокализм современного алтайского литературного языка и диалекта алтай-кижи совпадает с общетюркской схемой. В нем представлены шестнадцать гласных фонем; наблюдается полная симметричность восьми кратких *a*, *э* (*e*), *o*, *ö*, *ы*, *и*, *у*, *ü* и восьми долгих *aa*, *ээ* (*ee*), *oo*, *öö*, *ыы*, *ии*, *уу*, *үү* гласных фонем. Долгие фонемы *ии*, *ыы* алтайского языка считаются периферийными вследствие их низкой продуктивности [Селютина, 2002. С. 3–18]. В онгудайском говоре диалекта алтай-кижи для узкого твердоядного неогубленного гласного *ы* долгого коррелята не обнаружено [Шалданова, 2007. С. 52]. И. Я. Селютина отмечает, что в чалкан-

ском языке нет долгой фонемы *ии*, в кумандинском отсутствуют долгие узкие гласные *ии*, *ыы* [Селютина, 2002. С. 76]. В теленгитском диалекте, как считает С. И. Машталир, представлено четырнадцать гласных фонем: восемь кратких и шесть долгих; долгие фонемы *ии* и *ыы* отсутствуют [Машталир, 1984].

Долгота в тюркских языках имеет разное происхождение. Первичная (этимологическая, пратюркская) долгота – это долгота, генезис которой остается до сих пор неясным, вторичная долгота гласных – следствие выпадения согласных и слогов. Вопрос о первичности и вторичности долгих гласных является одним из самых трудных и проблематичных [Биишев, 1963. С. 15; Боргояков, 1966. С. 81], и до настоящего времени он окончательно не разрешен [Дыбо, 2015]. По характеру употребления долгих гласных, не объясняемых изменениями групп VCV (гласный, согласный, гласный), VC (гласный, согласный), в Сибири выделяются три ареала, различающиеся закономерностями употребления долгих гласных [Широбокова, 2005. С. 189]. С точки зрения Н. Н. Широбоковой, первую зону составляют якутский и долганский языки, в которых так называемая этимологическая долгота зависела не только от качества последующего согласного, но и от структуры слова: она отмечается в однокоренных односложных словах (*аач* ‘голод’), но не представлена в двусложных (*аччык* ‘голодный’). Во вторую зону включены чулымско-тюркский язык, диалекты хакасского, алтайского и шорского языков, в которых долгота может появляться при морфологическом наращении в односложных и двусложных словах перед последующим гласным. В третью зону входит тувинский язык, в котором долгим гласным якутского языка соответствуют краткие нефарингализованные гласные [Там же. С. 189–190].

Долгота гласного в тюркских языках имеет смысловозначительное значение; от долготы гласного в квазиомонимах зависит лексическое значение слова, ср.: *такаа* ‘курица’ – *така* ‘подкова’, *салкындаар* ‘будут дуть ветры’ – *салкындар* ‘ветры’, *јаан* ‘большой’ – *јан* ‘уходить домой, возвращаться домой’, ‘сторона’, *таай* ‘дядя по линии матери’ – *тай* ‘жеребёнок до двух лет’, *аай* ‘порядок, положение’ – *ай* ‘луна’, *аас* ‘мало’ – *ас* ‘варить’ и др.

Долгие гласные от кратких отличаются только количественной стороной, т. е. являются более длительными; их артикуляционная характеристика та же, что и у кратких гласных.

Слуховой анализ языкового материала и компетенция автора как носителя улаганского диалекта свидетельствуют о том, что в вокализме говоров улаганского диалекта теленгитского языка представлено восемнадцать гласных фонем [Алмадакова, 2017]. Кроме восьми обычных кратких гласных *а, о, ö, у, ү, э, и, ы* и долгих гласных *аа, оо, öö, уу, үү, ээ, ии, ыы*, выделяется широкий краткий гласный *ä* и его долгий коррелят *ää*.

В настоящей статье проводится сопоставление функционирования долгого гласного звука *аа* в тёлёском (чолушманском) говоре с материалами других говоров улаганского и чуйского диалектов, а также с данными диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка.

Широкий твердоядренный долгий гласный *аа* в тёлёском (чолушманском) говоре употребляется в именных и глагольных словоформах, а также в словах, заимствованных из русского языка. В данной статье исследуются случаи употребления долгого гласного *аа* в именных словоформах тёлёского (чолушманского) говора, где долгий гласный *аа* употребляется в именных корневых и некорневых словоформах различной слоговой структуры, а также в заимствованных из русского языка словах. Долгий гласный *аа* в именных корневых словоформах рассматривается в первой части настоящей работы, во второй части – долгий гласный *аа* в именных некорневых словоформах, в третьей части – долгий гласный в заимствованиях из русского языка. При фиксации словоформ тёлёского (чолушманского) говора мы пользуемся алфавитом алтайского литературного языка, поскольку теленгитский язык является бесписьменным. При этом для адекватной передачи фонетических особенностей тёлёского (чолушманского) говора мы вводим такие дополнительные графемы, как *ŋ, ä*. Графемой *ŋ* обозначается анлаутный согласный звук, который в языке теленгитов, в том числе улаганских, является не звонким, как в алтайском литературном языке, но и не глухим, подобно чалканскому и шорскому языкам; графемой *ä* обозначается специфический только для улаганского диалекта гласный звук, который произносится с призвуком *э*, тяготеющим к звуку *а*, но не доходящим до него.

Долгий гласный *aa* в именных корневых словоформах

В тёлёсском (чолушманском) говоре долгий гласный *aa* употребляется в анлауте, инлауте и ауслауте именных корневых словоформ различной слоговой структуры.

1. **Анлаутный** долгий гласный *aa* в тёлёсском говоре употребляется в корневых словоформах-моносиллабах и в словоформах-бисиллабах.

Анлаутный долгий гласный зафиксирован лишь в двух именных корневых словоформах-моносиллабах VC: *aaй* 'порядок, положение', *aac* 'мало'.

Тёлёсскому слову *aaй* в других говорах улаганского диалекта, в чуйском диалекте, диалекте алтай-кижи, алтайском литературном языке соответствует аналогичное слово. Слову *aac* в других говорах улаганского диалекта и в чуйском диалекте также соответствует аналогичное слово. В алтайском литературном языке употребляется слово с кратким анлаутным гласным (*ac*), однако в некоторых говорах диалекта алтай-кижи употребляется словоформа с долгим гласным.

О происхождении анлаутного долгого гласного в слове *aaй* пока трудно сказать что-либо определенное. Что касается общетюркского слова *aac*, то А. Биишев и А. В. Дыбо усматривают в нем так называемую первичную долготу.

По сравнению с моносиллабами VC, бисиллабов с анлаутным долгим гласным *aa* в тёлёсском (чолушманском) говоре встречается гораздо больше; их насчитывается восемнадцать единиц. В зависимости от открытости / закрытости слогов они подразделяются на три группы.

К первой группе относятся тёлёсские корневые словоформы-бисиллабы VCCV: *aaрчы* 'кислый творог', *aalга* (*jer*) 'укромное, спокойное, тихое (место)', *aaбра* 'телега'.

Слово *aaрчы* характерно и для других говоров улаганского диалекта, чуйского диалекта и диалекта алтай-кижи, употребляется и в алтайском литературном языке. Теленгитское слово *aalга* в диалекте алтай-кижи и алтайском литературном языке не употребляется. Слово *aaбра* употребляется во всех говорах улаганского языка и в чуйском диалекте. В диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке анлаутному долгому гласному соответствует краткий гласный: *абра*.

Вторая группа словоформ с анлаутным долгим гласным *aa* представлена словоформами-бисиллабами VCV, которых, в отличие от бисиллабов VCCV, больше: *aaру* 'оса', 'чистый, чисто', *aaйу* 'медведь', *aaшу* 'перевал', *aaсу* 'клык', *aaчу* 'горький, больной; едкий, горе, скорбь'.

Перечисленные словоформы-бисиллабы VCV характерны и для других говоров улаганского диалекта, зафиксированы и в чуйском диалекте, но не употребляются в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке. Улаганским бисиллабам с долгим гласным и с интервокальным слабовонким (не глухим) согласным *aaшу*, *aaсу* в алтайском литературном языке соответствует словоформа с кратким анлаутным гласным и со звонким интервокальным согласным (*ажу*, *азу*). Однако в диалекте алтай-кижи, как и в улаганском диалекте, встречается и форма с интервокальным слабовонким (не глухим) согласным. Улаганскому бисиллабу *aaйу* в чуйском диалекте, диалекте алтай-кижи и алтайском литературном языке соответствует вариант с анлаутным кратким гласным: *айу*.

В слове *aaру* в значении 'оса' долгий гласный – результат исчезновения интервокального согласного *d* из слова *адару* 'пчела'. Представляется, что на долготу широкого гласного в слове *aaру* влияет и позиция перед узким гласным *y*. Это же условие является причиной долготы и в остальных словоформах-бисиллабах VCV.

Третья группа представлена словоформами-бисиллабами VCVC, которых по сравнению с бисиллабами VCV, VCCV в тёлёсском говоре гораздо больше: *aaгыш* 'дерево, палка', *aaбыс* 'поп', *aaрыш* 'рожь', *aaлыс* (*jer*) 'укромное (место)', *aaрык* 'худой, доходяга', *aaсык* 'запас, припасы продуктов, провизии', *aaмыр* 'мир, покой', *aaгыр* 'варнавка'.

Тёлёсская корневая словоформа *aaгыш* характерна и для других говоров (кроме чибитского говора) улаганского диалекта. В чибитском говоре употребляется вариант с анлаутным кратким гласным и широким гласным *a* во втором слоге: *агаш*. Этот же вариант характерен для чуйского диалекта и его говоров; он употребляется и в диалекте алтай-кижи, и в алтайском литературном языке.

Тёлёским корневым словоформам *аабыс*, *аарыш*, *аалыс*, *аарык*, *аасык* и некорневым словоформам *аагын*, *аарыш* в остальных говорах улаганского диалекта и в чуйском диалекте соответствуют эти же формы. В отличие от улаганского и чуйского диалектов теленгитского языка, в алтайском литературном языке употребляются варианты с анлаутным кратким гласным, однако в диалекте алтай-кижи употребляются оба варианта.

В приведенных выше тёлёских корневых словоформах-бисиллабах VCVC долгота анлаутного гласного обусловлена наличием в последующем слоге узкого краткого гласного *ы*.

2. **Инлаутный** долгий гласный *аа* в тёлёском (чолушманском) говоре, как и анлаутный, употребляется в словоформах-моносиллабах и словоформах-бисиллабах. Однако по сравнению с анлаутным долгим гласным инлаутный долгий гласный *аа* встречается гораздо чаще. В зависимости от позиции в составе словоформы мы разграничиваем инлаутный долгий гласный *аа* первого слога и инлаутный долгий гласный *аа* второго слога.

1) Инлаутный долгий гласный *аа* первого слога употребляется в словоформах-моносиллабах и словоформах-бисиллабах.

Долгий гласный *аа* первого слога зафиксирован в десяти словоформах-моносиллабах SVC: *јаан* 'большой, взрослый, старший', *јааш* 'дождь', *јаак* 'щека, косяк двери', *таар* 'мешок', *таай* 'дядя по линии матери (родной старший или младший брат матери)'; *каар* 'снег', *таак* 'курица', *каак* 'перхоть', *каан* 'царь', *таан* 'грach'.

Словоформы *јаан*, *јааш*, *јаак*, *таар*, *таай*, *каан*, *таан* являются общими для теленгитского и алтайского языков.

О происхождении долготы в слове *таан* пока трудно сказать что-либо определенное. В остальных словоформах происхождение долгого гласного звука *аа* объясняется выпадением интервокального согласного.

В тёлёском слове *јаан* долгий гласный образовался, как нам представляется, вследствие выпадения из слова *jöddān* интервокального согласного *д* и последующего перехода гласного *ö* в гласный *а*. В тёлёском произношении гласного первого слога присутствует дополнительный призвук, тяготеющий к сочетанию звуков *э, а*. В чибитском говоре и чуйском диалекте используется слово *jöddöñ* (*jöddön*), в диалекте алтай-кижи – *jedeen*. Надо полагать, что алтайский вариант образовался из аналитической конструкции *je le degen*, характерной и для теленгитского языка, в результате стяжения слов и выпадения интервокального согласного *г* из слова *деген*.

В словоформе *таар* 'мешок' долгий гласный появляется в результате выпадения интервокального *г* из древнетюркского слова *тагар*. Слово *таар* употребляется и в других говорах улаганского диалекта, в чуйском диалекте теленгитского языка, а также в алтайском литературном языке, однако оно не употребляется в некоторых говорах диалекта алтай-кижи. В усть-канском говоре диалекта алтай-кижи в значении 'мешок' употребляется слово *сумал*, которое отсутствует в диалектах теленгитского языка, в том числе в тёлёском говоре улаганского диалекта, и не входит в активную лексику алтайского литературного языка.

В результате выпадения интервокального заднеязычного согласного звука *г* образовался долгий гласный и в тёлёском слове *каар* 'снег'. Как пишет А. М. Щербак, в текстах X–XIII вв. из восточного Туркестана зафиксирована словоформа *кагар* [1961. С. 34]. Вариант с долгим гласным употребляется и в других говорах улаганского диалекта, в чуйском диалекте, встречается частично в усть-канском, онгудайском, шебалинском говорах диалекта алтай-кижи, характерен и для кумандинского языка. Однако в алтайском литературном языке употребляется форма с кратким гласным (*кар*), которая представлена также и в хакасском, тувинском, чалканском, тубаларском языках.

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» зафиксирована словоформа *јаџиш* и ее вариант *јауш* [1997. С. 57–58], из чего следует, что долгий гласный *аа* в корневой словоформе *јааш* 'дождь' является результатом выпадения интервокального согласного *г*. Долгий гласный в словах *таай*, *каан* также является результатом выпадения интервокального согласного *г*, ср. в древнетюркском языке: *тагай*, *каган* соответственно [Там же. С. 296, 320].

В корневой односложной словоформе *таак* 'курица' долгий гласный возник в результате выпадения интервокального согласного и стяжения слогов, ср.: *такаак*. Этот вариант также употребляется в тёлёском и других говорах улаганского диалекта. В диалекте алтай-кижи

и в алтайском литературном языке словоформам *таак*, *такаак* соответствует словоформа, в которой отсутствует ауслаутный согласный звук: *такаа*.

Слово *каак* ‘перхоть’, кроме тёлёсского говора, употребляется и в других говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте теленгитского языка. Однако теленгитскому долготу гласному в алтайском языке соответствует долгий гласный *оо*: *коокы*.

По сравнению с моносиллабами CVC, бисиллабов с инлаутным долгим гласным *аа* в тёлёсском говоре гораздо больше: на данный момент исследования зафиксировано тридцать единиц. Они в зависимости от открытости / закрытости слогов подразделяются на три группы.

Первую группу составляют корневые словоформы-бисиллабы CVCV: *кааду* ‘гвоздь’, *каају* ‘косогор’ *саары* ‘жёлтый’, *каару* ‘дорогой’, *таакы* ‘пух’, *таары* ‘порох’, *каазы* ‘сало, жир брюшной части’.

Бисиллаб *таары* является общим для теленгитского и алтайского языков. Трудности в объяснении происхождения долгого гласного касаются и слова *таакы*, которое встречается и в других улаганских говорах, а также в чуйском диалекте. Кроме этого, данное слово обнаруживается и в иодринском, каспинском говорах диалекта алтай-кижи, в котором чаще употребляется слово *ноокы*, характерное и для алтайского литературного языка, но не употребляемое в теленгитском языке.

В тёлёсских словоформах-бисиллабах CVCV *кааду*, *каају*, *каару*, *саары* длительность является позиционной: широкий гласный находится в позиции перед узкими гласными *у*, *ы*. Аналогичные словоформы употребляются и в других говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте. Этим словоформам в алтайском литературном языке соответствуют варианты с кратким гласным, однако в диалекте алтай-кижи встречаются оба варианта.

Во вторую группу входят корневые словоформы-бисиллабы CVCVC, которых по сравнению с бисиллабами CVCV гораздо больше: *баатыр* ‘богатырь’, *саадак* ‘стрела’, *Каадын* ‘Катунь’, *каадыт* ‘женщина, жена, баба’, *саагыш* ‘ум, знание’, *баалык* ‘рыба’, *каалык* ‘народ’, *каайын* ‘свёкорь’, *каайын* ‘берёза’, *каайыр* ‘крутой’, *саангыс* ‘жевательная сера’, *таанак* ‘ключица’, *таабыш* ‘шум, звук, голос, весть’, *жаажыт* ‘тайна, секрет’, *каажык* ‘бабки’, *таа-зыл* ‘корень’, *жаажыл* ‘зелёный’, *чаамыш* ‘пах’, *чаалын* ‘роса’, *чаасын* ‘бумага’ и др.

Словоформы-бисиллабы CVCVC *баатыр*, *саадак* являются общими для теленгитского и алтайского языков. Долгий гласный в этих словах образовался вследствие выпадения интервокального согласного *г* в древнетюркском языке: *багатыр*, *сагадак*. Тюркский интервокальный согласный сохранился в русском языке: *богатырь*. Остальные тёлёсские словоформы-бисиллабы CVCVC характерны и для других говоров улаганского диалекта, а также для чуйского диалекта теленгитского языка. Длительность широкого гласного в этих словоформах-бисиллабах зависит от его позиции перед узким гласным. В алтайском литературном языке и в диалекте алтай-кижи этим бисиллабам соответствуют варианты с кратким гласным.

В алтайском литературном языке и в диалекте алтай-кижи слово *саагыш* не употребляется; в значении ‘ум, знание’ используется слово *санаа*. Словоформа *саангыс* употребляется во всех говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте. Она используется и в телеутском языке, но с кратким гласным *а*. В диалекте алтай-кижи и в литературном алтайском языке долготу гласному в теленгитском слове *саангыс* соответствует краткий гласный *а*, конечному согласному *с* – согласный *т*: *сангыт*.

Третью группу представляют корневые словоформы-бисиллабы CVCCVC, которых по сравнению с бисиллабами CVCV, CVCVC гораздо меньше: *баарчык* ‘грач’, *чаанчак* ‘локоть’, *каарчак* ‘ящик’.

Тёлёсское слово *каарчак* употребляется и в других говорах улаганского диалекта, кроме чибитского говора. В чибитском говоре улаганского диалекта используется вариант *кайырчак*, который характерен и для чуйского диалекта, употребляется он и в диалекте алтай-кижи, а также в алтайском литературном языке. Отсюда следует, что долгота появилась в результате выпадения интервокального согласного *й*, сопряженного с процессом ассимиляции.

Тёлёсскому слову *чаанчак* ‘локоть’ в других говорах улаганского диалекта и в чуйском диалекте соответствует аналогичный вариант; в алтайском литературном языке и в диалекте

алтай-кижи соответствует слово *чаганак*; долгота в тёлёском говоре возникла в результате выпадения интервокального согласного *г*.

Словоформа *баарчык* ‘грач, галка’ является общей для теленгитского и алтайского языков. Это слово состоит из корневой морфемы *баар-* и словообразовательного аффикса *-чык*. Долгота в первом слоге также является результатом выпадения интервокального согласного *г* из корня, совпадающего с глаголом *баагыр* ‘кричать, галдеть’; при присоединении аффикса *-чык* слово *баагырчык* подразумевает значение ‘крикун, кричащий, галдящий’.

2) Инлаутный долгий гласный второго слога в тёлёском (чолушманском) говоре по сравнению с долгим гласным первого слога встречается гораздо реже: зафиксировано всего двенадцать словоформ-бисиллабов. В зависимости от типа слога (открытого / закрытого) они подразделяются на три группы.

Первую группу составляют корневые именные словоформы-бисиллабы VCVC: *араай* ‘тихо, тихий’, *ыраак* ‘далёкий, дальний’, *узаак* ‘долгий, долго’, *ораан* ‘страна’.

Тёлёские словоформы *араай*, *ыраак* характерны для всех других говоров улаганского диалекта, употребляются и в чуйском диалекте, в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке. Слово *узаак* характерно и для всех других говоров улаганского диалекта и чуйского диалекта, но теленгитскому долготу гласному *аа* в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке соответствует краткий гласный (*узак*). В словоформе *ораан* с широким негубным гласным второго слога после губного гласного первого наблюдается закономерная для улаганского диалекта особенность. Эта словоформа употребляется и в других говорах улаганского диалекта, кроме чибитского говора, в котором долготу гласному *аа* второго слога соответствует губной долгий гласный *оо*: *ороон*. Эта же словоформа характерна и для чуйского диалекта, диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка.

Происхождение долгих гласных в бисиллабах VCVC, приведённых выше, остается неясным.

Вторую группу составляют тёлёские словоформы-бисиллабы CVCVC: *караан* ‘старый, старик’, *кураан* ‘ягнёнок’, *такаак* ‘курица’, *кудаай* ‘сватья’, *богаак* ‘зоб’.

Бисиллаб CVCVC *кураан* употребляется во всех говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте; он характерен и для диалекта алтай-кижи, в котором употребляется и вариант *кураган*, используемый в алтайском литературном языке. В современном теленгитском языке вариант *кураган* не используется, но он сохранился в антропониме (отчестве) чуйского диалекта. Из сказанного следует, что в слове *кураан* долгий гласный – результат выпадения интервокального согласного *г* из слова *кураган*.

Выпадение интервокального согласного *г* наблюдается и в таких тёлёских, шире в теленгитских, словах, как *караан*, *кудаай*, которым в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке соответствуют слова *карган*, *кудагай*. Слово *карган* является субстантивированной причастной формой *карыган*, производной от глагола *кары* ‘стареть’. Отсюда следует, что долгий гласный в тёлёском слове *караан* образовался в результате выпадения интервокального согласного с последующей ассимиляцией гласного. В процессе выпадения интервокального согласного образовался долгий гласный и в слове *кудаай* (ср. *кудагай*).

Слово *такаак* употребляется, кроме тёлёского говора, и в других говорах улаганского диалекта, за исключением чибитского, в котором используется вариант с ауслаутным долгим гласным: *такаа*. Этот вариант применяется и в чуйском диалекте, а также в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке.

Слово *богаак* употребляется во всех говорах улаганского диалекта, за исключением чибитского, в котором долготу широкому гласному *аа* соответствует краткий губной гласный: *богок*. Этот же вариант характерен и для диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка.

Третью группу составляют словоформы-бисиллабы CVCCVC: *капчаай* ‘быстрый’, ‘быстро’, *каргаак* ‘ворона’, *чокчаай* ‘еловая шишка’.

Тёлёские словоформы-бисиллабы *капчаай*, *каргаак* употребляются во всех других говорах улаганского диалекта. Однако словоформа *чокчаай* в чибитском говоре не употребляется: долготу широкому гласному *аа* в нем соответствует губной гласный *оо*: *чокчоой*. Этот же вариант употребляется и в чуйском диалекте теленгитского языка. Теленгитским *чокчаай*, *чокчоой* в алтайском литературном языке и в диалекте алтай-кижи соответствует слово *чочо-*

гой. Надо полагать, что согласный *г*, выпав из позиции между гласными, создает условие для образования долгого гласного; затем происходит перемещение согласного *г* в первый слог, сопряженное с процессом перехода в глухой согласный *к*. Ср.: *чочогой* – *чокчоой*, *чокчаай*.

Долгому гласному в улаганском слове *капчаай* соответствует в алтайском языке краткий гласный; кроме того, теленгитский согласный *ч* чередуется с согласным *ш*: *капшай*. Вероятно, долгий гласный в теленгитском слове *капчаай* образовался в результате выпадения интервокального согласного *к* (ср. древнетюркское слово *капчыкай*) и перехода гласного *ы* в гласный *а*. Древнетюркская форма сохранилась в фамилии тубаларов в русской транскрипции: *Капчикаев*.

Словоформа *каргаак* ‘ворона’ кроме телёсского говора употребляется и в других говорах улаганского диалекта, а также в курайском говоре чуйского диалекта. В алтайском литературном языке и в диалекте алтай-кижи употребляется вариант с ауслаутным долгим гласным *аа*: *каргаа*. При этом в усть-канском говоре диалекта алтай-кижи встречается также вариант с долгим гласным *аа* в конечном закрытом слоге на сонорный согласный *н*: *каргаан*. Следовательно, ауслаутный долгий гласный в алтайском языке образовался в результате выпадения из слова конечного глухого согласного *к*, отмеченного в теленгитском языке, и конечного сонорного согласного *н*, встречающегося в диалекте алтай-кижи.

3. **Ауслаутный** долгий гласный звук *аа* встречается в словоформах различной слоговой структуры, в зависимости от чего они подразделяются на словоформы-моносиллабы и словоформы-бисиллабы.

1) В телёсском говоре зафиксированы словоформы-моносиллабы CV: *баа* ‘цена’ *саа* ‘шелуха зерна’. Эти словоформы употребляются и в других говорах улаганского диалекта, в чуйском и алтай-кижи диалектах, а также в алтайском литературном языке. О происхождении долготы в этих словах пока трудно сказать что-либо определенное.

2) Словоформ-бисиллабов с ауслаутным долгим гласным *аа*, в отличие от моносиллабов CV, в телёсском говоре гораздо больше. Они в зависимости от открытости или закрытости слога подразделяются на четыре группы.

В первую группу входят телёсские словоформы-бисиллабы VCV: *улаа* ‘укромное (незаметное) место у порога’, *абаа* ‘старший брат отца’, *укаа* (*сёс*) ‘умное, поучительное (слово)’, *обаа* ‘стог’.

Телёсские словоформы *улаа*, *укаа* характерны для всех других говоров улаганского диалекта, для чуйского диалекта, а также используются в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке. О причинах происхождения долготы в этих словах пока трудно сказать что-либо определённое. Телёсское слово *абаа* употребляется и в других говорах улаганского диалекта, в говорах чуйского диалекта. В отличие от теленгитского языка, в алтайском литературном языке это слово отсутствует; оно не характерно для большинства говоров диалекта алтай-кижи, однако встречается в иодринском подговоре онгудайского говора диалекта алтай-кижи.

Телёсский бисиллаб *обаа* употребляется во всех говорах, за исключением чибитского говора и улаганского диалекта, для которых закономерно использование широкого негубного гласного второго слога после губного гласного первого слога. В телёсском говоре ауслаутный гласный в слове *обаа* не является собственно губным, как в других говорах улаганского диалекта; наблюдается дифтонгизированное произношение ауслаутного звука, в котором слышится сочетание звуков *ао*, иногда – *оа*. Долгому гласному звуку *аа* в остальных говорах улаганского диалекта и в чибитском говоре соответствует долгий гласный *оо*: *обоо*. Этот вариант характерен и для чуйского диалекта теленгитского языка. Он используется и в диалекте алтай-кижи, а также в алтайском литературном языке, в которых параллельно существует и вариант *обого*. С учетом этого варианта следует сделать вывод о том, что долгий гласный образовался в результате выпадения интервокального согласного *г*.

Вторая группа представлена словоформами-бисиллабами CVCV: *кашаа* ‘загон для скота’, *позаа* ‘порог’, *тобаа* ‘кедровая шишка’, *жыраа* ‘кустарник’, *жалаа* ‘грива, гребень’, *жабаа* ‘жеребёнок до двух лет’, *тараа* ‘просо’.

Телёсский бисиллаб *кашаа* характерен и для других говоров улаганского диалекта; употребляется он и в чуйском диалекте. В диалекте алтай-кижи используется вариант с кратким гласным второго слога и закрытым слогом на сонорный согласный: *кажан*. Однако встреча-

ются и варианты *кажаган*, *кажага*. Отсюда следует, что долгота образовалась в результате выпадения интервокального заднеязычного согласного *ɣ*.

Телёский бисиллаб *тобаа* ‘кедровая шишка’ характерен и для других говоров улаганского диалекта, за исключением чибитского говора, в котором широкому негубному гласному *aa* соответствует губной гласный *oo*: *тобоо*. Этот вариант употребляется и в чуйском диалекте теленгитского языка. Улаганскому *тобаа*, чуйскому *тобоо* соответствует вариант *тобого* в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке, из чего следует, что долгий гласный образовался вследствие выпадения интервокального заднеязычного согласного *ɣ*.

Бисиллаб *џозаа* ‘порог’ употребляется во всех говорах улаганского диалекта. Исключение составляет чибитский говор, в котором долгому гласному *aa* соответствует губной долгий гласный *oo* в соответствии с законом губной гармонии: *џозоо*. Этот вариант характерен и для чуйского диалекта теленгитского языка. В диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке используется вариант *бозого*, долгий гласный образовался в результате выпадения интервокального заднеязычного согласного *ɣ*.

Слово *јалаа* является общим для современного теленгитского и алтайского языков. В «Ойротско-русском словаре» слово *јалага* зафиксировано в значениях ‘щетина, гребень’ [Баскаков, 2005. С. 44], исходя из чего следует заключить, что долгий гласный в слове *јалаа* образовался вследствие выпадения интервокального заднеязычного согласного *ɣ*. Этот же процесс произошел и в теленгитском слове *јабаа*, которому в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке соответствует слово *јабага*.

Телёский (чолушманский) бисиллаб *тараа* употребляется и во всех других говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте теленгитского языка. В диалекте алтай-кижи встречаются вариант *тараа* и вариант с кратким гласным *a* второго слога на согласный *n*: *таран*. Вариант с долгим гласным *aa* второго слога на согласный *n* (*тараан*) зафиксирован в «Ойротско-русском словаре» [Там же. С. 142], составленном в основном на материале телеутского языка. Отсюда вытекает, что в телёском говоре и шире в теленгитском языке долгий гласный *aa* образовался вследствие выпадения ауслатного согласного.

Из приведенного выше списка словоформ-бисиллабов CVCV выделяется слово *јыраа*, происхождение долготы в котором пока не ясно.

Третью группу составляют словоформы-бисиллабы CVCCV: *турнаа* ‘журавль’, *курлаа* ‘пояс’, *џаргаа* ‘попынь’, *салаа* ‘промежуток между пальцами’.

Словоформа *турнаа* характерна для всех без исключения говоров улаганского диалекта; она употребляется и в чуйском диалекте теленгитского языка. Теленгитскому долгому гласному *aa* второго слога в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке соответствует краткий гласный *a*: *турна*. Долгий гласный в теленгитском слове *турнаа* образовался вследствие выпадения интервокального заднеязычного согласного *ɣ*, на что указывает турецкий язык, в котором используется слово *турнага*. Этот вариант в южносибирских тюркских языках не зафиксирован.

Словоформы *курлаа*, *паргаа*, *салаа* являются общими для теленгитского и алтайского языков. Происхождение долготы во втором слоге этих словоформ пока объяснить трудно.

В четвертую группу входит словоформа-бисиллаб CCV: *џсаа* ‘телёнок’.

Телёское слово *џсаа* употребляется в языке только пожилых людей. Вариант *џысаа* встречается в языке некоторых пожилых людей, в основном носителей кара-кудюрского, чибинского, балыктуяльского, саратанско-язулинского говоров, в чибитском говоре оба варианта отсутствуют. В говорах улаганского диалекта в значении ‘телёнок’ чаще всего употребляется форма с долгим гласным *oo*: *џоосу*. Исключение составляет чибитский говор, в котором долгому гласному *oo* соответствует краткий гласный: *џосу*. Этот вариант характерен и для говоров чуйского диалекта. Телёская словоформа *псаа* обнаруживается и в кокоринском говоре чуйского диалекта, но в значении ‘теленка яка (сарлыка)’. В значении ‘теленка коровы’ в кокоринском говоре употребляется словоформа *џосу*. В диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке словоформа *псаа* не обнаружена; в значении ‘телёнок’ используется слово с кратким гласным *o* первого слога: *бозу*. Слово *пызаа* используется также в хакасском языке, в кумандинском языке употребляются варианты *псаа*, *пысаа*, в тувинском языке – *бузаа*. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика»

[1997. С. 439] отмечаются формы *byzaw* в казахском, башкирском языках, *bozaw* в татарском, *byzag* в узбекском. Следовательно, в тёлёсском слове *җсаа* и его варианте *җысаа* в других говорах долгий гласный *aa* образовался в результате утраты конечных согласных.

Долгий гласный *aa* в именных некорневых словоформах

В тёлёсском (чолушманском) говоре в некорневых словоформах-бисиллабах долгий гласный *aa* употребляется, как и в корневых словоформах, в анлауте, инлауте и ауслауте.

Анлаутный долгий гласный *aa* в тёлёсском (чолушманском) говоре употребляется в некорневых словоформах-бисиллабах VCVС, CVCVC при морфологическом наращении словообразовательного аффикса *-ын* с узким гласным: *аагын* 'течение' (от глагола *ак* 'течь'), *јаадын* 'лежание, лёжка' (от глагола *јат* 'лежать'). В тёлёсском говоре анлаутный долгий гласный *aa* первого слога встречается и при присоединении словообразовательного аффикса *-и* к глагольной основе с долгим гласным: *аары* 'уставать'. Анлаутный долгий гласный *aa* употребляется и в словоформах со словообразовательным аффиксом (аллофоном) *-ыи* с узким гласным, например: *аалыи* 'взятие' от глагола *ал* 'взять, брать'.

Кроме словоформ, долгота гласного *aa* в которых зависит от словообразовательных аффиксов *-ыи*, *-ым*, в тёлёсском (чолушманском) говоре употребляются и словоформы, в которых длительность гласного звука *aa* зависит от позиции перед узким гласным словоизменяющего аффикса – аффикса категории лица в словоформах-бисиллабах VCV(C): *ааны* 'зверь=его, олень=его', *аашым* 'пища=моя', *аагын* 'белизна=твоя, честность=твоя, чистота=твоя'.

Тёлёсские словоформы *аашым*, *ааны*, *аагын* с аффиксом лица употребляются и в других говорах улаганского диалекта, в чуйском диалекте, не исключаются и в диалекте алтай-кижи, однако не характерны для алтайского литературного языка.

В тёлёсском (чолушманском) говоре анлаутный гласный удлинняется и в позиции перед узким гласным показателя винительного падежа в бисиллабе VCV: *ааны* 'его'.

Тёлёсская словоформа *ааны* от местоимения *ол* 'он' находит соответствие в тубаларском, чалканском, кумандинском языках. Однако в других говорах улаганского диалекта и в чуйском диалекте используется вариант с анлаутным долгим гласным: *ооны*; в алтайском литературном языке ему соответствует вариант с анлаутным кратким гласным: *оны*. В отличие от алтайского литературного языка, в диалекте алтай-кижи употребляются оба варианта: *ооны*, *оны*.

В отличие от всех других говоров улаганского диалекта, в тёлёсском (чолушманском) говоре употребляется словоформа-моносиллаб V: *aa* 'ему'.

При наращении словообразовательного аллофона *-ыи* с узким гласным образуется и **инлаутный** долгий гласный *aa* первого слога в бисиллабах CVCVC, например: *јаарыи* 'уход' (от *јар* 'уходить'), *каалыи* 'прыгание, прыжок' (*кал* 'прыгать'), *саалыи* 'складывание' (от *сал* 'складывать') и др.

В тёлёсском говоре анлаутный и инлаутный долгий гласный *aa* в именных некорневых словоформах появляется и при наращении словообразовательными аффиксами с кратким гласным *-ым*, *-ыт*, например: *аалым* 'брать обратно то, что отдал сам' (от *ал* 'брать'), *саалым* 'судьба' (от *сал* 'класть, положить'), *јаасыт* 'ходьба, хождение' (от *јас* 'ходить') и др.

Приведённые выше тёлёсские некорневые словоформы с долгим гласным *aa* употребляются и в других говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте теленгитского языка. Теленгитскому долготу гласному *aa* в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке соответствует краткий гласный.

Инлаутный долгий гласный *aa* первого слога образуется при наращении словообразовательного аффикса *-ык* с узким гласным: *каасык* 'кол'.

В тёлёсском (чолушманском) говоре ауслаутный долгий гласный *aa* употребляется и в производной именной словоформе *оаа* 'древний, прежний, былой'. Долгота в этом слове образовалась вследствие выпадения интервокального заднеязычного согласного *г* из слова *оаагы*, в котором долгий гласный, в свою очередь, образовался в результате утраты интервокального согласного *д* в слове *оадагы*.

Словоформа *озаагы* с вариантами употребляется и в других говорах улаганского диалекта, кроме чибитского, в котором используются варианты с узким губным гласным: *озогы*, *озодогы*. Эти варианты характерны и для чуйского диалекта, а также для диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка.

Долгота гласного *aa* первого слога в тёлёском (чолушманском) говоре наблюдается и в словоформах-бисиллабах при морфологическом наращении аффикса 1-го л. мн. ч. с долгим узким губным гласным: *һааһуус* 'головы=наши'.

В тёлёском говоре долгий гласный первого слога употребляется и в позиции перед последующим широким гласным *a* аффикса 2-го л. мн. ч.: *һааһаар* 'головы=ваши'. Эта форма характерна и для других говоров улаганского диалекта. В алтайском литературном языке используется вариант *баһыгар*, из чего следует, что долгий гласный *aa* в улаганском диалекте образовался в результате выпадения интервокального согласного *г*. Улаганскому долговому гласному *aa* первого и второго слога в чуйском диалекте соответствует вариант с кратким гласным первого и второго слога: *һаһар*. Этот вариант употребляется и в диалекте алтай-кижи, в котором, кроме этого, используются варианты *баһар*, *баһыгар*.

В тёлёском (чолушманском) говоре, кроме перечисленных словоформ с анлаутным и инлаутным долгим гласным *aa*, употребляются и словоформы с ауслаутным долгим гласным *aa*.

Ауслаутный долгий гласный *aa* обнаруживается при наращении аффикса дательного падежа:

1) в словоформах-моносиллабах CV: *маа* 'мне' (от *мэн* 'я'), *саа* 'тебе' (от *сэн* 'ты');

2) в словоформах-бисиллабах CVCV: *һалаа* 'ребёнку' (от *бала* 'ребёнок'), *тураа* 'дому, в дом' и др.

Тёлёские словоформы *маа*, *саа* находят соответствия и в других говорах улаганского диалекта, в которых встречается, хотя и очень редко, вариант *мага*, *сага*; долгий гласный *aa* появляется в результате выпадения интервокального заднеязычного согласного *г*. Исключение составляет чибитский говор улаганского диалекта, в котором долговому гласному *aa* соответствует долгий гласный *эа*: *мээ*, *сээ*. Этот вариант характерен и для курайского говора чуйского диалекта. В чибитском и курайском говорах, кроме этого, употребляется вариант *мээгэ*, *сээгэ*, который характерен и для других говоров чуйского диалекта, а также фиксируется в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке.

Тёлёские словоформы *һалаа*, *тураа* характерны и для других говоров улаганского диалекта, за исключением чибитского говора, в котором употребляется вариант с интервокальным согласным *г*: *балага*. Этот вариант присущ чуйскому диалекту, диалекту алтай-кижи и алтайскому литературному языку. Соответственно, долгий гласный *aa* образовался в результате выпадения согласного *г* в аффиксе дательного падежа.

В тёлёском (чолушманском) говоре ауслаутный долгий гласный *aa* употребляется и в словоформе *һаа* 'сюда' от местоимения *һу* 'это'. В значении 'сюда' в тёлёском говоре чаще всего используются варианты, в которых наблюдается дифтонгообразное произношение: *һуа*, *һоа*. В остальных говорах улаганского диалекта, за исключением чибитского говора, тёлёскому слову с долгим гласным *aa* и вариантам с дифтонгами *уа*, *оа* соответствуют варианты *бога*, *боо*. Отсюда следует, что долгий гласный образовался в результате утраты интервокального заднеязычного согласного *г*. Кроме того, при присоединении аффикса дательного падежа в тёлёском говоре наблюдается чередование в корне гласных *у / а*, в остальных говорах улаганского диалекта – чередование гласных *у / о*.

В отличие от остальных говоров улаганского диалекта, в чибитском говоре используется вариант *бого*, который характерен и для чуйского диалекта, употребляется в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке.

Как следствие выпадения интервокального согласного *г* в аффиксе рассматривается и ауслаутный долгий гласный в тёлёских именных некорневых словоформах-бисиллабах CVCV: *һуттаа* 'находящийся на ноге', *һыттаа* 'находящийся на лиственнице', *кыр=даа* 'находящийся на горе', *курдаа* 'находящийся на поясе, ремне' и др.

Тёлёские словоформы *һуттаа*, *һыттаа*, *кыр=даа* характерны и для других говоров улаганского диалекта, за исключением чибитского, в котором употребляется вариант *һуттагы*,

характерный и для чуйского диалекта; он употребляется в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке.

Ауслаутный долгий гласный *aa* в тёлёсском (чолушманском) говоре употребляется и в трехслоговых словоформах CVCVCV: *турадаа* 'находящийся в доме', *чаладаа* 'находящийся у ребёнка', *кармандаа* 'находящийся в кармане' и др. Эти словоформы применяются и в других говорах улаганского диалекта, за исключением чибитского говора, в котором используется вариант с интервокальным заднеязычным согласным в составе словообразовательного алломорфа *-дагы*. Такой вариант характерен для чуйского диалекта, диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка. Отсюда следует, что ауслаутный долгий гласный *aa* является результатом выпадения интервокального согласного *ɣ* и последующей ассимиляции.

Долгий гласный *aa* в заимствованиях из русского языка

В тёлёсском (чолушманском) говоре анлаутный долгий гласный *aa* появляется в таких словоформах-бисиллабах, как: *Ааня, Аанна, Ааля, Аася*. Эти антропонимы характерны для всех других говоров улаганского диалекта, но в диалекте алтай-кижи и в алтайском литературном языке русские имена фонетическому преобразованию не подвергаются. В русском языке, как известно, долгие гласные отсутствуют; в словах *Аня, Аля, Анна, Ася* начальный гласный является ударным, долгий гласный в тёлёсском говоре замещает ударный гласный, т. е. следует говорить о заместительном удлинении.

Заместительное удлинение гласного *aa* в тёлёсском (чолушманском) говоре встречается и в инлауте словоформ-моносиллабов CVC: *Сааиш, Мааиш, Клаап*. Эти же варианты антропонимов характерны и для других говоров улаганского диалекта. В русском языке в антропонимах *Саша, Маша, Клава* гласный первого слога является ударным, в улаганском диалекте он замещается долгим гласным.

Долгота инлаутного долгого гласного первого слога в тёлёсском говоре проявляется и в словоформах-бисиллабах CVCV: *Дааиша, Сааиша, Бааля(и), Наадя(и), Кааля(н)*. Эти же антропонимы характерны для некоторых говоров улаганского диалекта. В русском языке гласный первого слога является ударным: *Даша, Саша, Валя, Галя*. Инлаутный долгий гласный *aa* в тёлёсских бисиллабах замещает ударный гласный в русских словах.

Долгий гласный *aa* второго слога в тёлёсском (чолушманском) говоре встречается в словоформах *Аркаа́йый, Аркааиш, Натааиш*. Ударный гласный русских слов в улаганских антропонимах замещается долгим гласным.

Кроме приведённых выше словоформ в тёлёсском (чолушманском) говоре встречается и словоформа-бисиллаб с долгим гласным *кааиша*. В этом заимствовании ударный гласный первого слога в тёлёсском говоре заменяется долгим гласным *aa*.

Анализ долгого гласного звука *aa* в тёлёсском (чолушманском) говоре теленгитского языка показал, что он употребляется в корневых и некорневых именных словоформах различной слоговой структуры. Зафиксировано 86 корневых словоформ с долгим гласным *aa* различной слоговой структуры, 72 словоформы являются бисиллабами, 14 % – моносиллабами.

В тёлёсском (чолушманском) говоре в корневых именных словоформах долгий гласный *aa* употребляется в анлауте, инлауте, ауслауте моносиллабов и бисиллабов различной слоговой структуры, при этом инлаутный долгий гласный *aa* встречается чаще, чем анлаутный и ауслаутный долгий гласный *aa*.

Из общего числа тёлёсских корневых именных словоформ 58 составляют словоформы с вторичным долгим гласным *aa*, 18 – словоформы с так называемой первичной долготой, на этом основании можно согласиться с утверждением В. Радлова, что долгота первоначально не была присуща тюркским языкам, в том числе языку тёлёсов.

Сопоставление некорневых словоформ с долгим гласным *aa* тёлёсского (чолушманского) говора с данными других говоров улаганского и чуйского диалектов, а также с материалами диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка, а также с привлечением данных некоторых других тюркских языков позволило сделать следующие выводы.

1. В тёлёсском (чолушманском) говоре, как и в других говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте теленгитского языка, долгий гласный *aa* в корневых словофор-

мах образовался в позиции перед узкими гласными *ы, у* последующего слога. В этом состоит отличие от диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка, в которых используется вариант с кратким гласным *а*.

2. В тёлёском (чолушманском) говоре, как и в других говорах улаганского диалекта и в чуйском диалекте, долгий гласный *aa* появляется при присоединении словообразовательного аффикса с узким гласным, этим перечисленные диалекты и говоры отличаются от диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка. В тёлёском (чолушманском) говоре, как и в других говорах улаганского диалекта и в чуйском диалекте, а также в диалекте алтай-кижи, в отличие от алтайского литературного языка, долгий гласный *aa* образуется при присоединении словоизменительного посессивного аффикса с узким гласным. Таким образом, в улаганском и чуйском диалектах теленгитского языка долгота появляется при морфологическом наращении перед последующим узким гласным. По данному признаку в эту же группу попадают чулымско-тюркский язык, диалекты хакасского, алтайского и шорского языков [Широбокова, 2005. С. 190].

3. Сопоставительный анализ тёлёского (чолушманского) говора с чуйским диалектом, диалектом алтай-кижи и алтайским литературным языком позволил сделать вывод о том, что вторичный долгий гласный *aa* образовался в результате выпадения интервокальных согласных *з, й, д*, а также утраты ауслатных согласных *к, н, в*.

4. Для тёлёского (чолушманского) и других говоров, а также для чуйского диалекта характерна также заместительная длительность, которая возникает в некорневых словоформах-заимствованиях: долгий гласный *aa* замещает ударный гласный в словах, заимствованных из русского языка, чем теленгитский язык в целом отличается от диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка, в которых заместительная долгота отсутствует.

5. В тёлёском (чолушманском) говоре во втором слоге бисиллабов после губного гласного *о* первого слога стоит долгий гласный *aa*, этим данный говор отличается от чибитского говора, чуйского диалекта, диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка, в которых во втором слоге, согласно закону губной гармонии, после губного гласного *о* первого слога следует губной гласный. Ср.: *обаа, богаак – обого (обоо), богок*.

В тёлёском говоре и в большинстве говоров улаганского диалекта теленгитского языка долгий гласный *aa* образуется в основном в позиции перед узким гласным последующего слога, чем язык улаганских теленгитов существенно отличается от алтайского языка. Удлинение широкого гласного перед узким характерно для казахского, киргизского, башкирского, чувашского, азербайджанского языков, т. е. является типологически общим для языков кыпчакских или сильно кыпчакизированных [Селютина, 1998. С. 49], к числу которых можно отнести и улаганский диалект теленгитского языка.

Сопоставительный анализ фонетических особенностей в связи с употреблением долгого гласного *aa* позволил попутно выявить сходства и различия и на лексическом уровне: 1) словоформы, характерные только для тёлёского говора; 2) словоформы, характерные только для улаганского диалекта; 3) словоформы, общие для улаганского и чуйского диалектов, т. е. теленгитские слова, отсутствующие в алтайском языке; 4) слова, общие для теленгитского и алтайского языков; 5) словоформы, которые употребляются только в диалекте алтай-кижи; 6) словоформы, характерные только для алтайского литературного языка; 7) тёлёские слова, которые обнаруживают сходство с другими тюркскими (кумандинским, хакасским и др.) языками.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. Система гласных фонем в тёлёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вестн. РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 4. С. 556–570.

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. шк., 1969. 380 с.

Баскаков Н. А. Алтайский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Баскаков Н. А. Ойротско-русский словарь. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2005. 312 с.

Бишиев А. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа: БФАН, 1963. 126 с.

- Боргояков М. И.* Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учен. зап. НИИ языка, литературы и истории. Абакан, 1966. С. 81–98.
- Дыбо А. В.* О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестн. НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 1. С. 6–14.
- Маисталир С. И.* Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 74–78.
- Селютина И. Я.* Кумандинский вокализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 182 с.
- Селютина И. Я.* Фонетика языков народов Сибири. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. 101 с.
- Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А.* Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск, 2013. 250 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика.* М.: Наука, 1997. 799 с.
- Шалданова А. А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: Тип. ИД «Сова», 2007. 279 с.
- Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из восточного Туркестана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 203 с.
- Широбокова Н. Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.
- Böhtling J.* Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg, 1851.
- Castren M.* Versuch einer koibalischen und karagaischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1857.
- Radloff W.* Zur Geschichte des Türksprachen Vocalsystems // Изв. Академии наук. СПб., 1901. Т. 14, № 4.

Материал поступил в редколлегию 30.11.2017

N. D. Almadakova

*Gorno-Altai State University
1 Lenkina Str., Gorno-Altai, 649000, Russian Federation*

ndalmadakova@mail

**A LONG VOWEL SOUND [a]
IN NOMINAL WORD FORMS OF THE TOLES SUBDIALECT
IN THE ULAGAN DIALECT OF THE TELENGIT LANGUAGE
(A COMPARATIVE ASPECT)**

This article considered the nominal word forms with a long vowel [a] in the Toles (cholushman) dialect of the Ulagan dialect in the Telengit language. The speakers of this dialect live compactly in the settlements of Balykcha, Koo of the Cholushman Valley, located on the southern coasts of the Teletskoye Lake. The novelty of the study is that for the first time the Telengits language is divided into the Ulagan dialect and the Chuya dialect. The Ulagan dialect is the language of Telengits, who live compactly on the territory of the Ulagan district, the Chuy dialect is the Telengits language spoken on the territory of the Kosh-Agachsky District of the Altai Republic. In turn, each dialect is divided into several subdialects. The Ulagan dialect is divided into six subdialects on the basis of geographical position and specific linguistic traits, among which is the Toles (Cholushman) subdialect. The long vowel phonemes of the Ulagan dialect in general and the Toles (cholushman) subdialect in particular had not been researched in detail before. The development of the topic is important and highly promising from a purely scientific point of view since it introduces new research material, reveals the phonetic features of the hitherto unknown language. A long vowel [a] in the Toles (Cholushman) subdialect is used in anlaut, inlaut, and auslaut of nominal word forms.

A long vowel sound [a] in the Toles (Cholushman) subdialect is found in root and non-root nominal word forms; it is used in word-forms-monosyllabs and word forms-bisyllabs of different syllabic structure. Comparative analysis made it possible to conclude that the long vowel [a] was formed in the Toles native root word-forms-monosyllabs mainly as a result of the dropping of the in-lute consonant; in the root word forms-bisyllabs, a long vowel [a] was formed in the position in front of the narrow vowel of the second syllable; in non-root nominal-word forms of bisyllabs, a long vowel [a] was formed when the affixes with a narrow vowel morphologically increased, as well as due to the loss of the intervocal consonant. The Toles (Cholushman) word forms with long vowels [a] find common features with the majority of dialects of the Ulagan dialect, with the exception of the Chibits dialect, which in its phonetic characteristics is close to the Chuya dialect. The Toles (Cholushman) and generally Ulagan word forms with a long vowel [a] reveal both general phonetic features and differences with the Altai-kizhi dialect, but the Ulagan dialect differs significantly from the Altai literary language. It is established that Altai-kizhi dialect and Altaic literary language are not the same, despite the fact that this dialect is the basis of the literary language.

Keywords: the Telengit language, the Ulagan dialect, the Toles Subdialect, Cholushman, the Chuya dialect, the Altai-kizhi dialect, the Altaic literary language, speaking, phoneme, word form, syllable.

References

Almadakova N. D. Sistema glasnykh fonem v tolesskom (cholushmanskoy) govore ulagan-skogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Vowel System in Toles (Cholushman) Subdialect of the Ulagan Dialect of the Telengit Language (Comparative Aspect)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [RUDN Bulletin. Series: Issues of Education: Languages and Speciality], 2017, vol. 14, no. 4, p. 556—570. (in Russ.)

Baskakov N. A. Vvedenie v izucheniye tyurkskikh yazykov [Introduction to Turkic Languages]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1969, 380 p. (in Russ.)

Baskakov N. A. Altaiskii yazyk [Altai Language]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. (in Russ.)

Baskakov N. A. Oirotsko-russkii slovar' (Reprintnoe izdanie) [Oirat-Russian Dictionary (Reprinted Version)]. Gorno-Altaysk, GUP Gorno-Altayskaya respublikanskaya tipografiya Publ., 2005, 312 p. (in Russ.)

Biishev A. Pervichnye dolgie glasnye v tyurkskikh yazykakh [Primary Long Vowels in Turkic Languages]. Ufa, 1963, 126 p. (in Russ.)

Borgojakov M. I. Ob obrazovanii i razvitii nekotorykh dolgikh glasnykh v khakasskom yazyke [On Emergence and Development of Certain Long Vowels in Khakas Language]. *Uchyonye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Scientific notes of the Scientific Research Institute of Language, Literature and History]. Abakan, 1966, p. 81–98. (in Russ.)

Dybo A. V. O pervichnykh dolgotakh v tyurkskikh yazykakh [On Primary Lengths in Turkic Languages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Inter-Cultural Communication], 2015, vol. 13, iss. 1, p. 6–14. (in Russ.)

Mashtalir S. I. Sostav glasnykh fonem v telengitskom dialekte altaiskogo yazyka [The Composition of Vowel Phonemes in the Telengit Dialect of the Altai Language]. *Fonetika yazykov Sibiri* [Siberian Language Phonetics]. Novosibirsk, 1984, p. 74–78. (in Russ.)

Selyutina I. Ya. Kumandinskii vokalizm [Kumandy Vocalism]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1998, 182 p. (in Russ.)

Selyutina I. Ya. Fonetika yazykov narodov Sibiri [Phonetics of Languages of Siberian Peoples]. Gorno-Altaysk, Univer-Print, 2002, 101 p. (in Russ.)

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Esenbaeva G. A. Atlas konsonantnykh artikulyatsii v tyurkskikh yazykakh narodov Sibiri [Atlas of Consonant Articulations in the Turkic Languages of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk, NGU Publ., 2013, 250 p. (in Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 799 p. (in Russ.)

Shaldanova A. A. Vokalizm dialekta altai-kizhi v sopostavitel'nom aspekte [The Vocalism of the dialect of Altai-Kizhi in a Comparative Aspect]. Ed. by I. Ya. Selyutina. Novosibirsk, Sova Publ., 2007, 279 p. (in Russ.)

Scherbak A. M. Grammaticheskii ocherk yazyka tyurkskikh tekstov X–XIII vv. iz vostochnogo Turkestana [Grammatical Overview of Language of X–XIII Century Turkic Texts from Eastern Turkestan]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1961, 2013 p. (in Russ.)

Shirobokova N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoi Sibiri [Relationship between the Yakut Language and Turkic Languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 268 p. (in Russ.)

Böhtling J. Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg, 1851.

Castren M. Versuch einer koibalischen und karagaischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1857.

Radloff W. Zur Geschichte des Türksprachen Vocalsystems. *Izvestia AN* [*AN Bulletin*]. St. Petersburg, 1901, vol. 14, no. 4.

М. Д. Абжапарова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

maiya7_7_787@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С АЛТАЙСКИМ, ТАТАРСКИМ, АНГЛИЙСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

Рассматривается процесс развития триады цветов *белый – черный – красный* на примере казахского языка в сравнении с алтайским, татарским, английским и русским языками, а также связанные с ними ассоциативные поля и фразеологизмы. Цвет составляет важнейшую часть зрительной информации. Набор цветообозначений в языках мира часто не совпадает, именно поэтому основным условием коммуникации считается фоновое знание, т. е. знание реалий и культуры. В цветовой картине мира фиксируются цветовые представления под влиянием психофизиологического и культурно-исторического опыта, отражающего универсальный и национальный характер цвета. В данной работе рассматриваются фразеологизмы с элементами цветообозначения *белый, черный, красный* в устном народном творчестве и по материалам художественных произведений классиков казахской литературы, а также произведений русских, татарских, алтайских писателей. Все фразеологизмы, приведенные в работе, условно разделены на три микрогруппы: «Человек: части тела и физиологические процессы», «Общество, законность, право», «Природа и природные явления».

Ключевые слова: цветовая картина мира, цвет, цветообозначение, цветовые ассоциации, фразеологизмы, лингвокультура.

Цветовая картина мира органично входит в языковую картину мира и реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах. Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета. Это межуровневая семантическая категория, насыщенная в языке образными смыслами и ассоциациями. По мнению Н. Н. Амосовой, «цвета играют большую роль в формировании языковой картины мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [2015. С. 74].

Предметом исследования в данной статье выступают ассоциативные поля и фразеологизмы, связанные белым, черным и красным цветами. Данный выбор цветов обусловлен тем, что триаду *белый – черный – красный* считают основными цветами, раньше всех появившимися в человеческой культуре. Первые два символизируют свет и тьму, третий – огонь.

У каждого народа свои цветовые ассоциации, поэтому интересно рассмотреть процесс развития триады *белый – черный – красный* на примере казахского языка в сравнении с алтайским, татарским, английским и русским языками. Этимологический анализ прилагательных-цветообозначений показывает, что их ассоциативными полями являются следующие: свет, тьма, огонь, мистика, нечистая сила, радость, природные явления, (не)законность, добродетель, порок, благородство, социальное положение, политические пристрастия.

Абжапарова М. Д. Значение цветоименований в казахском языке в сравнении с алтайским, татарским, английским и русским языками // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 115–122.

В данной работе фразеологизмы с цветообозначениями *белый, черный, красный* получены путем выборки из произведений устного народного творчества и художественных произведений классиков казахской литературы М. Ауэзова, И. Есенберлина, С. Муканова, Г. Мусрепова, а также произведений русских, татарских, алтайских писателей.

Все фразеологизмы, приведенные в работе, разделены на три микрогруппы: «Человек: части тела и физиологические процессы», «Общество, законность, право», «Природа и природные явления».

Белый цвет. Ассоциативные поля. *Белый цвет* в казахской культуре означает человечность, невинность, благие намерения, справедливость, доброту, достаток. По мнению Б. Утешевой, в традиционной культуре казахов белый цвет является сакральным – это символ чистоты, непорочности, справедливости, а также высокого социального положения.

В традиционной культуре алтайского народа белый цвет символизирует божественное начало, святость, чистоту, мудрость и почитается с давних времен.

В татарской символике значения белого также позитивны: белый означает благо, радость, чистоту, здоровье, приумножение потомства, мир и согласие.

У русских белый цвет символизирует чистоту и невинность, ясность, красоту, праздник, божественный свет, истину.

В английском языке, как и в русском, белый цвет имеет ассоциации со светом, блеском, яркостью, сиянием. И в английском, и в русском языке он может обозначать умственный труд, в отличие от тяжелого и «грязного» физического. У *белого* в английском и русском есть и негативные значения: болезнь, страх, испуг, одиночество, волнение, трусость.

В казахском языке мы выделили следующие тематические группы с прилагательным *белый*.

1. Человек: части тела, физиологические процессы

ақ жүрек – букв. белое сердце; *перен.* чистосердечный, честный, добрый, душевный (о человеке);

ақ көңіл – букв. белый настрой; *перен.* добродушный, благородный, светлая душа;

ақ жан – букв. белая душа; *перен.* чистая душа;

ақ табан – букв. белая ступня, подошва; *перен.* изможденный, усталый, доходяга;

ақ сазандай – букв. как белый сазан; *перен.* о белизне женского тела;

ақ маңдай – букв. белолобый; *перен.* белоликая, светлоликая;

ақ дидар – букв. белый лик; *перен.* белолица, светлолица;

ақ сақалды – букв. белый бородач; *перен.* белобородый аксакал;

ақ жаулық – букв. белый большой платок; *перен.* мать, жена;

ақ бас – букв. белая голова; *перен.* светлая голова.

2. Общество, законность, право

ақ саусақ – букв. белые пальцы; *перен.* белоручка, аристократка;

ақ сүйек – букв. белая кость; *перен.* высшая каста, аристократ;

ақ орда – букв. белая юрта; *перен.* ханская ставка, где живут аристократы;

ақ үй – букв. белый дом; *перен.* дом правителя;

ақ кигізге көтерді – букв. подняли на белой кошме; *перен.* выбрали правителем;

ақ өлең – букв. белая песня; *перен.* слова, рифмующиеся в стихотворной форме;

ақ ниет – букв. белые намерения; *перен.* добрые пожелания;

ақ түйенің қарны жарылу – букв. белого верблюда взрывается живот; *перен.* благая весть;

ақ тілеу – букв. белая просьба; *перен.* чистые пожелания;

ақ тандак – букв. белое пятно; *перен.* неопознанные факты в истории общества.

3. Природа и природные явления

ақ жауын – букв. белый дождь; *перен.* моросящий дождь;

ақ жайлау – букв. белый жайлау¹; *перен.* свежий в середине лета жайлау, благоухающий уголок;

ақ айыл – букв. белая подпруга; *перен.* изъезженный конь.

¹ *Жайлау* – летние пастбища в горах Средней Азии, Алтая, Кавказа, Крыма.

В алтайском, татарском, русском и английском языках можно выделить такие же микрогруппы. В рамках данной статьи приведем лишь отдельные примеры.

Алтайский язык: *ак жүректү* ‘добросердечный, отзывчивый’ (букв.: с белым сердцем) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *ак жаң* ‘белая вера’, *ак сағыш* ‘чистые помыслы, благие намерения’ → «Общество, законность, право»; *ак карла* ‘свежий белый снег’ → «Природа и природные явления» и др.

Татарский язык: *ак сакаллы* (букв.: белобородый – о старце), *ак йөзле* (букв.: белолицая – о красоте лица), *аксыл* (белокурый – о волосах) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *аксәяк* (букв.: белоручка – о лени, нежелании что-то делать), *ак юл* (букв.: белая дорога – в значении ‘светлый путь’) → «Общество, законность, право»; *кар кебек ап-ак* (букв.: красивый, свежий, чистый – о первом выпавшем снеге), *кардай ак* ‘белоснежный’ (о природе) → «Природа и природные явления» и др.

Русский язык: *белолицый, белозубая* (улыбка), *белобрысый* → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *белый как снег / молоко, белый свет* (в значении ‘весь мир’), *белый голубь* (мир), *белый флаг* (примирение) → «Общество, законность, право»; *белоснежный* (покров), *белым-бело* (о снеге) → «Природа и природные явления» и др.

В русском языке с белым цветом нередко ассоциируются негативные значения. Например: *довести до белого каления* ‘разозлить’, *белая ворона* ‘изгой’. Во фразеологическом словаре Н. Алеференко представлены следующие идиоматические выражения: *показать белое перо* ‘быть побежденным, осмеянным; проявлять трусость’. Происхождение этого значения связано с петушиными боями: красные и темные петухи более агрессивные, и от них обычно достаётся белым птицам, чей хвост заметно редее. Выражение *белая печень* ‘трус’ связано с представлением о том, что печень трусов не имеет крови [Алеференко, 2008. С. 112].

Английский язык: *white face* ‘бледнолицый’, *white-toothed* ‘белозубая’ (улыбка) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *white hope* ‘перспективный человек»; *to mark with a white stone* ‘отметить какой-либо день как особо счастливый»; *white lie* ‘ложь во благо»; *to be whiter than white* ‘быть предельно честным, нравственным»; *lily-white reputation* ‘незапятнанная репутация»; *white hands* ‘честность, незапятнанность, невиновность»; *to have white hands* ‘иметь чистую совесть»; *white light* ‘в объективном освещении»; *white collar job* ‘белые воротнички’ (занятые умственным трудом); *white knight* ‘белый рыцарь’ (добрый, надежный) → «Общество, законность, право»; *snow / milk white* (белый снег / молоко), *snow white winter* ‘белоснежная зима’ → «Природа и природные явления» и др.

В английском языке, как и в русском, белый цвет также символизирует негативные явления – болезнь, страх, испуг, одиночество, волнение: *to be / look white as sheet (ghost, death)* ‘очень сильно побледнеть’ (обычно от страха или волнения); *to be white-hot* ‘быть разъяренным, доведенным до белого каления’, *white feather / liver* ‘трус’.

Черный цвет. Ассоциативные поля. В тюркских языках черный цвет *кара* несет не только отрицательный оттенок (плохой, скверный), но и положительный – великий, сильный, народ.

Қара ‘черный’ в казахском языке, согласно «Толковому казахско-русскому словарю» и исследованиям фразеологии казахского языка [Танабаева, 2001. С. 73–75], образует следующие специфические значения: 1) очень сильный, в высшей степени (о ветре, морозе) – *қара қыс* ‘самое холодное время зимы’, *қара суық* ‘сильный мороз»; 2) большой, крупный, обильный – *қара мал* ‘о крупном рогатом скоте’, *қара тер* ‘сильный, обильный пот»; 3) уважаемый, почитаемый – *қара шанырақ* ‘отчий дом предков; уважаемый, почитаемый дом»; 4) обучение грамоте, письму – букв.: *қара / хат тану*; 5) единственный, самый близкий и дорогой – букв.: *көзімнің ағы мен қарасындай*; 6) проза, слова назидания – букв.: *қара сөз*; 7) простой, необразованный, неграмотный (черный народ, «чернь») – букв.: *қара халық, қара бұқара, қара қазақ, қара жұрт*; «нищий, босаяк» – букв.: *қаракедей*, «незнатного происхождения» – букв.: *қара сүйек*; 8) казахи, вообще все азиаты – букв.: *қара көздер*; 9) жестокий, суровый, немилосердный – букв.: *қара көңіл, қара жүрек*; 10) осрамлённый – букв.: *қара бет*; 11) проклятие, пожелание зла – букв.: *Қара басқыр! Саған бір қара көрінер* ‘Пусть тебя настигнет беда»; 12) безвкусная, постная пища – букв.: *қара сорпа, қара көже, қара ет, қара нан, қара айран*.

В алтайском языке слово *кара* ‘черный’, как и в казахском, функционирует более чем в двадцати разных значениях. В целом в казахском и алтайском языках это слово отличается широтой употребления и продуктивностью.

В отличие от казахского и алтайского языков, в татарском языке черный цвет обладает наиболее конкретной и однозначной символикой, которая ассоциируется с мраком, землей, смертью и выступает как знак траура, зла.

В русской и английской культурах черный цвет однозначно воспринимается как цвет смерти, часто является символом неоднозначности, тайны и неизвестности.

В казахском языке выделяются следующие тематические группы с прилагательным *черный*.

1. Человек: части тела, физиологические процессы

кара басу – букв. быть подвергнутым нападкам чего-то черного; *перен.* черт попутал, бес на него свалился;

кара бет – букв. черное лицо; *перен.* опозорившийся, совершивший нехороший поступок;

кара куш – букв. черная сила; *перен.* физическая сила;

кара тер – букв. черный пот; *перен.* сильный (обильный) пот;

көзімнің ағы мен қарасындай – букв. как белок и зрачок глаз; *перен.* единственный, самый близкий и дорогой;

кара көңіл, қара жүрек – букв. черное душевное состояние, черное сердце; *перен.* жестокий, суровый, немилосердный;

құлағының ұшына дейін қызару – букв. покраснеть до кончиков ушей, стыдно очень.

2. Общество, законность, право

кара шекпен – букв. черный халат – чекмен; *перен.* русские крестьяне – переселенцы (до-революционный период);

кара халық – букв. черный народ; *перен.* простой, необразованный, неграмотный;

кара кағаз – букв. черная бумага; *перен.* извещение о смерти (человека на войне);

кара сөз – букв. черное слово; *перен.* проза, прозаическое слово, слова назидания;

кара тану – букв. узнавать, познавать черное; *перен.* научиться грамоте, читать, писать;

кара шаңырақ – букв. черный деревянный купол юрты; *перен.* уважаемый, почитаемый дом старика, родной дом;

Қара басқыр! Саған бір қара көрінер – букв. Черный хребет горы! Пусть тебе одно черное виднеется; *перен.* пусть тебя настигнет беда;

кара сорпа, қара көже, қара ет, қара нан, қара құрт, қара айран – букв. черный суп, черное мясо, черный хлеб, черный творог, черный кефир; *перен.* безвкусная, постная пища.

кара жапты – букв. черное принуждение; *перен.* оклеветать.

3. Природа и природные явления

кара суық – букв. черный мороз; *перен.* мороз без снега;

кара су – букв. черная вода; *перен.* родниковая вода, чай без молока, без жира;

кара мал – букв. черный скот; *перен.* крупный рогатый скот (корова, лошадь, верблюд);

кара жауын – букв. черный дождь; *перен.* сильный проливной дождь;

кара қыс – букв. черная зима; *перен.* самое холодное время зимы;

кара күз – букв. черная осень; *перен.* поздняя осень;

кара жел – букв. черный ветер; *перен.* пронизывающий ветер.

В алтайском, татарском, русском и английском языках прилагательное *черный*, как и прилагательное *белый*, встречается во всех трех рассматриваемых микрогруппах.

Алтайский язык: *кара албанла* ‘слезы, плач’ (букв.: выжимание сыра), *кара көс* ‘черные глаза’, *кара бөкбө* ‘настоящий силач’ (букв.: черный силач) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *каралу* ‘виновник, злоумышленник’, *кара јон* ‘простой народ’, *кара јоктуға* ‘большая нищета’ → «Общество, законность, право»; *кара суу* ‘родник, ключ, ручей, река с прозрачной водой’ → «Природа и природные явления» и др.

Татарский язык. Н. В. Кононов отмечает, что лексема *кара* в татарских словарях представлена в следующих значениях: «1) черный, темный, мрачный, суровый, печальный, несча-

стный, 2) скот, толпа, народ, войско, 3) суша, земля, 4) холм, сопка, высокий бугор» [Кононов, 1976. С. 160].

Кара чәчле ‘черноголовый, черноволосый’, *кара тәнле* ‘чернокожий’, *кара кашлы* ‘чернобровый’ → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *кара эшче* ‘чернорабочий’, *бик кара кеше* ‘очень черный (злой, плохой) человек’, *кара эш эшлеу* ‘(делать) черновую работу’ → «Общество, законность, право»; *кара тирэк* ‘чернозем’, *карурман* ‘чернолесье’ → «Природа и природные явления» и др.

Русский язык: *черноокий, чернобровый, чернокожий, чернавка* (о цвете глаз, бровей, кожи) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *черный рынок* ‘незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля’, *черный нал* ‘не проводимый официально доход, деньги’, *черные силы* (перен.: неблагодарность, зависть) → «Общество, законность, право»; *черное золото* ‘нефть’, *черные земли* ‘земли, не покрываемые зимой снегом’ → «Природа и природные явления» и др.

Английский язык: *black eyed* ‘подбитый глаз’, *black looks, black as sin* ‘мрачнее тучи’, *black dog* ‘дурное настроение’, *to look black* ‘становиться мрачнее тучи’ → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *black letter day* ‘трагический день’, *the black death* ‘черная смерть, перен.: страшная смерть’, *black ingratitude* ‘черная неблагодарность’ → «Общество, законность, право»; *black waters* ‘черные воды’ (букв.: глубоководье), *black clouds* ‘черные тучи’ (букв.: непогода, ненастье) → «Природа и природные явления» и др.

Красный цвет. Ассоциативные поля. В казахской культуре красный цвет связан со светом, это положительный символ сильных эмоций – Солнце, Огонь и Кровь как признак жизни, красоты.

В мировосприятии алтайцев красный цвет ассоциируется с кровью и олицетворяет физическую силу, мощь, молодость, красоту и здоровье. В целом в культурологическом аспекте алтайцами красный цвет воспринимается как хороший, благоприятный.

В татарском языке красный цвет имеет значения ‘красота’, ‘плодородие’, ‘здоровье’.

В русском языке красный – это цвет жизни, солнца, плодородия, здоровья и цвет потустороннего мира, хтонических и демонических персонажей. Красный цвет наделяется защитными свойствами и используется как оберег. Особо значимы в народных представлениях красная нить, красное полотно, красное яйцо.

В английском языке красный цвет связывают с кровью, при описании цвета волос человека или шерсти животного используются соответствующие слова, но он носит также злое, зловещий характер и в древней магии символизирует злые силы.

В казахском языке выделяются следующие подгруппы с прилагательным *красный*:

1. Человек: части тела, физиологические процессы

қызыл бет – букв. красное лицо; *перен.* с румяным миловидным лицом;
қызыл шырайлы – букв. красная девушка; *перен.* красивая девушка;
қызыл ескертпе – букв. красное (мудрое) слово; *перен.* остроумие;
қызыл бұрыш – букв. красный перец; *перен.* красный (острый) язык – о язвительном, насмешливом человеке.

2. Общество, законность, право

қызыл ту – букв. красный флаг; *перен.* неокрепший, новорожденный;
қызыл әскер – букв. красная армия (при советской власти).

3. Природа и природные явления

қызыл зауал – букв. красный закат; *перен.* красивый закат;
қызыл балық – букв. красная рыба; *перен.* рыба с красным мясом.

Алтайский язык: *кызыл качарын* (букв.: румянец, румяные щеки), *кызылzymак* (букв.: рыжеватый, употребляется при описании цвета волос, бороды человека) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *кызыл шалдан* ‘нищий’, *кызыл бут* ‘бедный’, *кызыл колдын кучиле* ‘собственными силами’ (букв.: силами красных рук) → «Общество, законность, право»; *кызыл тас* (букв.: абсолютно лысые (о горах)), *кызыл марал* (багульник, цветок), *кызыл кун* (букв.: красное солнце) → «Природа и природные явления» и др.

Татарский язык: *кызыл яңаклы* ‘краснощекий’, *кызыл битле* ‘краснолицый’ → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *кызыл почмагы* ‘красный уголок’, *кызыл йолдызы* ‘краснозвездный’, *кызыл теллек* ‘краснобайство’ → «Общество, законность, право»; *кызыл агча* ‘красное дерево’, *кызыл балык* ‘красная рыба’, *кызыл туфрак* ‘краснозем’ → «Природа и природные явления» и др.

Русский язык: *красная девица* (красивая), *красный молодец* (богатырь), *красные*, как *маков цвет* (о щеках) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *красная армия*, *красный командир* (политические характеристики) → «Общество, законность, право»; *весна-красна*, *красная зорька* (о красоте природы) → «Природа и природные явления» и др.

Английский язык: *flushed in the face with shame, anger, etc.* ‘покраснеть от стыда, гнева и др.’; *(of the eyes) bloodshot or red-rimmed* ‘красно-красный цвет или налитые кровью’ (о глазах); *(of the hair) reddish-brown, tawny* ‘красновато-коричневые, рыжеватокоричневые’ (о волосах) → «Человек: части тела и физиологические процессы»; *red sunset* ‘красный закат’, *red currant* ‘красная смородина’ → «Природа и природные явления» и др.

Таким образом, анализ прилагательных-цветообозначений из триады *белый – черный – красный* показывает, что их ассоциативными полями являются следующие: свет, тьма, огонь, мистика, нечистая сила, радость, природные явления, законность, добродетель, порок, благородство, социальное положение, политические пристрастия. В таблице приведены совпадения и различия в ассоциативных полях в пяти сравниваемых языках.

Ассоциативные поля *белый – черный – красный*
в казахском, алтайском, татарском, русском и английском языках

Ассоциативное поле	Язык				
	казахский	алтайский	татарский	русский	английский
Свет	ақ	ак	ак	белый	white
Тьма	қара	кара	кара	черный	black
Огонь	қызыл	кызыл	кызыл	красный, черный	red, black
Радость	—	кызыл	—	красный	red
Добродетель	ақ	ак	ак	белый	white
Благородство	ақ	ак	ак	белый	white
Социальное положение	ақ, қара	ак, кара	ак, кара	белый, черный, красный	white, black, red
Политические пристрастия	ақ, қара, қызыл	ак, кара	ак, кара	белый, красный	red
Природные явления	ақ, қара, қызыл	ак, кара, кызыл	ак, кара, кызыл	белый, черный, красный	white, black, red
Законность, право	кара	кара	кара	черный	black
Порок	кара	кара	кара	черный	black
Мистика	ақ, қара	ак, кара	ак, кара	белый, черный	white, black
Нечистая сила	қара	кара	кара	черный	black, red

Большое количество совпадений в тюркских языках позволяет сделать вывод, что ассоциативные поля во многом определяются единым происхождением прилагательных-цветообозначений в анализируемых языках, хотя историческое развитие придало им специфические черты в рамках национальных лингвокультур.

Список литературы

- Алеференко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 272 с.
- Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Либроком, 2015. 220 с.
- Воевода Е. В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный вестник ВГАСУ. 2012. № 2. С. 113–123.
- Кононов А. Н. Тюркско-русские этимологические этюды // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. 340 с.
- Садыкова И. В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 28 с.
- Танабаева А. М., Оразгалиева Ф. Ш. Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации: Учеб. пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. 115 с.
- Толковый казахско-русский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/>.

Материал поступил в редколлегию 13.11.2017

M. D. Abzhaparova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

maiya7_7_787@mail.ru

ORIGIN AND SIGNIFICANCE OF COLOR PERCEPTION IN KAZAKH LANGUAGE COMPARED WITH ALTAI, TATAR, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The article is dedicated to the process of development of the triad of colors white / black / red on the example of the Kazakh language in comparison with the Altai, Tatar, English, and Russian languages, and related associative fields and phraseological units. We selected these colors due to the fact that white / black / red are considered the primary colors which appeared before all in human culture. The first two symbolize light and darkness, the third is a symbol of fire.

Color draws up the most important part of all visual information. The sets of colors in various languages of the world are frequently very different, therefore the basic condition of communication is considered background knowledge, that is, knowledge of realities and culture. The color worldview fixes color performance under the influence of psycho-physiological and cultural-historical experience, reflecting the universal and national character of color.

In this paper, we study phraseological units with words for white, black, red as their elements from oral creative works and materials of Kazakh classic literature, as well as works of Russian, Tatar, Altai writers.

Phraseologisms are catch phrases and expressions that are perceived by language speakers as natural elements of speech, coming from time immemorial. Phraseology reflects not only modern, but also ancient historical traditions. They can be found in great numbers in modern colloquial speech as well as in different genres of literature.

All the phraseological units presented in the work are divided into three thematic microgroups: «Individual: body parts and physiological processes», «Society, legality, law», «Nature and natural phenomena».

Analysis of colors from the triad of white / black / red shows that their associative fields are the following: light, darkness, fire, mysticism, evil spirit, joy, natural phenomena, lawfulness, virtue, vice, nobility, social status, political predilections. Our paper shows the similarities and differences in the associative fields in five compared languages. Large numbers of similarities make it possible to conclude that the associative fields are largely determined by the uniform origin of the adjective-color words in the analyzed languages, although historical development has given them specific features within the national linguistic cultures.

Keywords: color worldview, color, color designations, color associations, phraseological units, lingvoculture.

References

Aleferenko N. F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms]. Moscow, ELPIS Publ., 2008, 272 p. (in Russ.)

Amosova N. N. *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo angliiskogo yazyka* [Etymological Roots of Modern English Lexis]. Moscow, Librokom Publ., 2015, 220 p. (in Russ.)

Voevoda E. V. *Tsvetovospriyatie i assotsiativnye polya v russkom i angliiskom yazykakh* [Color Perception and Associative Fields in Russian and English]. *Nauchnyi Vestnik VGASU* [VGASU Scientific Bulletin], 2012, no. 2, p. 113–123. (in Russ.)

Kononov A. N. *Tyurksko-russkie etimologicheskie etyudy* [Turkic-Russian Etymological Etudes]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: Istoki. Stanovlenie. Traditsii* [Ancient Russian Cultural Heritage: Roots. Evolution. Traditions]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 340 p. (in Russ.)

Sadykova I. V. *Oboznachenie krasnogo tsveta v russkom yazyke v istoriko-etimologicheskom aspekte* [Russian Words for Color Red in Historical and Etymological Aspects]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Tomsk, 2006, 28 p. (in Russ.)

Tanabaeva A. M., Orazgalieva F. Sh. *Leksika i frazeologiya kak istochnik etnokul'turnoi informatsii: Ucheb. posobie* [Lexis and Phraseology as Sources of Ethnic-Cultural Information: A Textbook]. Karaganda, KarSU Publ., 2001, 115 p. (in Russ.)

Tolkovy kazakhsko-russkii slovar [Explanatory Kazakh-Russian Dictionary]. URL: <https://sozdik.kz/ru/>

Л. В. Ююкина

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
пр. Ленина, 92, Абакан, 655017, Россия*

lyuyukina.lv@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЭПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На материале текстов хакасской лингвокультуры рассматривается механизм формирования эпического антропонима. Анализ метонимической номинации как одного из видов эпического антропонима показывает, что при изучении специфики имени собственного лингвистический анализ может быть продуктивно дополнен его исследованием с позиции смежных дисциплин, прежде всего философии языка, логики и теории референции. В связи с последним представляется целесообразным соотнести анализ имени собственного эпического дискурса с анализом логико-лингвистической категории «дескрипция». Выявляется, что основным способом формирования метонимических имен собственных эпического дискурса является перекатегоризация неререферентной характеризующей предикатной дескрипции в референтную идентифицирующую дескрипцию, которая становится именем собственным для референта. Такой процесс раскрывает механизм преобразований простых дескрипций как апеллятивов в ономастические знаки с присущими им коннотативным и сигнификативным компонентами значения.

Ключевые слова: имя собственное, эпический дискурс, идентифицирующая дескрипция, метонимия, антропоним, апеллятив.

Целью данной статьи является описание механизма формирования метонимического имени как одного из видов эпических антропонимов.

Признание постулата об апеллятиве как об источнике образования любого имени собственного (далее ИС) оставляет открытой проблему механизма его перехода в новый класс. Продуктивное решение указанной проблемы, невозможное только с позиций ономастики, предполагает ее изучение в рамках смежных дисциплин, прежде всего, философии языка, теории референции и логики. В связи с этим в работе метонимический антропоним рассматривается как дескрипция, под которой понимается языковая структура, выраженная апеллятивом (апеллятивной группой), способная получать конкретно-референтную отнесенность и функционировать в качестве онима в дискурсе [Рассел, 1999; Арутюнова, 1999; Падучева, 1985].

Анализ эпических антропонимов демонстрирует, что ИС становится одним из элементов предикатного выражения (характеризующего предиката), приложимых к таксономическому имени героя (человек, дева, мужчина и т. п.). При этом сам таксоном как экзистенциальная дескрипция не переходит в эпосе в ИС. Причина отсутствия такого рода преобразований, прежде всего семантическая. Для метонимии и метафоры «характерно суженное значение поскольку они имеют своей целью индивидуализацию объекта» [Арутюнова, 1999. С. 351–352]. Что же касается таксономических имен, то для них характерно широкое значение, сообщающее об общих признаках объекта как члена класса. Очевидно, что такое значение не позволяет имени точно идентифицировать объект, отделить его от других представи-

телей данной категории. Иными словами, такое имя не обладает необходимыми референциальными возможностями и прагматикой. Таким образом, в процессе конструирования метонимического антропонима таксоном, не обретя определенной референции, опускается.

Лексико-семантическая структура эпических текстов позволяет выделить следующие виды метонимических антропонимов.

1. Имена с одинарным метонимическим сдвигом:

- предмет → его обладатель: *Чибек Арыг* 'Чистая шелковая нить', *Чарыг Тана* 'Светлая пуговица', *Хара Мартха* 'Черная пуговица', *Чилбей Арыг* 'Чистое опухало', *Торалдай* 'Гнедой жеребец', *Тибен Арыг* 'Чистая Игла', *Пулай Чачах* 'Клубящаяся кисточка (платка)' (примеры из: [Субракова, 2007]);

- время или место рождения → человек: *Айдолай* 'Полнолуние' (родившийся в полнолуние), *Арахын* 'Новолуние' (родившийся в новолуние), *Алан* 'Степь' (родившийся в степи) (примеры из: [Бутанаев, 1993]);

2. Имена с бинарным метонимическим сдвигом:

- предмет + социальный статус его обладателя → его обладатель: *Кумус Чустук* 'Серебряный перстень', *Алтын Тана* 'Золотая перламутровая пуговица', *Алтын Поос* 'Золотая подвязка', *Алтын Чага* 'Золотой пояс' (примеры из: [Субракова, 2007]);

- предмет + социальный статус его обладателя → человек: *Хан Мартха* 'Правитель-пуговица', *Хан Чааах* 'Правитель-лук' и т. д. (примеры из: [Субракова, 2007]).

Представим ИС-дескрипцию, в составе которой присутствует соматический компонент, подтверждающую справедливость слов А. Н. Уайтхеда о том, что «обыденная речь не отличает тело человека от его личности» [1990. С. 590].

Хачан-да ікі харындас чуртаптырлар. Улуг харындазынын олган узах иб толдыра полтыр. Кічік харындас тізенің пала азырап полбачань полтыр. Пала торізе, пірее наме полып, уреп ле парчань полтыр. <...> Наа ла торен паланы, хайралап, алчань тіп ырах чирзер апар саларга чарат салганнар. Аттарына алтынын, тайгазар чорібістірлер. <...> Ам ікі харындас паланы хара паарнань азырап тайгада чуртабыстілер. Пірінде олар аньнап хустап парыбыстырлар. <...> Ікі матыр пала таап алтырлар <...>. Пала чох апсах-инейге оолагасты сабыстырлар <...>. Апсах от хазында сіске хази сазып, хара паар сістеп одырганда, ізікті тартып, ікі кізі кір килді. Олар апсахха айланып сураглаанар.

– Оолгынь пар ба, апсах кізі? Апха пас чөрбіс.

– Тоореткен оолгым чогул. Оскірген оолгым кічіг, читіліг ле. Тыгыгалах таа.

– Піс читі частань сыгара апха пасчабыс. Ады кемдір?

Ам апсах оолгынын адын сөлебізерже итсе, ады чогул. Одырып – одырып, хорыга тарта, апсах, паар сістепчеткен көр сагынын алып, піди тіпче: «Хара Паар ады» [Трояков, 1990. С. 34–42].

Когда-то жили два брата. У старшего брата дом был полон детьми. Младший брат не мог вырастить и выкормить ни одного ребенка: что-нибудь с ними происходило, они умирали. <...> Для того чтобы сберечь вновь родившегося ребенка, решили они увести его далеко от тех мест. Сели на коней и уехали в глухую тайгу. Зажили они здесь, охотились, кормили ребенка шашлыками из печени. <...> Однажды ушли оба брата на охоту. А ребенка нашли проезжавшие мимо два воина, забрали его, <...> продали мальчика бездетным старикам <...>. Сидит как-то старик возле огня и готовит шашлыки из печени.

Вдруг заходят двое переписчиков и задают ему вопросы:

– Мы переписываем мальчиков, есть ли у тебя сын, старик?

– Родного сына у меня нет, а сын, которого я воспитываю, еще мал, ему только семь.

– Семилетних мы уже записываем. Как его зовут?

В страхе старик обнаружил, что имени у него нет. Задумавшись над этим, продолжая готовить шашлыки из печени, старик ответил: «Его имя – Черная Печень» [Там же. С. 73].

В этом примере демонстрируется акт имянаречения мальчика. Первоначально в тексте референция осуществляется посредством определенной дескрипции, возникшей в результате преобразования таксономического имени *пала* 'ребенок' и кореферентных ему гетеронимий *оолагас* 'мальчик', *оскірген оолгы* 'воспитанник'. Также в тексте присутствует автономное употребление антропонима: *Хара Паар ады* 'Его имя – Черная Печень', наделяемого в дальнейшем конкретно-референтным употреблением. Ср.:

Ур-ас полганда, Хара Паар халын тайгадань ачых агазы чох чирге сыхты. Пу чазы чирде Хара Паар аттын сын чорізінень сылада чортырча [Трояков, 1990. С. 34–42].

Вскоре Черная Печень выехал из глухой тайги в открытую местность. В этой степи Черная Печень погнал коня вскачь' (перевод наш. – Л. Ю.).

Обратившись к вопросу о возникновении ИС-описания *Хара Паар*, можно предположить, что она стала результатом преобразования апеллиатива-сирконстанта *паарыннань*, входящего в предикатную группу *паарыннань сыххан* 'родился от печени'. Данная предикатная группа может быть представлена в виде своего логико-лингвистического аналога, т. е. в виде предикатной описания *ол, хайзы паарыннань сыххан* ≈ 'тот, который родился от печени'. При переходе в актантную позицию эта описания приобретает статус идентифицирующей, т. е. становится именем с конкретной референцией. В дальнейшем она упрощается до элемента *паар*, получающего метонимическое значение, и приобретает эпитет *хара*.

ИС-описание *Хара Паар* является частью подобного рода номинаций: *тайгада чуртаан* ≈ 'тот, который жил в тайге', *ырах чирзер апар салган полтыр* ≈ 'тот, который был далеко увезен', *паарнань азыранган* ≈ 'тот, которого кормили шашлыками из печени', *ікі матырга таптатхан* ≈ 'тот, который был найден двумя воинами', *апсах-инейге сабыстырган* ≈ 'тот, которого продали бездетным старикам'; *позынынъ чирінзер парган* ≈ 'тот, который вернулся на свою родину' и т. д.

ИС-описание *Хара Паар* строится на основе метонимической проекции, обусловленной хакасской лингвокультурой. Согласно традиционным представлениям хакасов, «дети зарождаются в печени, и, следовательно, все родственники происходят от единой печени. Неудивительно, что в то время у хакасов бытовал вопрос такого рода: «Паарыннань сыххан паланъ пар ба (имеете ли вы ребенка от печени, т. е. родного)» [Бутанаев, 2004. С. 120].

Эпитет *хара* 'черный' в значении 'чистый, без примесей' усиливает метонимические признаки и представляет ребенка 'действительно от печени рожденным'. Как метонимическое ИС, описания получает значение 'действительно родной ребенок'.

Проанализируем варианты актуализации описания *Айдолай* 'Полнолуние', используемой в качестве ИС.

Че сагам мин Хызыл колзер манъзырапчам. Пилче нимессинъ ме зе ол колні, сининъ чуртынънанъ ырах нимес нооза. Пу хараагызын соол партыр. Парып хысхызына азыхха палых тимнеп саларга кирек. Хынчатхан ползанъ, айланьста алахтыр салгайбын за», – тинче Айдолай. Ур дее полбан. Аалданъ колзер чон хайзы ханъаалыг, хайзы чаланъ, іди ле субалысча. Айдолайны суре чидіп, иртібизедірлер. Кол хазына килзелер, колнінъ хыри даа хыймырабаан. Корзелер, чолча Айдолай иртіп парир, кизе дее корбинче [Хакаские народные сказки, 1986. С. 112].

«Только я сейчас тороплюсь. Красное озеро, что в трех километрах от твоей юрты, за ночь высохло, я спешу рыбу собрать, на зиму запас сделать. Вот на обратном пути я тебя обману, если захочешь», – ответил Полнолуние. Немного времени прошло. Из улуса по дороге к озеру поскакали всадники, помчались подводы. Обогнали Полнолуние. Не поймут ничего: озеро как было, так и есть. Смотрят, а Полнолуние по дороге мимо едет, ни на кого не смотрит [Там же. С. 37].

Лексико-грамматический анализ номинации позволяет выделить в ней следующие элементы: *ай* 'луна' + корень *тол* (от глагола *толарга* 'наполняться') + словообразовательный аффикс монгольского происхождения *-ай*. При стяжении двух основ (*ай* + *толай*) наблюдается ассимиляция согласных, т. е. уподобление последующего согласного предыдущему (позиционное озвончение глухого согласного *т*: *айдолай*) [Грамматика хакаского языка, 1975. С. 75].

В приведенном фрагменте описания *Айдолай* используется как конкретно-референтный антропоним. Однако по своему первичному статусу она может быть признана элементом одной из предикатных описаний, входящих в структуру повествования: *ол, хайзы ай толызына тореен* ≈ 'тот, который родился в полную луну'. Возможная реконструкция показывает, что в ходе ономастического генезиса данная описания становится идентифицирующей, полностью переходя в позицию актанта. Впоследствии она редуцируется до словосочетания *ай толызына* 'в полную луну', затем принимающего форму композита.

В результате такого преобразования отглагольное существительное *Айдолай*, сохраняя первичное значение, получает референцию к человеку, а не только ко времени его рождения. В тексте данная ИС-описание реализуется наряду с другими, не поменявшими своего пре-

дикатного статуса: *мал хадарчанъ кізі полтыр* ≈ 'тот, который был пастухом'; *прай пайларны алахтырча* ≈ 'тот, который обманывает всех богачей'; *чабал адычахтыг полган* ≈ 'тот, который имел жалкую лошадь' и т. д. А также с гетеронимативными единицами, занимающими позицию актанта, например: «*Эй, чабал пора талбахтых чой!*» – «Эй ты, врун на сивой кляче!» [Хакаские народные сказки, 1986. С. 112].

Неметонимическая дескрипция *чабал пора талбахтых чой* 'врун на сивой кляче' сохраняет статус функционального имени в локальном тексте, поскольку называет временные признаки, характеризующие референт «здесь-и-сейчас». В отличие от нее дескрипция *Айдолай* становится постоянным именем референта, поскольку, метонимически называя ключевую, ассоциируемую с ним деталь, дает константную характеристику субъекта. Дескрипция *Айдолай* в качестве ИС содержит конечную интерпретанту, что позволяет ему функционировать во всех видах коммуникации.

Выбор признака, выраженного предикатной группой *ай толызына тореен* 'был рожден в полную луну', обусловлен спецификой хакаской лингвокультуры. Почитание Луны входило в число традиций, по-видимому, связанных с тюркским календарем, в частности с сакральным характером лунных фаз, названия которых были закреплены в языке. «Единицей измерения месяца служило время между двумя новолуниями. Месяц делился на два периода: «новая луна» и «старая луна». На четырнадцатый день, когда луна появлялась полностью, называли ее «ак толы» – белое полнолуние. Пятнадцатый день назывался «кызыл толы» – красное полнолуние» [Безертинов, 2012].

Таким образом, ИС *Айдолай* демонстрирует метонимический перенос, при котором одно из календарных событий, связанных с судьбой референта (луна, находящаяся в определенной фазе в момент рождения человека), становится важнейшей характеристикой референта, а описывающая это событие дескрипция – его именем.

При этом значимость лунного культа позволяет выделить у антропонима еще и метафорический компонент. Благодаря уподоблению субъекта полной Луне его имя приобретает коннотативное значение 'быть полным энергии, сил и т. п.'.

Проведенный анализ ИС, сформированных в результате переноса апеллиатива с одного класса объектов на другой на основе ассоциации по смежности, выявляет сложную диалектику преобразования метонимической дескрипции в антропоним. Такой процесс раскрывается в последовательной смене именем, соотносимым со взаимно соплагаемыми и разграничиваемыми денотатами, нереферентного и референтного употреблений. Метонимическое ИС получает референтное употребление как элемент определенной дескрипции, которая идентична по лексическому составу деривационно предшествующей ей предикатной и вместе с тем отличается от нее как семантически, так и прагматически и синтаксически.

Переходя в позицию актанта и становясь вследствие эллипсиса самостоятельной ИС-дескрипцией, метонимическое имя получает кроме актуального денотата коннотативный и сигнификативный компоненты значения.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 411–412.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Безертинов Р. Тюркский календарь. URL: <http://www.mtss.ru/forum/> (дата обращения 05.09.2011).
- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004. 120 с.
- Грамматика хакаского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 418 с.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 262 с.
- Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. 192 с.
- Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. / Сост. И. Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киселя. М.: Прогресс, 1990. 590 с.

Список источников

- Субракова О. В. Язык героического эпоса. Абакан, 2007. 164 с.
 Трояков П. А. Хакасские мифы и легенды. Абакан, 1990. 200 с. (на хакас. яз.)
 Хакасские народные сказки / Сост. В. И. Доможаков. Абакан, 1986. 144 с. (на хакас. яз.)

Материал поступил в редколлегию 25.04.2017

L. V. Yuyukina

*Katanov Khakass State University
 92 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russian Federation*

yuyukina.lv@mail.ru

**GENERATION OF METONYMIC PROPER NAME
 IN THE EPIC DISCOURSE**

Materials for the research are the epic texts of the Khakass culture. The object of the article is proper names and descriptions of the epic discourse.

Proper names are regarded as definite descriptions that may be able to identify an individual referent and to function as proper names in discourse. The interpretation of proper names as descriptions is based on the linguistic and logic researches presented in the works by N. D. Arutyunova; E. V. Paducheva; A. D. Shmelev; B. Russell; G. Frege; S. Kripke etc.

One of the types of epic proper names is metonymic nomination. The aim of the following research is to describe the mechanism of formation of metonymic names as one of the types of epic anthroponyms.

The analysis of metonymic nomination demonstrates the transition of a predicate description (related to any objects in general and denoted attributes) to the actantial position. In this syntactic context the appellative gets the definite reference and the aptitude to identify an individual referent. Conversion of indefinite characterizing predicate description into definite description is claimed to be the central mechanism of generation of metonymic proper names.

It must be emphasized that this type of nomination demonstrates the dialectic interrelation of two types of names (appellative and proper name) and two types of descriptions (indefinite and definite).

Keywords: proper name, epic discourse, definite description, metonymy, referent.

References

- Arutyunova N. D. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 136–137. (in Russ.)
 Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the Human World]. 2nd ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 816 p. (in Russ.)
 Bezertinov R. Tyurkskii calendar [Turkic calendar]. URL: <http://www.mtss.ru/forum/> (in Russ.)
 Butanaev V. Ya. Stepnye zakony Khongoraya [Steppe laws of Khongoray]. Abakan, 1996, 224 p. (in Russ.)
 Grammatika Khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakas language]. Ed. by N. A. Baskskova. Moscow, Nauka Publ., 1975, 418 p. (in Russ.)

Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu [The statement and its correlation with reality]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 418 p. (in Russ.)

Russel B. Filosofiya logicheskogo atomizma [The philosophy of logical atomism]. Tomsk, Vodoley Publ., 1999, 192 p. (in Russ.)

Whitehead A. Izbrannye raboty po filosofii [Selected works on Philosophy]. Comp. by I. T. Kasavin. Moscow, Progress Publ., 1990, 590 p. (in Russ.)

Sources

Subrakova O. V. Yazyk geroicheskogo eposa [The language of the heroic epic]. Abakan, 2007, 164 p. (in Russ.)

Troyakov P. A. Khakaskie mify i legendy (na khakasskom yasyke) [Khakas myths and legends]. Abakan, 1990, 200 p. (in Khakass)

Khakaskie narodnye skazki [Khakas folk tales]. Comp. by V. I. Domozhakov. Abakan, 1986, 144 p. (in Khakass)

Л. А. Борисова

*Воронежский государственный университет
Университетская пл., 1, Воронеж, 394018, Россия*

borisova_la@rgph.vsu.ru

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ НА ЯЗЫК ЗАКОНА

Рассматривается взаимосвязь фактора целевой аудитории и языковых особенностей англоязычного законодательного текста. Прослеживается изменение целевой аудитории закона с момента становления текста как жанра по настоящее время. Описываются конкретные языковые черты британского статута, обусловленные фактором адресата. Исходной целевой аудиторией законодательного текста являлись представители юридической профессии (юристы, судьи), что привело к тяжеловесному языковому оформлению текста и послужило причиной его острой критики. Тяжеловесность проявилась в сложном синтаксисе, обилии архаизмов и отсылочных фраз, использовании *shall* для передачи разной модальности, большом объеме предложений. Во второй половине XX в. с появлением Plain English Movement целевой аудиторией закона стал пользователь, что привело к изменению языка законодательства. Значительно изменился синтаксис, страдательный залог уступил место действительному, сократилось использование модального глагола *shall* и архаизмов, вместо номинативных сочетаний стали употребляться глаголы. В 2012 г. в Британии было проведено новое исследование целевой аудитории статутов, которое показало ее крайне разнородный характер – от неспециалистов до юристов. Результатом стало принятие руководства по законодательной технике, в котором описываются конкретные правила языкового оформления текста. Выработаны рекомендации по использованию конкретных синтаксических структур, замене определенных слов и выражений, введению формул для передачи вычислений и т. п. В заключение делается вывод о необходимости учета разных категорий читательской аудитории автором законодательного текста.

Ключевые слова: юридический язык, целевая аудитория, язык закона, адресат статута.

Юридический язык всегда являлся объектом жесткой критики. Достаточно вспомнить несколько нелестных эпитетов, которые уже прочно закрепились за ним: *legal gobbledygook*, *legal gibberish*, *legal jargon*, *legalese*. Все они подразумевают, что юридический язык обладает рядом особенностей, которые делают его непонятным для «непосвященных»: сложный синтаксис, специальная терминология, архаизмы, дублеты, перекрестные ссылки и т. п. Альфред Филлипс (Alfred Phillips), ученый-юрист, писатель, редактор одного из профессиональных юридических журналов, использует медицинские метафоры для характеристики юридического языка и говорит о его болезни, переходящей в патологию. Характер диагноза, по его мнению, предельно ясен: раздражающим фактором выступает «оболочка» языка, которая вклинивается между автором текста и его получателем, и, как ширма, отгораживает юридический текст от той категории читателей, той целевой аудитории, для которой он реально предназначен [Phillips, 2003. С. 31].

Именно фактор целевой аудитории сыграл важную роль в оформлении языка юридических документов, в частности законов. Обратимся к истории для подтверждения своей мысли.

Законодательные тексты, создающие определенные правила поведения, появились в Англии в XIII в., но авторитетный характер они приобрели только в XV в. Авторитетным стал автор статута (закона), которым считали не бюрократа, а лицо или орган, вводящий статут в действие. В этой связи и судьи начали проявлять большее уважение к письменному тексту и почувствовали ограничение со стороны самого языка текста статута.

Однако на этом этапе развития процесс написания текста закона не представлял собой, используя терминологию современных лингвистических исследований, процесс коммуникации, при котором учитывается фактор адресата сообщения и выбираются соответствующие языковые средства для передачи интенции адресанта. Как отмечает Джон Ф. Барроуз (John F. Burrows), составляя текст закона, его автор не имел в виду никакую конкретную аудиторию. Он должен был изложить содержание закона максимально точно и исчерпывающе. Толкование же закона, с точки зрения автора текста, было задачей иного лица. Это привело к тому, что читателем закона стала привилегированная элита – юристы. Только они были в состоянии понять язык законодательства, а следовательно, и суть изложенного [Burrows, 2003]. Результатом такого подхода к созданию текста стал тяжеловесный язык, ставший впоследствии объектом критики и язвительных шуток, многие черты которого сохранялись еще в XX в.

В качестве иллюстрации приведем выдержку из британского закона 1978 г. о занятости:

...Provided that paragraph (d)(iii) shall not apply to the employees of any body or authority if the employees' pension rights depend on the terms of a pension scheme established under any provision contained in or having effect under an Act of Parliament and the body or authority are required by any such provision to give to new employees information concerning their pension rights, or concerning the determination of questions affecting their pension rights.

Объем придаточного предложения составляет 73 слова, текст же всего сложноподчиненного предложения (а по нормам законодательной техники один пункт состоит из одного предложения) включает 258 слов. Безусловно, такая длина создает значительные трудности при восприятии информации читателем. Кроме того, в указанном отрывке придаточное осложнено еще одним придаточным условием (с союзом *if*), а оно, в свою очередь, несколькими причастными оборотами. Таким образом, синтаксис статута характеризуется нагромождением большого количества придаточных и обособленных оборотов. Наконец, в отрывке используется модальный глагол *shall*, многочисленные повторы существительных, отсылочные фразы. Для сравнения приведем выдержку из закона, принятого столетием раньше – в 1878 г., с аналогичным типом придаточного:

...Provided also, that such burgh local authority may, at any meeting called for the purpose, on not less than one month's notice, by special advertisement, pass a resolution that such rates and assessments shall, from and after a date to be fixed in the resolution, thenceforth cease to be levied in respect of such streets and roads...

В этом отрывке используются архаизмы, между модальным и смысловым глаголом стоит значительное количество слов. Однако стилистически тексты очень близки, несмотря на вековой интервал между ними.

К внешним причинам тяжеловесности языка закона относятся следующие. Во-первых, составителю закона платили постранично, что не могло послужить стимулом к краткости. Во-вторых, упрочилось положение Парламента как органа законодательной власти, и члены парламента хотели, чтобы предлагаемые ими нормы были изложены как можно подробнее. И, наконец, составители законов стремились сделать статуты как можно более удобными для судей, поскольку именно судьи применяли их к каждому конкретному делу. Поэтому считалось необходимым прописать в законе как можно больше деталей.

Осознание необходимости изменения языка закона пришло уже в конце XIX в., но реальные попытки были предприняты в Британии во второй половине XX в. В 1975 г. в отчете комитета Рентона отмечалось, что если законы туманны и загадочны, то они лишают гражданина права жить согласно принципу верховенства закона. Если закон понятен главным образом только чиновникам, то общество движется от демократического государства к бюрократическому, что может иметь далеко идущие последствия. Дэвид Эллиотт (David Elliott) отмечает, что если законы непонятны тем, для кого они в первую очередь предназначены,

то это приводит к тому, что в обществе растет правовое невежество и неуважение к законам и тем, кто их принимает. Правовое невежество и неуважение к закону наносит вред общественному устройству [Elliott, 1992].

Существенный вклад в изменение языка законодательства внесло движение «Plain English Movement» («За простой английский»). Сторонники этого движения поставили во главу угла фактор целевой аудитории статута: традиционная школа законодательной техники предполагает, что читателем является юрист (или юрист второй стороны сделки, или судья, который будет толковать документ, если дело дойдет до суда), однако читателем юридического документа является также его пользователь [Butt, Castle, 2006. P. 85]. «Простой английский – это... ясный и точный язык, доступный для понимания и способный эффективно передавать смысл сообщения... На первое место он ставит читателя и предполагает отказ от архаизмов, жаргонизмов, лишней специальной юридической терминологии и сложного языка... Он означает использование простого языка таким образом, чтобы идеи, им выражаемые, были понятны читателю...» [Ibid. P. 124].

Результатом усилий сторонников движения «За простой английский» стали многочисленные пособия и руководства по написанию юридических текстов, в частности законов. Все они содержат рекомендации, касающиеся организации текста и его языкового оформления, и сводятся, главным образом, к следующим правилам: упрощение синтаксиса, замена страдательного залога действительным, отказ от модального глагола *shall*, использование глаголов вместо номинативных сочетаний, отказ от архаизмов и жаргонизмов, использование таблиц, формул, списков и т. п.

Под давлением движения «За простой английский» в языке законодательства произошли существенные изменения.

Так, наиболее заметной тенденцией стал отказ от модального глагола *shall* в тех случаях, когда он не выражал обязанность, и его замена на Present Simple. В британских законах до самого недавнего времени (в течение 2000-х гг.) можно было выделить несколько видов положений, при формулировании которых *shall* использовался не для возложения на лицо обязательств, а для декларирования действия. К их числу относятся положения об отмене правовых норм, о вступлении закона в силу, о внесении поправок, о сфере действия закона и др. Критики юридического языка заявили, что *shall* в таком контексте не несет смысловой нагрузки и употребляется скорее в силу традиции, для придания официальности документу. Читатель же, наоборот, пытается для себя интерпретировать эту модальность и, не находя разумного объяснения, в очередной раз неодобрительно отзывается о языке юристов.

Во втором десятилетии XXI в. в законодательстве наблюдается замена *shall* в таких положениях на Present Simple – время, используемое, среди прочего, для констатации факта:

С 2000 по 2010 г.	С 2011 г. по настоящее время
<i>The Justice (Northern Ireland) Act 2002 (c. 26) shall be amended as follows</i> (Justice and Security (Northern Ireland) Act 2007) – В «Закон о юстиции (Северная Ирландия) 2002 г.» (гл. 26) вносятся следующие изменения («Закон о юстиции и безопасности (Северная Ирландия) 2007 г.»)	<i>The Immigration Act 1971 is amended in accordance with subsections (10) and (11)</i> (Immigration Act 2016) – В «Закон об иммиграции 1971 г.» вносятся изменения в соответствии с п. (10) и п. (11) («Закон об иммиграции 2016 г.»)
<i>The remaining provisions of this Act shall come into force on such day as the Secretary of State may appoint by order made by statutory instrument</i> (NHS Redress Act 2006) – Остальные положения настоящего Закона вступают в силу в день, назначенный приказом Министра согласно соответствующему подзаконному акту («Закон о компенсациях Национальной службы здравоохранения 2006 г.»)	<i>Section 32 comes into force on such day as the Secretary of State may by regulations appoint</i> (Bank of England and Financial Services Act 2016) – Статья 32 вступает в силу в день, назначенный распоряжением Министра («Закон о Банке Англии и финансовых услугах 2016 г.»)

<i>This Act shall extend to England and Wales only.</i> (Compensation Act 2006) – Настоящий Закон действует только на территории Англии и Уэльса («Закон о компенсациях 2006 г.»)	<i>Subject to subsection (2), this Act extends to the whole of the United Kingdom</i> (Energy Act 2016) – С учетом п. (2) настоящий Закон действует на всей территории Соединенного Королевства («Закон об энергии 2016 г.»)
---	--

Страдательный залог в статутах остается по большей части только в положениях об отмене правовых норм и о внесении поправок, а также в тех положениях, где необходимо соблюсти гендерную нейтральность:

<i>Where the power under subsection (4) is exercised –</i> <i>(a) the person exercising the power must notify the Secretary of State of what has been done and of the reasons for doing it...</i> (Planning Act 2008)	При осуществлении полномочий согласно п. (4) (а) лицо, осуществляющее такие полномочия, обязано проинформировать Министра о предпринятых мерах и причинах их принятия... («Закон о планировании 2008 г.»)
<i>The Government of Wales Act 2006 is amended as follows</i> (Wales Act 2017)	В «Закон о правительстве Уэльса 2006 г.» вносятся следующие изменения. («Закон о Уэльсе 2017 г.»)
<i>The enactments and instruments set out in Schedule 4 are repealed or revoked to the extent shown in that Schedule</i> (Consumer Credit Act 2006)	Правовые нормы и подзаконные акты, перечисленные в Приложении 4, утрачивают силу в объеме, предусмотренном указанным Приложением («Закон о потребительских кредитах 2006 г.»)

Значительно уменьшились или вообще свелись к нулю случаи употребления архаизмов *forthwith* ‘незамедлительно’, *hereby* ‘настоящим’, *notwithstanding* ‘не взирая на’, *aforsaid* ‘вышеизложенный’, *hereinafter* ‘в дальнейшем’, *thereunder* ‘перечисленные ниже’.

Нельзя отрицать, что движение «За простой английский» принесло свои плоды; язык законодательства претерпел изменения, и сейчас никто не будет спорить с тем, что закон должен быть написан языком, простым и понятным для читателя. Однако споры относительно качества законов не утихают в Великобритании и сегодня.

В 2012 г. Национальный архив Великобритании, отвечающий за поддержку сайта www.legislation.gov.uk, на котором представлено все законодательство Соединенного Королевства, провел исследование с целью выяснить потенциальную аудиторию законодательных текстов. Исследование позволило выделить три категории пользователей сайта и, соответственно, читателей законодательного текста. К первой категории относятся неюристы, которым знание правовых норм необходимо для работы, например, полицейские, местные чиновники, сотрудники кадровых служб и т. п. Они обращаются к тексту закона, когда им необходимо решить какую-нибудь проблемную ситуацию на работе. Вторую категорию составляют рядовые граждане, которые хотят знать о своих правах, например на получение пособия или образовательных услуг, и хотят законодательно подкрепить свою правоту в ситуации ущемления прав. Наконец, третья категория – это юристы, начиная от партнеров – основателей фирм и заканчивая специалистами по поиску правовой информации в каталогах библиотек.

Данные исследования говорят о том, что аудитория текста закона разнородна и состоит не только из специалистов. Сегодня уже нельзя утверждать, что закон должен быть написан только для юристов или только для широкой публики. Он должен быть одинаково понятным и специалистам, и неспециалистам.

Интересно, что Национальный архив также провел опрос составителей текстов законов на предмет целевой аудитории и выяснил, что они видят читателями законодательных текстов члены Парламента и министров, чиновников, лоббистов, судей и юристов. Очевидно, что данные о пользователях сайта и представления составителей текстов законов расходятся.

Тем более удивительным было для последних узнать, что реальные читатели закона не просто не понимают смысл закона, а даже не разбираются в том, как организован текст и что обозначают такие слова, как *commencement* ‘вступление в силу’, *Schedule to the Act* ‘приложение к закону’, *prescribed by regulations* ‘предписанный распоряжениями’ и т. п.

Дальнейший опрос пользователей сайта *legislation.gov.uk* показал, что как юристы, так и неюристы одинаково плохо понимают содержание законодательных текстов, и для всех пользователей чтение закона и его понимание является трудновыполнимой задачей [Bertlin, 2014. P. 45].

Безусловно, существуют объективные причины сложности законодательства, однако во многих случаях подготовить качественный текст закона вполне возможно. В ответ на критику качества законов 16 апреля 2013 г. британским правительством был запущен проект, получивший название «Good Law Initiative» («Качественный закон»). Исполнителем проекта является Парламентский юридический отдел (Office of the Parliamentary Counsel), отвечающий за написание законодательных текстов.

Проект «Качественный закон» можно считать логическим продолжением движения «За простой английский». Если простой язык подразумевал ясность и точность (*plain language means clear and precise language*), то качественный закон должен быть «актуальным, ясным, связным, эффективным и доступным» (*good law is necessary, clear, coherent, effective and accessible*) [When laws become too complex, 2013. P. 1].

Элисон Бертлин (Alison Bertlin), заместитель начальника Парламентского юридического отдела, проанализировала результаты исследования Национального архива и задалась вопросом, какие приемы законодательной техники лучше всего работают при восприятии текста закона читателем.

Как показывает исследование, однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Как правило, действие конкретного приема зависит от описываемой ситуации и личностных факторов. Однако итоги исследования позволяют выработать ряд практических рекомендаций для составителей текстов законов, например: целесообразно передавать вычисления формулами, а не словами, следует обратить внимание на формулирование положений, содержащих условия, и структуру предложений.

Проанализировав данные исследования, Парламентский юридический отдел принял в 2015 г. новую версию Руководства по законодательной технике (Drafting Guidance), в котором даются подробные указания относительно не только структуры текста закона, но и его языкового оформления.

Например, рекомендуется избегать так называемых «сэндвич-структур» (*sandwich clauses*), когда в промежутке между предложением в начале (придаточным) и предложением в конце (главным) перечисляются условия, обстоятельства и т. п., причем главное и придаточное предложения являются полносоставными и субъекты в них совпадают:

<i>If an inspector reasonably believes that –</i> <i>(a) premises falling within this Part are unfit for human occupation,</i> <i>(b) the premises are nevertheless occupied, and</i> <i>(c) the life or health of the occupants is at risk,</i> <i>the inspector may serve a notice under this section</i>	Если у инспектора есть основания полагать, что (а) помещения, подпадающие под действие данной части, непригодны для проживания, (б) в данных помещениях, тем не менее, проживают люди и (с) жизнь или здоровье проживающих в помещении людей находятся под угрозой, инспектор вправе направить уведомление, предусмотренное настоящей статьей.
--	---

Целесообразно изменить такую структуру, поставив в начало главное предложение, а затем придаточное условия:

<i>An inspector may serve a notice under this section if the inspector reasonably believes that –</i> <i>(a) premises falling within this Part are unfit for human occupation,</i> <i>(b) the premises are nevertheless occupied, and</i> <i>(c) the life or health of the occupants is at risk.</i>	Инспектор вправе направить уведомление, предусмотренное настоящей статьей, если у него есть основания полагать, что (а) помещения, подпадающие под действие данной части, непригодны для проживания, (б) в данных помещениях, тем не менее, проживают люди и (с) жизнь или здоровье проживающих в помещении людей находятся под угрозой.
--	--

Еще одной рекомендацией, облегчающей восприятие текста закона, является отказ от ссылок внутри статьи. Так, вместо

<i>(1) A person may apply to the council for a permit to play music.</i> <i>(2) An application under subsection (1) must contain the prescribed information.</i> <i>(3) On receiving an application made by a person under subsection (1), the council may issue a permit to the person.</i>	(1) Лицо может обратиться с заявлением в совет за разрешением играть музыку. (2) Заявление, предусмотренное п. (1), должно содержать определенную информацию. (3) После получения от лица заявления, предусмотренного п. (1), совет может выдать этому лицу разрешение.
---	--

достаточно написать

<i>(1) A person may apply to the council for a permit to play music.</i> <i>(2) An application must contain the prescribed information.</i> <i>(3) The council may issue a permit to an applicant.</i>	(1) Лицо может обратиться с заявлением в совет за разрешением играть музыку. (2) Заявление должно содержать определенную информацию. (3) Совет может выдать этому лицу разрешение.
---	---

Кроме того, авторам законодательных текстов рекомендуется избегать употребления конкретных слов и выражений. К их числу относятся, в частности, сложные предлоги и выражения, характерные для текстов официально-делового стиля. Их предлагается заменить нейтральными в стилистическом отношении и прозрачными с точки зрения семантики. Например, *pursuant to* 'в соответствии с' можно заменить на *under (no)*, *by virtue of* 'в силу' – на *by (no)*, *as a result of* 'в результате', *because of* 'из-за' в зависимости от контекста, *without prejudice to the generality of* 'без ущерба для общего смысла вышеизложенного' – на *without limiting* или *without preventing* 'не ограничиваясь' и т. п. [Bertlin, 2014].

Реальные изменения языка законодательства сегодня требуют глубокого исследования, однако даже беглый взгляд на некоторые типовые формулировки позволяет говорить, что они имеют место.

В качестве примера приведем формулировку о финансировании.

В законе 2009 г. она имеет следующий вид:

There shall be paid out of money provided by Parliament any increase attributable to this Act in the sums payable under any other Act out of money so provided.

За счет денежных средств, выделяемых Парламентом, выплачивается любое связанное с исполнением настоящего Закона увеличение сумм, которые согласно какому-либо другому закону выплачиваются из денег, выделяемых именно таким образом.

В законе 2014 г. она выглядит так:

There is to be paid out of money provided by Parliament any increase attributable to this Act in the sums payable under any other Act out of money so provided.

Как видим, модальный глагол *shall* заменен на выражение *to be to*. По сути, *shall* не передает в этом контексте возложения на лицо обязательств. Речь идет о запланированных действиях, а именно о порядке выделения денежных средств, в связи с чем и происходит замена *shall* на модальное выражение *to be to*. При этом перевод в части модальности никак не изменяется, что еще раз подчеркивает использование *shall* в законах начала XXI в. в силу традиции и отсутствие у него значения обязанности данным случае.

Аналогичное положение в законе 2016 г. сформулировано следующим образом:

<i>The following are to be paid out of money provided by Parliament –</i> (a) ... (b) <i>any increase attributable to the Act in the sums payable under any other Act out of money so provided.</i>	За счет денежных средств, выделяемых Парламентом, выплачивается следующее: (a) ... (b) любое связанное с исполнением настоящего Закона увеличение сумм, которые согласно какому-либо другому закону выплачиваются из денег, выделяемых именно таким образом.
--	---

Лексически предложение не изменилось. В нем сохранились отглагольные прилагательные с суффиксом *-able* (*attributable, payable*), имеющим значение пассива и придающим строгость и официальность стилю изложения, отсылочные фразы (*under any other Act, so provided*), модальность (*to be to*), страдательный залог (*be paid out*), большая часть формулировки в целом. Изменения коснулись структуры предложения. Вместо модели с формальным подлежащим *there*, которое придает высказыванию обезличенность, автор текста закона использует подлежащее *the following* 'следующее', предваряя таким образом перечисление и внося ясность в смысл положения. Структура предложения в переводе при этом никак не изменяется, а списочное изложение пунктов в оригинале приводит к необходимости аналогичного построения в переводе с добавлением слова *следующее* перед перечислением.

Подведем итог. Целевая аудитория законодательного текста разнородна. С одной стороны, она включает рядовых граждан, чьи интересы и права закон призван защищать. С другой стороны, читателями являются также юристы и судьи, которые непосредственно применяют и интерпретируют закон в своей практике. Автор текста закона сталкивается с необходимостью найти баланс между этими двумя категориями, что является, безусловно, нелегкой задачей. История развития языка британского законодательства показывает, что фактор целевой аудитории играет одну из ключевых ролей при выборе автором статута языковых средств.

Список литературы

Bertlin A. What works best for the reader? A study on drafting and presenting legislation. The Loophole. May 2014. No. 2. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/326937/Loophole_-_2014-2__2014-05-09_-What_works_best_for_the_reader.pdf (дата обращения 04.11.2016).

Burrows John F. Statutes and the Ordinary Person // Waikato Law Review 1. 2003. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/WkoLawRw/2003/1.html#Heading3> (дата обращения 04.11.2016).

Butt P., Castle R. Modern Legal Drafting. A Guide to Using Clearer Language. Second edition. New York: Cambridge University Press, 2006. 240 p. + xxxi p.

Elliott D. Using Plain English in Statutes. 1992. URL: <http://www.davidelliott.ca/papers/usingplain.htm>. (дата обращения 04.11.2016).

Phillips A. Lawyers' Language. How and why legal language is different. London and New York: Routledge, 2003. 194 p.

When Laws Become Too Complex. A review into the causes of complex legislation. Office of the Parliamentary Counsel. March 2013. 33 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/187015/GoodLaw_report_8April_AP.pdf (дата обращения 04.11.2016).

Материал поступил в редколлегию 17.11.2016

L. A. Borisova

*Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation*

borisova_la@rgph.vsu.ru

THE FACTOR OF TARGET AUDIENCE OF A LEGISLATIVE TEXT AND ITS INFLUENCE ON THE LANGUAGE OF LAW

The paper considers the relationship between the factor of target audience of a legislative text and the linguistic features of a law.

The target audience of British statutes has changed through history. From the XV century to the 1970s drafters meant statutes to be read by professionals, i.e. lawyers and judges. This influenced the style of drafting. The sentences were long and often consisted of hundreds of words. Drafters used complex syntactic structures with numerous clauses and participial constructions. The key modal verb was *shall*. It was used both to express the duty to do something and to state facts. Statutes were abundant in archaic words, references, nominal phrases and technical words. All this made legislative texts extremely hard to understand and an ordinary person had to consult a lawyer in order to know what a particular law said.

Criticism of the language of law gained momentum in the 1970s. Renton Committee Report of 1975 emphasised that if citizens do not understand laws they are deprived of their right to live under the rule of law, which undermines democracy. Plain English Movement, which also became popular in Britain in the 1970s, contributed a lot to further changes in the language of law. Plain English drafters assumed that the reader of a legal document is the user of the document. That is why laws should be written in plain language, i.e. clear and precise language. The language of law really changed under the influence of the Movement. One of the most noticeable trends was that drafters stopped using *shall* and replaced it with *must* to express duties and obligations and Present Simple to state the provisions. Passive voice was preserved mainly for gender-neutral writing and in repeals and amendments. Most archaic words such as *forthwith*, *hereby*, *notwithstanding*, *aforesaid*, *hereinafter*, *thereunder* stopped to be used. Plain English drafters promoted the use of short sense-bites, which led to changes in syntax and the layout of a section.

In 2012 a research was conducted in Britain to find out who the readers of statutes are. The research singled out three groups of readers: no-lawyers who use legislation in their work, members of public who want to know and protect their rights and lawyers ranging from practicing lawyers to law librarians. Thus, the target audience of a legislative text is not homogeneous. The research also showed that both lawyers and non-lawyers have difficulties in understanding statutes.

As a result British government launched a project called good law initiative meaning that good law is necessary, clear, coherent, effective and accessible. The research revealed which drafting techniques work better for the reader and which are absolutely ineffective. A new Drafting Guidance was presented in 2015, which gave practical recommendations to the drafters on how to draft laws and improve their language. Thus drafters were recommended to avoid sandwich clauses, to avoid using references within one section, to replace certain formal words like *pursuant to*, *by virtue of*, *without prejudice to the generality of* with simpler and more understandable equivalents, etc.

The paper concludes that the target audience of a legislative text is different. The drafter needs to strike the right balance between lawyers and non-lawyers choosing the appropriate linguistic means carefully.

Keywords: legal language, target audience, language of law, drafting style, statute.

References

Bertlin A. What works best for the reader? A study on drafting and presenting legislation. The Loophole. May 2014. No. 2. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/326937/Loophole_-_2014-2__2014-05-09_-What_works_best_for_the_reader.pdf (accessed 04.11.2016).

Burrows John F. Statutes and the Ordinary Person // Waikato Law Review 1. 2003. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/WkoLawRw/2003/1.html#Heading3> (accessed 04.11.2016).

Butt P., Castle R. Modern Legal Drafting. A Guide to Using Clearer Language. Second edition. New York: Cambridge University Press, 2006. 240 p. + xxxi p.

Elliott D. Using Plain English in Statutes. 1992. URL: <http://www.davidelliott.ca/papers/usingplain.htm> (accessed 04.11.2016).

Phillips A. Lawyers' Language. How and why legal language is different. London and New York: Routledge, 2003. 194 p.

When Laws Become Too Complex. A review into the causes of complex legislation. Office of the Parliamentary Counsel. March 2013. 33 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/187015/GoodLaw_report_8April_AP.pdf (accessed 04.11.2016).

УДК 82-1

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-138-148

Д. В. Долгушин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

D_Dolgushin@mail.ru

**СЕКРЕТАРЬ В. А. ЖУКОВСКОГО
ВАСИЛИЙ КАЛЬЯНОВ ***

Статья посвящена решению одной из актуальных задач исследования позднего творчества и биографии В. А. Жуковского – изучению его окружения этого времени. Поскольку поэт провел последние годы своей жизни вдали от родины, в разлуке с прежними друзьями, его новые родные из семейства Рейтернов, немецкие знакомые и помощники оказались наиболее близкими ему людьми в этот период. Между тем биографии многих из них остаются почти совершенно неизвестными исследователям. Статья представляет собой попытку краткой реконструкции биографии одного из ближайших сотрудников Жуковского в последние годы жизни – его секретаря Василия Кальянова.

В. Я. Кальянов был крепостным управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией А. И. Блока. Мучительно переживая свое крепостное состояние, он бежал от хозяина и поселился во Франкфурте на поруке принца Евгения Вюртембергского, надеясь выучиться какому-нибудь ремеслу. Здесь в 1844 г. с ним и познакомился Жуковский. 1 сентября 1847 г. он принял Кальянова к себе на службу переписчиком, а в 1848 г. доверил ему обязанности камердинера и секретаря. Жуковский был посаженным отцом на свадьбе Кальянова (1851 г.), крестным его первенца. Чтобы окончательно урегулировать правовой статус своего камердинера, поэт на собственные средства выкупил беглого крепостного на волю. Для этого ему пришлось приложить значительные усилия, задействовав даже свои придворные связи. Поэт стал для Кальянова «отцом и наставником», перед нравственным величием которого тот преклонялся. Кальянов ухаживал за Жуковским на смертном одре, на его руках поэт испустил последний вздох.

Преданно храня благодарную память о своем наставнике, Кальянов продолжал служить его осиротевшим родным. Своих старших детей Кальянов назвал в честь детей Жуковского Павлом и Сашей. П. В. Жуковский был крестным отцом его младшего сына Николая. Когда Жуковские в 1853 г. переехали из Франкфурта-на-Майне в Москву, Кальянов вернулся на родину вместе с ними. Здесь на него оказались возложены обязанности домашнего переводчика, так как ни остальная прислуга, состоявшая из немцев, ни Е. А. Жуковская, ни ее дети не говорили по-русски. После смерти Е. А. Жуковской в 1856 г. Кальянов остался жить в Москве, зарабатывая на жизнь сдачей квартир в доходном доме. Младшие же Жуковские в декабре 1856 г. уехали к своему опекуну в Петербург. Но Кальянов не терял с ними связи, поддерживая переписку.

Вероятно, в начале 1860-х гг. Кальянов и сам перебрался в столицу. В 1867–1868 гг. он, живя уже в Петербурге, помогал П. В. Жуковскому в работе над шестым изданием собрания сочинений В. А. Жуковского, исполняя обязанности секретаря и курьера; в 1883 г. сотрудничал с О. Миллером в подготовке юбилея поэта. Долгое время Кальянов следил за памятником на могиле Жуковского, ежегодно оплачивая сторожу работы по его уборке. На протяжении многих лет он по доверенности получал пенсию, назначенный императором детям Жуковского, и пересылал им его за границу. Жуковские, в свою очередь, не забывали о старом слуге.

В статье публикуются неизданные письма В. Я. Кальянова П. В. Жуковскому, добавляющие новые штрихи к истории отношений Кальянова с семейством поэта.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, П. В. Жуковский, В. Я. Кальянов, русская литература первой половины XIX в.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 15-64-01001).

Одной из самых актуальных проблем исследования жизни и творчества В. А. Жуковского является изучение его окружения (см. [Киселева, 2011]). По известному выражению И. В. Гёте, «Wer den Dichter will verstehen // Muss in Dichters Lande gehen» – «кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в его страну». Под «страной» этой следует понимать не только топографически определенное место и не только эстетически эксплицированное мировоззрение, но и круг общения, родственных и дружеских связей, в котором существует поэт. Такой круг хорошо выявлен и изучен для раннего Жуковского. Полноценное выявление и изучение его для позднего Жуковского – пока что дело будущего. Женившись в 1841 г. на немке Елизавете фон Рейтерн, поэт провел последние годы своей жизни вдали от родины, в разлуке с прежними друзьями, его новые родные из семейства Рейтернов, немецкие знакомые и помощники оказались наиболее близкими ему людьми в этот период. Новым для Жуковского был и уклад жизни, в который он погрузился, поселившись со своим семейством в Дюссельдорфе, а затем во Франкфурте-на-Майне и Баден-Бадене.

Образ жизни семейства Жуковских формировался на стыке традиций русской дворянской и немецкой дворянской среды. И для той, и для другой в первой половине XIX в. были характерны сходные процессы перехода от патриархальной к современной модели семейного поведения. Патриархальная расширенная или составная семья, в которой власть главы семейства распространялась на большой разнопоколенный коллектив родственников и домашней челяди, и в Германии, и в России вытеснялась малой нуклеарной семьей, состоящей только из супругов и их детей. В России большая семья была характерна для крестьянской среды, где ее существование обуславливалось экономическими причинами. Среди дворян она фактически исчезла уже в XVIII в. [Миронов, 2003. С. 257], но все же отдельные ее рудименты еще долго сохранялись.

Патриархальной семьей, например, была семья Буниных, в которой прошло детство Жуковского. Она вполне напоминает сообщество, описанное А. В. Бекасовой на примере «дома» графа П. А. Румянцева, в который входили близкие и дальние родственники и многочисленные «свои» люди – секретари, управляющие, приживалы, клиенты. «Каждый, кто считал себя принадлежащим к <...> “дому”, признавал патриархальную власть его главы и находил ся в той или иной степени зависимости от него» [Бекасова, 2006. С. 5].

В устройстве семейной жизни Жуковского можно обнаружить отдельные черты подобного уклада, но, конечно, сильно трансформированные. Женитьба на Елизавете, желание устроить быт «опрятно и комфортно» [Письма В. А. Жуковского..., 1895. С. 305] привели к появлению в домохозяйстве поэта довольно большого количества obsługi («людей»), включавшей повара, кухарку, горничных, слуг. Отношения с ними складывались патерналистски¹. Домашняя обслуга, как это и было принято в больших семьях, разделяла семейные радости и печали. Так, 18 ноября 1842 г. после крещения дочери Жуковский устроил праздничный обед специально для своих «людей» и «людей» Г. фон Рейтерна и очень переживал, что за общий стол отказался сесть повар – «единственное печальное обстоятельство в этот радостный день» [Жуковский, 2004. С. 270]. Иногда Жуковскому приходилось вмешиваться в отношения между «людьми» и разбирать их конфликты. Например, 8 (20) и 9 (21) января 1842 г. он записывает в дневнике: «Между людьми опять баталия», «утром разбор ссоры между кухаркой и прочими» [Там же. С. 267].

В то же время отношения Жуковского с «людьми» были лишены какого-либо авторитарно-деспотического оттенка, зачастую свойственного патриархальным семьям. Поэт умел сочетать отеческую заботу о стоящем ниже его на социальной лестнице человеке с деликатностью и уважением, что, безусловно, рождало ответный отклик в сердцах его домочадцев. Примером этого может быть история слуги Василия Кальянова, который был одним из самых близких Жуковскому людей в последние годы жизни. К настоящему времени вышла лишь одна публикация о Кальянове, подготовленная О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевичем, издавшими его краткие мемуары о Жуковском [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999.

¹ Это объясняется влиянием не только русской традиции. Такого рода отношения с домашней прислугой были общераспространенными в XVIII в. и в Германии. В течение XIX в. они постепенно вытеснялись отношениями «работодатель – работник», но в некоторых немецких землях сохранялись весьма долго (см.: [Sagatta, 1977. P. 379–380]).

С. 439–442]. Предлагаемая статья представляет собой попытку реконструкции основных вех в истории отношений Кальянова с семейством поэта.

Василий Яковлевич² Кальянов был крепостным управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией А. И. Блока. Мучительно переживая свое крепостное состояние, он бежал от хозяина и поселился во Франкфурте-на-Майне на поруке принца Евгения Вюртембергского, надеясь выучиться какому-нибудь ремеслу [Письма В. А. Жуковского..., 1895. С. 307]. Здесь в 1844 г. с ним и познакомился Жуковский, в мае этого года переехавший из Дюссельдорфа в заречную часть Франкфурта.

1 сентября 1847 г. он принял Кальянова к себе на службу переписчиком, а в 1848 г. уже доверил ему обязанности камердинера и секретаря [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439]. Судя по расписанию дня, сохранившемуся от этого года, для работы с Кальяновым поэт отводил ежедневно время с 15.00 до 16.00 (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 77. Л. 36 об.).

В архивах Москвы и Петербурга сохранились многочисленные рукописи произведений Жуковского, переписанных рукою Кальянова. Особенно важной для Жуковского была помощь переписчика при подготовке 5-го издания полного собрания сочинений, работа над которым развернулась в 1849–1850 гг. Кальянов переписывал сочинения в прозе, предназначавшиеся для десятого (так и не вышедшего в свет) тома этого издания. На листах их черновой копии, выполненной Кальяновым, сохранились инструкции Жуковского, указывающие, как именно Кальянов должен располагать текст при переписывании: «NB Когда одна статья кончается на странице, следует переходить на другую» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-1. Л. 44), «каждую букву³ на новую страницу», «отделить статьи звездочками» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-2. Л. II).

Еще более Жуковский стал нуждаться в помощи Кальянова, когда с лета 1851 г. у него обострилась болезнь глаз, и по рекомендации врачей он был вынужден проводить почти все время в темной комнате с повязкой на глазах. На этот случай слепнувший поэт заранее приготовил приспособление, с помощью которого он мог писать вслепую, – «машинку» для письма карандашом большими буквами на листах плотной бумаги крупного формата. Самостоятельно прочитывать написанное для последующей редактуре он уже не мог – для него вслух читал Кальянов, который и вносил в текст необходимые правки под диктовку поэта (см., например, рукопись (РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 6)).

В это время Кальянов стал для Жуковского «и глазами для чтения, и рукою для письма» [Гиллельсон, 1979. С. 71; В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 669]. Жуковский очень дорожил его помощью. Кальянов вспоминал: «...когда он, бедный, страдал болезнью глаз, он не мог даже писать писем; – но он диктовал, а я писал; – но адреса ему нужно было самому писать, потому что я тогда очень мало знал даже говорить по-немецки. Но я выучил французские письменные буквы, потому что В.<асилий> А.<ндреевич> писал адреса не немецкими, а французскими буквами; потом я с каждого написанного им адреса списывал или, вернее, срисовывал копию и хранил у себя, а впоследствии знал все адреса, и ему не нужно было самому писать. – И эту ничтожную услугу он ценил. Другой господин считал бы это за ничто» [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439–440].

В 1851 г. Жуковский помог Кальянову получить разрешение на венчание [Письма В. А. Жуковского..., 1869. Стб. 93], стал посаженным отцом на его свадьбе и крестным его первенца [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439], которого Кальянов назвал так же, как звали сына Жуковского, – Павлом (родившуюся позже дочь Кальянов назвал именем, которое носила дочь Жуковского, – Александра)⁴. Чтобы окончательно урегулировать правовой статус своего камердинера, поэт тогда же на собственные средства выкупил беглого крепостного на волю. Для этого ему пришлось приложить значительные усилия, задейство-

² Отчество Кальянова, до сих пор в исследовательской литературе не известное, устанавливается по письму П. В. Жуковского К. С. Сербиновичу от 27 ноября 1869 г. (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 295. Л. 1).

³ Для удобства переписывания Жуковский пронумеровал разделы статей с помощью латинских литер и цифровых индексов.

⁴ Любопытно, что и жену Кальянова звали так же, как жену Жуковского, – Елизаветой (и она тоже была немкой). Таким образом, набор имен в семьях того и другого совпадал: Василий, Елизавета, Павел, Александра.

вав даже свои придворные связи⁵. По возвращении в Россию Жуковский планировал и дальше покровительствовать Кальянову [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439] и зондировал возможность зачислить его «в какую-нибудь категорию» при дворе великого князя.

Для Кальянова Жуковский стал «отцом и наставником» [Там же. С. 442], перед нравственным величием которого тот преклонялся. «Я всю жизнь искал человека, подобного В.<асилию> А.<ндреевичу>, – и хотя много видел очень добрых людей на земле, но подобного Василию Андреевичу еще не встречал» [Там же], – писал Кальянов в 1887 г.

Он ухаживал за Жуковским на смертном одре и фактически принял его последний вздох. Н. Докучаев, учитель детей А. М. Горчакова, посланный Горчаковым из Штутгарта в Баден для присутствия на похоронах Жуковского, основываясь на свидетельствах близких поэта, писал: «Василий Андреевич уже за 11 дней до своей смерти чувствовал ослабление сил и поэтому не испытывал сильных мучений болезни. В эти последние дни он иногда оказывал нетерпение в обращении с прислугой; но это было минутным явлением. Заметив неудовольствие слуги, он кротко говорил: “Прости меня, Василий. Ведь ты знаешь, что я ворчун. Если я сказал что-нибудь грубо, научи меня говорить иначе”. <...>

После, в разговоре с слугою, он сказал: “Василий, как только я умру, ты тотчас закрой мне глаза; если будет открыт рот, завяжи лицо платком. Это некрасиво, когда глаза и рот открыты, я видел таких некрасивых покойников много”.

И верный слуга с той минуты приготовил два гульдена⁶.

В пятницу, по полудни, В.<асилий> Анд.<реевич> впал в полу-бред, говорил несвязно. Во 2-м часу по полуночи, Василий услышал тяжелые вздохи, позвал тестя Василия Андреевича, они, войдя в комнату, услышали тихий спокойный последний вздох его⁷» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1, ч. 2. № 1920. Л. 12, 13 об.).

Преданно храня благодарную память о своем наставнике, Кальянов продолжал служить его осиротевшим родным. Когда Жуковские в 1853 г. переехали из Франкфурта-на-Майне в Москву, Кальянов вернулся на родину вместе с ними. Здесь на него оказались возложены обязанности домашнего переводчика, так как ни остальная прислуга, состоявшая из немцев [Николаев, 1916. С. 456], ни супруга поэта Е. Жуковская, ни ее дети Александра и Павел не говорили по-русски. После смерти Е. Жуковской в 1856 г. Кальянов остался жить в Москве, зарабатывая на жизнь сдачей номеров в доходном доме.

Младшие же Жуковские в декабре 1856 г. уехали в Петербург, где жили под опекой своего дяди Александра фон Рейтерна (флигель-адъютанта Александра II). Александра оставалась здесь до конца апреля 1859 г., когда была отправлена в Германию к родственникам⁸. Павел же до 16 лет учился в Петербурге в Третьей гимназии, а затем, в 1861 г., был также отпущен за границу, где провел несколько лет⁹, занимаясь живописью. Кальянов не терял с детьми своего благодетеля связи, поддерживал переписку. На стенах его квартиры висели портреты В. А. Жуковского, Е. А. Жуковской и их дочери. П. В. Жуковский был крестным отцом его младшего сына Николая, родившегося 30 декабря 1856 г.

Вероятно, в начале 1860-х гг. Кальянов и сам перебрался в столицу. По крайней мере, известно, что в 1867–1868 гг. он, живя в Петербурге, помогал П. В. Жуковскому в работе над шестым изданием собрания сочинений В. А. Жуковского, исполняя обязанности его камердинера, секретаря и курьера. В относящейся к этому времени переписке П. В. Жуковского с К. С. Сербиновичем, участвовавшим в издании, постоянно встречается имя Кальянова (см.:

⁵ Переписку по этому поводу, которая велась через В. Д. Олсуфьева (см. [В. А. Жуковский. Чествование его памяти..., 1883. С. 74–76]).

⁶ Ср. описание этого же эпизода В. Кальяновым: [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439].

⁷ Ср. описание этих же событий двоюродным братом жены Жуковского Христофором Рейтерном: «В полдень он лишился чувств – доктора сказали, что он проживет несколько дней. Ночью я сидел у его постели, – кроме меня еще камердинер Василий был в комнате больного – доктор спал в другой комнате. Больной дышал громко и лихорадочно – вдруг он умолк. – Василий побежал за доктором. Доктор нагнулся к больному и сказал: «все кончено». – Это было в час и тридцать семь минут утра» [Долгушин, 2010. С. 344].

⁸ См. ее письмо А. П. Петерсону от 29.04.1859 из Петербурга: (РГБ. Ф. 104. Карт. 2. № 186. Л. 2 – 3 об.).

⁹ Воспоминания П. В. Жуковского о несколько авантюрной истории его отъезда из Петербурга были записаны Б. Л. Модзалевским: [Дневник Б.Л. Модзалевского, 1999. С. 458–459].

(РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1078. Л. 4, 9; Ф. 1673. Оп. 1. № 295. Л. 1) и более поздние письма (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1078. Л. 10 об., 11 об.)).

Летом-осенью 1871 г. разразился светский скандал, связанный с любовным романом между А. В. Жуковской и вел. кн. Алексеем Александровичем, из-за которого Александра Васильевна была выслана из страны (см.: [Белякова, 2004. С. 85–106]). П. В. Жуковский в знак протеста тоже покинул Россию. Приезды его на родину стали возможны только с началом нового царствования (вступивший на престол в 1881 г. Александр III еще с ранних юношеских лет являлся его другом), но были непродолжительными – в России П. В. Жуковский проводил примерно по два месяца в год, общаясь преимущественно в придворной и художественной среде (см. [Долгушин, 2016. С. 508]).

Кальянов и в это время продолжал заботиться о посмертной памяти В. А. Жуковского. В 1883 г. он сотрудничал с О. Миллером в подготовке столетнего юбилея поэта [В. А. Жуковский. Чествование его памяти..., 1883]. В 1885 г. Кальянов (либо по поручению Павла Васильевича, либо по собственной инициативе ¹⁰) сделал копию с автографа рукописи Нового Завета в переводе Жуковского. В 1887 г. он записал свои воспоминания о В. А. Жуковском [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999. С. 439–442, 669]. Долгое время он следил за памятником на могиле В. А. Жуковского, ежегодно оплачивая сторожу работы по его уборке. На протяжении многих лет Кальянов по доверенности получал пожизненную пенсию (см.: [Дневник Б. Л. Модзалевского, 1999. С. 458–459]), назначенную П. В. Жуковскому, и пересылал ее ему за границу.

Незадолго до смерти Кальянов признавался П. В. Жуковскому: «...в ранней молодости я совсем не любил жизнь, – не видел в ней радости для простого народа. – Но с тех пор, как я поступил в дом Ваших незабвенных родителей, я полюбил ее и увидел, – что и для бедных людей есть радости на земле: Вы же, и добрая Баронесса ¹¹, поддержали во мне эту любовь до последних дней» (РГБ. Ф. 104. Карт. 4. № 38. Л. 5 об.).

Ниже приводится текст трех писем В. Я. Кальянова П. В. Жуковскому, хранящихся в РГБ. Ф. 104. Карт. 4. № 38. Текст публикуется в новой орфографии, пунктуация приближена к современной с сохранением некоторых авторских особенностей.

*Л. 1 Милостивый Государь
Павел Васильевич!*¹

Благодарю Вас всепокорнейше за Ваше большое и ласковое письмо, и за добрую память о нас; – мы всякой раз так радуемся, когда от Вас получаем письма, что несколько дней идет в голове мысль, будто мы уже живем близко к Вам, и так близко, что мы уже слышим Ваш голос; – но это все происходит от того, что мы почти каждый день читаем Ваши, и доброй Александры Васильевны ^{II}, письма. И так я рад, что Вы потолстели, хотя *Л. 1 об* и жалко, что пальто сделалось узко, но у пальто можно пуговицы переставить подальше, и даже можно другое сделать, дай Бог только, чтобы Вы полнели. – Я думаю, Вы слыхали, что с портрета Вашего милого Папа снимали копию для Авдотьи Петровны Елагиной ^{III}; для этого приходил к нам всякой день живописец Riss ^{IV}, я часто стоял подле него и смотрел на его работу; и этот добрый человек подозревал что-то во мне: то ли, что я желал бы тоже портрет иметь, или то, что завидую тем людям, которые имеют счастье иметь всегда перед глазами портрет такого доброго человека. Он неожиданно меня обрадовал. Он срисовал также и для меня маленькой портрет с моего благодетеля, *Л. 2* хотя не красками, но довольно сходно, и подарил мне, как я обрадовался этому приятному подарку; – и теперь у меня висят портреты Ваших добрых родителей и Александры Васильевны, но только не имею моего милого Павла Васильевича, но я надеюсь, что Вы будете так милостивы и когда-нибудь мне доставите это счастье.

Lischen ^V Вам будет в следующий раз писать, она это время была нездорова, но теперь, слава Богу, поправляется; – крестник Ваш ^{VI} здоров, веселенький и уже смеется, вчера ему

¹⁰ Возможно, это был подарок, сделанный В. Кальяновым к сорокалетию П. В. Жуковского. Подробнее см.: [Долгушин, 2016. С. 508].

¹¹ Имеется в виду А. В. Жуковская, в замужестве баронесса Вёрман.

было 6 недель и он был в церкви и приобщался Святых Таин. – Павел и Саша ^{VII} также здоровы и все вспоминают *gäste Paul und Satscha* ¹².

Л. 2 об. Поклонитесь, пожалуйста, очень низко от меня Александре Васильевне.

Будьте так добры, пишите и радуйте по-прежнему искренне Вас любящего и нижайшего слугу

Василия.

Москва

4 февраля 1857 г.

Л. 3 Милостивый Государь

Добрый Павел Васильевич!

Примите от меня и от моего семейства поздравление с днем Вашего Ангела ^{VIII}; как жалко и грустно, что я не могу по-прежнему поздравить Вас лично, и полюбоваться на Вас глядя – но надеюсь, что Бог приведет мне когда-нибудь опять Вас увидеть. – А также приношу Вам, добрый Павел Васильевич, много-много благодарности, за Ваше милое письмо, которое меня очень обрадовало, потому, что в нем видно, как Вы можете говорить по-русски ^{IX}, это *Л. 3 об.* доказывает, что Вы хорошо занимаетесь, и очень обрадовало потому, что я увидел, как Вы добры ко мне, и даже позволяете мне, в случае трудности, прибегнуть к Вам искать помощи, но я уже так много получивший милости от Вас, – желал бы, чтобы Вас более не беспокоить.

Вы желали знать, где теперь М. Н. Павлова ^X, – я недавно их встретил и сказал им, что Вы об них вспоминаете – они живут с Сашей у сестрицы Марии Николаевны на Якиманке, которая очень больна. – Вы также спрашивали, добрый Павел Васильевич, о моих родных; они пишут ко мне, что слава Богу здоровы, но теперь ко мне в гости не могут приезжать, потому, что это для *Л. 4* нас в это время, дорого стоит; может быть со временем, ежели мои дела будут идти лучше, то я их возьму ко мне. Теперь я хлопочу, чтобы умножить мою квартиру, потому что, имея 5 номеров, никак нельзя получить столько дохода, чтобы можно было быть не в нужде; а жильцы мои очень довольны, а также и некоторые посторонние берут кушанье к себе на дом; и даже хозяин дома предлагает мне взять другую половину этажа, но состояние мое заставляет меня пообдумать, как приступить к этому делу.

Дай Бог провести лето весело и быть здоровыми, а также и всем, с кем Вы живете; добрый Дяденька ^{XI} писал мне, что Вы будете лето жить в Петергофе, – там *Л. 4 об.* верно Вам очень весело. – От доброй Александры Васильевны мы не имеем еще никакого известия. – Будьте так милостивы, добрый Павел Васильевич, обрадуйте опять Вашим письмецом.

Lischen, Павел, Саша и крестник Николай ^{XI}, который уже бегаёт, и такой забавный мальчик, Вам кланяются и сожалеют тоже, что не могут Вас видеть.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вас многолюбящий
и всенижайший слуга
Василий Кальянов

Москва

27 июня 1858 года

Л. 5 Милостивый Государь

Добрый Павел Васильевич!

Зная Ваше мягкое и доброе сердце, принимающее во всем сожаление и участие; – не хотелось раньше времени все рассказывать. – Но теперь нахожу даже необходимым высказаться для лучшего в будущем. Последнее время я стал прихварывать понемногу, понемногу, – но болезнь моя увеличилась до того, что Добужинский ^{XIII} счел нужным показать меня Док-

¹² Гостей Павла и Сашу. – *нем.*

тору Бертенсону^{XIV}. – Указаниями которого, вот уже 4 недели, я и пользуюсь, – но к лучшему не предвидится, – болезнь называют катарром.

А потому и прошу Вас, наш добрый Павел Васильевич, 1-го ноября написать доверенность на получение Вашей пенсии^{XV} на имя Лизхен, то есть: доверяю получить жене московского мещанина Елизавете Кальяновой. А я здесь засвидетельствую ее личность. – И надеюсь, это исполнится, как было и мною, и вышлетя к Вам тем же порядком; и так может продолжаться *Л. 5 об.* и вперед, – если Вы не имеете кому передать это поручение или если Вы это желаете. Я об этом напишу и Баронессе^{XVI}. – Я пока еще не лежу в постели, – но может и это случится. Как грустно все это писать тому, – кому хотелось бы еще долго с любовью и радостью послужить, – и кому так много обязан вечною благодарностию за постоянные милости, и наконец кто поддерживал во мне любовь к жизни. Ибо в ранней молодости я совсем не любил жизнь, – не видел в ней радости для простого народа. – Но с тех пор, как я поступил в дом Ваших незабвенных родителей, я полюбил ее и увидел, – что и для бедных людей есть радости на земле: Вы же, и добрая Баронесса, поддержали во мне эту любовь до последних дней.

Новый футляр на памятник Ваших незабвенных родителей теперь готов и сделан хорошо, и даже я нашел мастера, – который исправил одну ошибку на памятнике. Когда ставили памятник, Граф Блудов^{XVII} показал день рождения В.<асилия> А.<ндреевича> в 1781 году, а следовало в 1783 году. Один гранильщик исправил и довольно хорошо эту ошибку. – А то в прошлое *Л. 6* лето, как говорит сторож, – один господин, посетив кладбище, заметил ему, что это показано на памятнике неверно.

Сторожу платилось за разборку и уборку памятника ежегодно в конце года 5 рублей. И я вчера ему уплатил 5 рублей по 1-е января 1896 года.

Примите, добрый наш Благодетель, искреннее пожелание, чтобы Господь хранил Вас долго на земле и воздал Вам за нас свою милость.

Искренне Вас любивший и преданный слуга
Василий Кальянов

С. Петербург
19-е октября 1895 года

Комментарии

^I ...Павел Васильевич... П. В. Жуковский (1845–1912) – сын поэта, в будущем шталмейстер двора, художник.

^{II} ...и доброй Александры Васильевны... А. В. Жуковская (1842–1899) – дочь поэта, родная сестра П. В. Жуковского.

^{III} ...для Авдотьи Петровны Елагиной. А. П. Елагина (1789–1877) – сводная племянница и близкий друг В. А. Жуковского.

^{IV} ...живописец Riss... Франц Николаевич Рисс (1804–1886) – известный российский художник-портретист французского происхождения. За портрет В. А. Жуковского, выполненный в 1833 г., он был тогда же удостоен звания академика портретной живописи. Видимо, этот портрет он и приходил копировать в 1857 г.

^V ...Lischen... Жена Кальянова Елизавета, немка, на которой он женился в Бадене в 1851 г.

^{VI} ...крестник Ваш... Младший сын Кальянова Николай.

^{VII} ...Павел и Саша... Дети Кальянова.

^{VIII} ...с днем Вашего Ангела... П. В. Жуковский был назван в честь апостола Павла (его отец прямо сообщает об этом в письме наследнику престола [Жуковский, 1885. С. 480]), следовательно, праздновал день Ангела на праздник Петра и Павла, 29 июня (12 июля).

^{IX} ...Вы можете говорить по-русски... Поскольку до смерти матери дети В. А. Жуковского постоянно находились в немецкой языковой среде, они почти не говорили по-русски.

^X ...М. Н. Павлова... Мария Николаевна Павлова, гувернантка А. В. Жуковской. О ней упоминает Александр фон Рейтерн в письме А. А. Толстой от 26 декабря 1856 г. из Петербурга. Рассказывая ей о том, как чувствуют себя Саша и Павел Жуковские спустя месяц по-

сле смерти матери, он пишет: «Les enfants, devant encore garder le chambre après leurs maladie, sont restés avec Mme Pavloff et mon frère Basile à Moscou d'où je les attends vers la fin de cette semaine <...>».

Les enfants seront pour le moment chez moi sans gouverneur ni gouvernante car Mme Pavloff ne se décide pas à quitter Moscou, quoiqu'elle ait promis à Elisabeth de ne pas séparer de sa fille, au moins pendant cet hiver; elle prétend que sa faible santé, et son caractère porté à la tristesse ne lui permettent de surveiller, comme il le faudrait, l'éducation de Sacha»¹³ (РГБ. Ф. 104. Карт. 3. № 12. Л. 1 об., 2).

^{XI} ...Дяденька писал мне... Дяденька – брат Елизаветы Жуковской Александр фон Рейтерн (1824 – 1879), флигель-адъютант императора Александра II.

^{XII} *Lischen, Павел, Саша и крестник Николай...* Жена и дети В. Кальянова.

^{XIII} ...Добужинский... Возможно, Евстафий Петрович Добужинский (1840–1904) – хирург, дядя знаменитого художника, врач герцога Ольденбургского. Может быть, П. В. Жуковский, пользуясь своими дворцовыми связями, попросил его проконсультировать Кальянова.

^{XIV} ...Доктору Бертенсону. Бертенсон – вероятно, Лев Бернардович Бертенсон (1850–1929), врач, пользовавшийся большой популярностью в Петербурге в конце XIX в. Имел множество знакомств в музыкальных и литературных кругах – в том числе был знаком с Ф. М. Достоевским, И. С. Тургеневым, П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, А. П. Бородиным, М. П. Мусоргским. Но возможно и то, что имеется в виду его брат Василий Бернардович Бертенсон (1853–1933), личный врач П. И. Чайковского.

^{XV} ...Вашей пенсии... За П. В. Жуковским по указу императора Александра II была сохранена пенсия его отца – сначала до совершеннолетия, а затем, по достижении совершеннолетия, и пожизненно [Дневник Б. Л. Модзалевского, 1999. С. 458–459].

^{XVI} ...напишу и Баронессе. Имеется в виду А. В. Жуковская, в замужестве баронесса Вёрман.

^{XVII} *Граф Блудов...* Д. Н. Блудов (1785–1864) участвовал в специальной комиссии, созданной друзьями Жуковского для установки ему памятника на кладбище Александро-Невской Лавры. Именно по его настоянию памятник был сделан, как считал Блудов, в раннехристианском виде, по образцу гробницы Ярослава Мудрого в Киеве (см. письмо И. В. Киреевского Е. А. Жуковской от 10 мая 1855 г. (РГБ. Ф. 104. Карт 4. № 7а. Л. 3–6)).

Список литературы

Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII в.: домовое подданство графа П. А. Румянцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 24 с.

Белякова З. Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб.: Logos, 2004. 232 с.

В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.

В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. Издание Н. И. Стояновского. СПб., 1883. 83 с.

Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Ежегодник. 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34–75.

Дневник Б. Л. Модзалевского, 1908 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Т. И. Краснобородько // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1999. Т. 9. С. 450–465.

Долгушин Д., свящ. «Кончина Жуковского, кончина праведника...» (кончина В. А. Жуковского в свидетельствах протоиерея Иоанна Базарова, Е. А. Жуковской и Х. Х. Рейтерна) // Жуковский: Исследования и материалы / Ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 322–348.

¹³ «Дети, которые еще не оправились от болезни и не могут выходить на улицу, остались с г-жой Павловой и моим братом Василием в Москве, откуда я их жду к концу этой недели <...>».

Дети пока что будут жить у меня без гувернера и гувернантки, так как г-жа Павлова не решилась покинуть Москву, хотя она и обещала Елизавете не оставлять ее дочь по крайней мере на эту зиму; она утверждает, что слабое здоровье и охватившая ее печаль не позволяют ей следить как следует за воспитанием Саши» – *фр.* (пер. Д. В. Долгушина).

Долгушин Д. В. Новый Завет в переводе В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем / Ред. Д. В. Долгушин, А. С. Янушкевич. М.: ИД ЯСК, 2016. Т. 11 (второй полутом). С. 467–517.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. 768 с.

Жуковский В. А. Соч. / Под ред. И. А. Ефремова. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.

Киселева Л. Н. Проблема изучения биографического контекста (окружение Жуковского) // *Europa Orientalis*. 2011. № 17. С. 161–171.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 545 с.

Николаев А. Н. Зонтаг, Анна Петровна // *Русский биографический словарь*. Жабокритский – Зяловский. Пг., 1916. С. 451–463.

Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.

Письма В. А. Жуковского протоиерею И. И. Базарову // *Русский архив*. 1869. Т. 1. Стб. 81–100.

Sagarra E. A Social History of Germany. 1648–1914. New Brunswick, London: Transaction Publ., 2009. 504 p.

Список архивных материалов

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1, ч. 2. № 1920.

РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 6; Карт. 2. № 186; Карт. 3. № 12; Карт. 4. № 7а, 38.

РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1078; Ф. 1673. Оп. 1. № 295.

РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-1, 70-2, 77.

Материал поступил в редколлегию 20.02.2018

D. V. Dolgushin

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

D_Dolgushin@mail.ru

V. A. ZHUKOVSKY'S SECRETARY VASILY KALYANOV

The paper examines the late period of V. A. Zhukovsky's work and biography. The poet spent the last years of his life far from his homeland, separated from old friends, so his new family (Reitern's family), German friends and helpers were closest to him people in this period. Meanwhile, many of them remain almost completely unknown to researchers. The aim of this paper is to give a brief reconstruction of the biography of one of the closest associates of Zhukovsky in the last years of his life – his Secretary Vasiliy Kalyanov.

Vasiliy Kalyanov was a serf of A. I. Blok, the manager of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Painfully reliving his serfdom, he fled from his master and settled in Frankfurt on the responsibility of Prince Eugene of Württemberg, hoping to learn some trade. There in 1844 he made acquaintance with Zhukovsky. On 1 September 1847, he took Kalyanov to his service as a scribe, and in 1848 entrusted him with the duties of Valet and Secretary. Zhukovsky was the best man at the wedding of Kalyanov (1851), the godfather of his first child. To finally regulate the legal status of his Valet, poet at his own expense bought the fugitive serf and liberated him. To do this he had to make considerable efforts. The poet became «father and mentor» for Kalyanov, who admired the moral greatness of Zhukovsky. Kalyanov nursed Zhukovsky on his deathbed, and in his hands the poet breathed his last.

Faithfully preserving a grateful memory of his mentor, Kalyanov continued to serve his orphaned family. Kalyanov's older children were named in honor of Zhukovsky's children Paul and Sasha. P. V. Zhukovsky was the godfather of Kalyanov's younger son Nicholas. When Zhukovsky's family moved from Frankfurt to Moscow in 1853, Kalyanov returned to homeland with them. Here, he was responsible home translator because nor the rest of the servants, consisting of the Germans, nor E. A. Zhukovskaya, nor her children spoke no Russian. After the death of E. A. Zhukovskaya in 1856 Kalyanov left to live in Moscow, earning a living from renting apartments in the apartment house. Younger Zhukovsky went to see their guardian in Petersburg in December 1856. But Kalyanov did not lose contact with them, supporting correspondence.

Kalyanov moved to the capital in the early 1860s probably. In 1867–1868 he, already living in St. Petersburg, he helped P. V. Zhukovsky as the Secretary and the courier, working on the sixth edition of the collected works of V. A. Zhukovsky. In 1883 he collaborated with O. Miller in the preparation of the anniversary of the poet. Kalyanov took care about the monument at the grave of Zhukovsky, paying annually to the watchman work on his cleaning. For many years he would receive a pension, appointed by the Emperor children Zhukovsky, and send them abroad. Zhukovskie in turn did not forget their old servant.

The paper contains unpublished V. Kalyanov's letters addressed to P. V. Zhukovsky. They add new touches to the history of Kalyanov's relations with the family of the poet.

Keywords: V. A. Zhukovsky, P. V. Zhukovsky, V. J. Kalyanov, Russian literature of the first half of the 19th century.

References

Bekasova A. V. Sem'ya, rodstvo i pokrovitel'stvo v Rossii XVIII v.: domovoe poddanstvo grafa P. A. Rumyantseva [Family, Kinship and Patronage in Russia in the 18th Century: Domestic Citizenship of Count P. A. Rumyantsev]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 2006, 24 p. (in Russ.)

Belyakova Z. Velikii knyaz' Aleksei Aleksandrovich. Za i protiv [Grand Duke Aleksei Aleksandrovich. Pro et contra]. St. Petersburg, Logos, 2004, 232 p. (in Russ.)

Dnevnik B. L. Modzalevskogo, 1908 g. [Diary of B. L. Modzlevsky, 1908] Ed. by T. I. Krasnoborod'ko. *Rossiiskii Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh*. Moscow, Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, 1999, vol. 9, p. 450–465. (in Russ.)

Dolgushin D. V. Novyi Zavet v perevode V. A. Zhukovskogo [The New Testament in the translation of V. A. Zhukovsky]. *Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Ed. by D. V. Dolgushin, A. S. Yanushkevich. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK, 2016, vol. 11, p. 467–517.

Dolgushin D., svyashch. «Konchina Zhukovskogo, konchina pravednika...» (konchina V. A. Zhukovskogo v svidetel'stvakh protoiereya Ioanna Bazarova, E. A. Zhukovskoi i Kh. Kh. Reiterna) [«The death of Zhukovsky, the death of the righteous» (the death of V. A. Zhukovsky in the testimonies of Archpriest John Bazarov, E. Zhukovskaya and Ch. Ch. Reiter)]. *Zhukovskii: Issledovaniya i materialy*. Ed. by A. S. Yanushkevich, I. A. Aizikova. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 2010, p. 322–348. (in Russ.)

Gillel'son M. I. Perepiska P. A. Vyazemskogo i V. A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence of P. A. Vyazemsky and Zhukovsky (1842–1852)]. *Pamyatniki kul'tury: Ezhegodnik*, 1979, Leningrad, Nauka, 1980, p. 34–75. (in Russ.)

Kiseleva L. N. Problema izucheniya biograficheskogo konteksta (okruzhenie Zhukovskogo) [The problem of studying the biographical context (the environment of Zhukovsky)]. *Europa Orientalis*, 2011, no 17, p. 161–171. (in Russ.)

Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XIX vv.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia during the period of the empire (18th – early 19th centuries.): The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, vol. 1, 545 p. (in Russ.)

Nikolaev A. N. Zontag, Anna Petrovna [Zontag, Anna Petrovna]. *Russkii biograficheskii slovar'. Zhabokritskii – Zyalovskii*. Petrograd, 1916, p. 451–463. (in Russ.)

Pis'ma V. A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu [Letters of V. A. Zhukovsky to A. I. Tourgenyev]. Moscow, 1895, 322 p. (in Russ.)

Pis'ma V. A. Zhukovskogo protoiereyu I. I. Bazarovu [Letters of V. A. Zhukovsky to Archpriest John Bazarov]. *Russkii arkhiv*, 1869, vol. 1, column 81–100. (in Russ.)

Sagarra E. A Social History of Germany. 1648–1914. New Brunswick, London, Transaction Publishers, 2009, 504 p.

V. A. Zhukovskii v vospominaniyakh sovremennikov [Zhukovsky in the memoirs of his contemporaries]. Ed by O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. Moscow, Nauka, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999, 726 p. (in Russ.)

V. A. Zhukovskii. Chestvovanie ego pamyati v S.-Peterburge 29 i 30 yanvarya 1883 goda. Izdanie N. I. Stoyanovskogo [V. A. Zhukovsky. Honoring his memory in St. Petersburg on January 29 and 30, 1883]. St. Petersburg, 1883, 83 p. (in Russ.)

Zhukovskii V. A. Sochineniya. [Works]. Ed. By I. A. Efremov. St. Petersburg, 1885, vol. 6, 640 p. (in Russ.)

Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]. Ed. by O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, vol. 14: The Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1834–1847, 768 p. (in Russ.)

Archives

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 728. List 1, part 2. Dossier 1920. (in Russ.)

RGB [Russian State Library]. Stock 104. List 1. Dossier 6; List 2. Dossier 18b; List 3. Dossier 12; List 4. Dossier 7a, 38. (in Russ.)

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1661. List 1. Dossier 1078; Stock 1673. List 1. Dossier 295. (in Russ.)

RNB [Russian National Library]. Stock 286. List 1. Dossier 70-1, 70-2, 77. (in Russ.)

Л. Н. Синякова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

scholast@ngs.ru

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ВОЛОДЯ»: ЭТИЧЕСКАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Исследуется взаимосвязь этических и антропологических мотивировок характера главного персонажа в рассказе А. П. Чехова «Володя». Испытываемое героем отвращение к окружающим во многом является проекцией не только его постоянного душевного состояния – нелюбви к матери и отторжения фальши дачного кружка, но и неприятия собственного некрасивого тела. Страдания героя вызваны также влечением к родственнице хозяйки дачи. Наступившее после случайной связи с Анной Федоровной эмоциональное опустошение распространяется на отношение героя к матери и другим персонажам.

Корреляция лжи и телесности, двух факторов, разрушающих образ мира ведущего персонажа, приобретает в повествовательной динамике важнейшее значение. Переплетение этического мировосприятия и антропологической саморефлексии в психологическом процессе переживания стыда за вечно лгущую мать, собственное некрасивое лицо и тело, неприятие равнодушных или лживых людей в ближайшем окружении героя приводит его к самоубийству. В статье доказывается, что подобный комплекс этических и эмоциональных состояний является концептуальным для чеховского человека.

Ключевые слова: художественная антропология, структура образа человека, сюжетная метафора «тело – ложь».

Рассказ А. П. Чехова «Володя»¹ явился откликом на эпидемию самоубийств среди молодежи, которая, начавшись в 1870-х гг., озаменовала «конец века» в русском обществе. На предложение Д. В. Григоровича написать роман о самоубийстве юноши А. П. Чехов отвечал в письме от 12 января 1888 г.: «Самоубийство 17-тилетнего мальчика – тема очень благодарная и заманчивая, но ведь за нее страшно браться! На измучивший всех вопрос нужен и мучительно-сильный ответ <...> Чтобы овладеть таким лицом, надо самому уметь страдать, современные же певцы умеют только ныть и хныкать» [Чехов, 1975. С. 174]. Тем не менее писатель, значительно переделав газетный вариант, взялся за тему о юном самоубийце, покончившем с собой вследствие всеобщей лжи, фальши и – антропологически важной для героя – телесной некрасивости. Последнюю ведущий персонаж наблюдает как в себе, так и в окружающих.

Фабульно рассказ оформлен как история пребывания юноши и его матери на даче знакомых и неожиданного самоубийства главного персонажа по приезде в город. Сюжет произведения можно описать как попытку молодого человека отвлечься в чувстве влюбленности от ощущения тотальной лжи, в первую очередь – от лжи собственной матери, и окончательной его убежденности в беспросветности дальнейшего существования. Сюжетная динамика

¹ Рассказ был напечатан под заголовком «Его первая любовь» в «Петербургской газете» за 1 июня 1887 г.; под окончательным заглавием вошел в чеховский сборник «Хмурые люди» (1890). В канонической редакции помимо других существенных изменений появляется трагический финал – самоубийство Володи (коммент. [Чехов, 1985. С. 663]).

рассказа заключается в нарастании состояния усталости и озлобления в герое. Ведущим мотивом становится ложь: словесная (лганье матери), психологическая (лживость дачного кружка, фальшь или грубость интонаций, разговоров, жестов – вербальных и невербальных сигналов либо уклончивости, либо манипулятивного поведения), наконец, бытийная (подмена смыслов жизни, свободы и любви). Импульс самоубийцы объясняется, в первую очередь, потребностью в освобождении от лжи.

Исследовавшая феномен чеховских самоубийц Э. А. Полоцкая размышляет: «...“жизнь надоела” – это значит, что она протекала не так, как хотелось бы. Грех самоубийства оказывается грехом неверно прожитой жизни. <...> Этика человека, подавленного рутинной, может показаться <...> менее компромиссной, чем этика восставшего против нее ценою собственной жизни. Здесь есть соблазн соотнести эту оценку с осуждением самоубийцы церковью <...>. Так ли это? Ситуация “жизнь надоела” (т. е. жить стало невозможно) в мире Чехова соотносится с ситуацией “больше жить *так* невозможно!” (курсив автора. – Л. С.)» [Полоцкая, 2006. С. 163]. Автор статьи продолжает: «Пока человек способен к бунту, душа его жива. С потерей этого свойства внутренние силы его иссякают, это конец живой жизни. Вот почему герои Чехова так часто боятся дожить до старости <...>» [Там же. С. 165]. Добавим: Володя еще слишком юн, чтобы принять осознанное решение об уходе из жизни. Но ему действительно надоела жизнь, что подтверждает и Э. А. Полоцкая [Там же. С. 162].

Исследовательница делает вывод о безвыходности положения чеховских героев-самоубийц. Отмечая в сюжетах А. П. Чехова «предшествующий гибели героя монотонный гнет обыденщины», известный чеховед называет главную причину трагедии Володи: «Внутренний протест <...> против сложившегося уклада жизни в материнском доме и в гостях, уклада, видимо, тяготившего его давно» [Там же. С. 159]. Бесспорно, в бунте против лжи кроется главная причина самоубийства героя. Однако кроме внутреннего протеста отметим приведший к выстрелу эмоциональный импульс Володи, его мгновенное побуждение прекратить накопившееся в нем отвращение к жизни. В немалой степени оно было вызвано именно антропологическими причинами (осознание власти плоти, отторжение от собственной телесности).

Своеобразие чеховского психологизма в рассказе, на наш взгляд, заключается в теснейшей связи раздражения героя от неискренности матери и пренебрежения остальных и недовольства собой как телесным существом. Корреляция этических составляющих поведения и – шире – жизнеполагания персонажей и их телесного облика служит матрицей образа чеховского человека не только в этом рассказе, но и в дальнейшем творчестве. Помимо общелитературных фундаментальных антропологических универсалий: душа – тело, разум – рассудок – сердце, стихийное и бессознательное (страсть), для созданного Чеховым человека приобретают важность два противоположных психологических состояния: эмоционально емкое переживание (радость, счастье) и обыкновенное и привычное отсутствие переживаний («скука жизни»). Скука, безотчетная тоска и каждодневный обман, вернее, многочисленные обманы, исходящие от «всех», удручают героя рассказа. Обыденность поглощает «страсть» и приводит его к самоубийству.

Начальная ситуация рассказа задает тему телесной неблагоприятности и – пока обыкновенной, исходящей от быта – скуки: «В одно из летних воскресений, часов в пять вечера, Володя, семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий, сидел в беседке на даче у Шумихиных и скучал» [Чехов, 1985. С. 197]². На протяжении тех суток, что составляют художественное время основного сюжета (явление покойного отца отходящему в мир иной герою относится к концептуальному завершению повествуемой истории и ахронично), скука повседневности трансформируется в скуку экзистенциальную, из которой осуществим единственный выход – в небытие. По замечанию Р. С. Спивак, «скука рано или поздно настигает большую часть чеховских героев, составляет неизбежный атрибут жизни чеховских персонажей <...>. Определение “скучно” и синонимы “тоскливо”, “тошно” Чехов использует, изображая обыденную жизнь, труд и душевное состояние» разнообразных героев [2008. С. 192–193]. В конце концов, «скука вырастает в атрибут трагедии “неподлинного существования”

² В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте с указанием страницы.

человека, приобретает экзистенциальный характер и в самом широком смысле означает оскудение, ослабление жизни, ее скатывание в смерть» [Там же. С. 203].

Володя поначалу просто раздражен: завтра ему предстоит выдержать экзамен по математике, а он, наверняка, его не выдержит и будет отчислен из гимназии; богатые Шумихины, на даче которых постоянно гостит мать Володи, за глаза ее бранят (пребывание у них «причиняло постоянную боль его самолюбию» (с. 197)); наконец, юноша подозревает, что влюбился в кузину Шумихиной – тридцатилетнюю Анну Федоровну. Испытываемое им чувство к Нюте – Анне Федоровне – «странное» и «неприятное». Анна Федоровна «была подвижная, голосистая и смешливая барынька, <...> здоровая, крепкая, розовая, с круглыми плечами, круглым жирным подбородком и с постоянной улыбкой на тонких губах. Она была некрасива и не молода – Володя отлично знал это, но почему-то он был не в состоянии не думать о ней <...>» (с. 197–198).

Притяжение к некрасивой и глупой Нюте объясняется комплексом чувственно-эмоциональных побуждений, причем именно ощущение телесности в составе этой страсти тяготит Володю: «Ему было невыносимо стыдно, так что даже он удивлялся, что человеческий стыд может достигать такой остроты и силы» (с. 200). Чувство стыда после сцены в беседке, когда Нюта отвергла его, усугубляется неприятием собственной некрасивости. Володя знал, что обладает заурядной внешностью: «...он вспоминал про свою непобедимую робость, <...> веснушки, узкие глаза, ставил себя в воображении рядом с Нютой – и эта пара казалась ему невозможной; тогда спешил он вообразить себя красивым, смелым, остроумным <...>» (с. 198). Когда же Нюта, освобождаясь от неуклюжих объятий Володи, удивилась, какое у него «нехорошее... злое лицо», герой догадывается, что «злое» относится не к внешней неблаговидности, а к телесно-плотскому существу его персонального целого.

Стыд Володи усиливается, когда он случайно слышит разговор Нюты и матери после происшествия в беседке. Нюта уверяет, что «у него есть манера» и «в лице у него было что-то зверское, как у черкеса», а мать героя с «протяжным смехом» подтверждает его сходство с отцом (с. 201). В продолжение этого невыносимого для Володи разговора мать уже при нем обращается к Нюте: «Он немного похож на Лермонтова... Не правда ли?» (с. 201). Придавая байронический контекст образу юноши, собеседницы сочиняют вымышленного, сильного и дерзкого Володю, и тот страдает от лжи обеих: «И как они могут говорить вслух об этом! <...> Говорят вслух, хладнокровно... И папан смеялась... папан! Боже мой, зачем ты дал мне такую мать?» (с. 201).

Появившаяся среди ночи на пороге его спальни Нюта, занятая поиском какого-то лекарства, показалась Володе «обаятельной, роскошной» и обладающей «чудным телом» (с. 204). После их случайной связи Володя раздавлен и обесценивает образ Анны Федоровны: «Как теперь Володе казались безобразны ее длинные волосы, просторная блуза, ее шаги, голос!...» (с. 205). Нюта, в свою очередь, испытывает отвращение к юноше: «Какой некрасивый, жалкий... фи, гадкий утенок!» (с. 205). Стихия телесности провоцирует негативно-антропологическое восприятие любви в обоих персонажах, и ненормальность этого восприятия, одновременного для них, далее разворачивается в сюжетную метафору «тело – ложь». Наступившее утро, полное солнечного света и звуков «живой жизни», убеждает Володю, что «где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная и поэтическая», но она ему недоступна («Но где она?») (с. 205).

Встреча с Нютой во время завтрака удручает героя. Приехал ее муж – архитектор, и все впечатления от этой пары сплетаются в аффекте отвращения к жизни: «Нюта была в малороссийском костюме, который совсем не шел к ней и делал ее неуклюжей; архитектор острил пошло и плоско; в котлетах <...> было очень много луку <...>. Ему (Володе. – Л. С.) также казалось, что Нюта нарочно громко хохотала и поглядывала в его сторону, чтобы этим дать понять ему, что <...> она не замечает присутствия за столом гадкого утенка» (с. 205–206). В первой редакции рассказа Нюта описана более сниженно, причем в первом предложении эксплицируется базовая эмоция Володи: «Володе вдруг стало все невыносимо противно. Нюта была в малороссийском костюме <...> и казалась неуклюжей, топорной бабищей, доктор (в данной редакции – муж Нюты. – Л. С.) говорил пошло и неумно, в котлетах <...> было очень много луку» (с. 535). Причем в этой редакции воспоминание о «малороссийском костюме с турнюром» (соединение простонародной и «дамской» эстетики в наряде

Нюты уже безвкусно и даже пошло) преследует возвращающегося в город Володю наряду с мыслями о грозящем исключении из гимназии (с. 535)³.

Дальнейшее действие выстраивается как психологический процесс усиления ненависти к себе, матери и всей несостоявшейся жизни юного героя. Сюжетная метафора «тело – ложь» выполняет роль катализатора действия: постоянно ощущая ненависть ко всему, живущему вокруг и помимо него, Володя приходит к мысли о своей исключенности из общего порядка жизни. «Виновато» же, как первичный импульс ненависти, «животное “я”» (Л. Н. Толстой) героя: «Грязные воспоминания, бессонная ночь, предстоящее исключение из гимназии, угрызения совести – все это возбуждало в нем тяжелую, мрачную злобу» (с. 206). Сотрясение собственного нравственного чувства порождает в герое убеждение в общей греховности. Нравственная нечистоплотность матери возмущает его: «Вы наводите на себя красоту, не платите проигрыша, курите чужой табак... противно! Я вас не люблю... не люблю!»; «Мне не стыдно своей бедности, но стыдно, что у меня такая мать...» (с. 206). Дорога до дому для Володи мучительна, потому что сопряжена с переживанием стыда и озлобления. Метонимический охват стыда – ненависти позволяет заключить, что в сфере Володиной жизни зло тотально, однако вне ее существует «чистая, благородная, теплая, изящная полная любви» действительность: «Ему не хотелось входить в вагон, так как там сидела мать, которую он ненавидел. Ненавидел он самого себя, кондукторов, дым от паровоза, холод, которому приписывал свою дрожь...» (с. 206).

Дома Володя «некстати» вспоминает свое детство с ныне покойным отцом и жизнь вместе с ним на побережье: «Захотелось возобновить в памяти цвет неба и океана, высоту волн и свое тогдашнее настроение, но это не удалось ему <...>» (с. 207). «Спасения» в детских ощущениях не состоялось; взросление героя рядом с лживой матерью делает для него недоступной ту самую «чистую, благородную» жизнь, которая была открыта для него как альтернативный вариант судьбы.

Володя упрекает свою мать в том, что она постоянно лжет. Та хвалится своим родством с генералом Шумихиным и Лили Шумихиной, урожденной баронессой Кольб: «Для чего вы рассказываете про генералов и баронесс? Все это ложь!» (с. 208). «Он знал отлично, что татам говорила правду; в ее рассказе о генерале Шумихине и урожденной баронессе Кольб не было ни одного слова лжи, но тем не менее все-таки он чувствовал, что она лжет» (с. 208). Володя возмущен тем, что фактическая правда не совпадает с правдой нравственной, – стремление казаться не тем, чем ты являешься на самом деле (бедной приживалкой, промотавшей большое состояние), в последовательности всех нравственных испытаний того дня воспринимается им как предел этической терпимости. Именно после этого он удаляется в комнату соседа, случайно находит там револьвер и почти случайно, по крайней мере спонтанно, стреляет в себя.

Н. В. Живолупова, изучая художественную антропологию Чехова переходного периода творчества (1886–1888), приходит к следующему выводу: «Ложь как то, за чем ничего не стоит, как *ничто* (курсив автора. – Л. С.), вытесняющее подлинные переживания, чувства, мысли и поступки, достаточно трудно <...> отделима от подлинной жизни. Мимикрия под истину позволяет лжи пронизывать все существование человека, смешиваясь с его искренними порывами и, поскольку даже небольшая примесь лжи лишает суждение и поступок их подлинной этической и познавательной ценности, то извращается всё – все попытки выстраивать собственный непротиворечивый образ в глазах других <...>» [2017. С. 51].

Володя оказался в этической ловушке, которую описала исследовательница. Мало того, что подавляющее большинство людей вокруг него лгали или говорили частичную правду, но и не имевшие повода солгать были грубы и бесчувственны к его несчастью (таков, например, куривший «вонючую сигару» и хохотавший над чем-то в момент самоубийства героя Августин).

³ А. П. Чудаков в числе многих примеров «смешения разнородных и явно несочетаемых признаков» в качестве способа создания комического модуля приводит фрагмент о завтраке из первой редакции рассказа, отмечая: «В едином потоке даются и чувства, и мысли героя, и его гастрономические ощущения <...>. Как и во многих других случаях, прием наполнился другим содержанием и стал почти неузнаваем» [Чудаков, 2016. С. 369]. В дальнейшем исследовании ученый обосновывает принцип «опредмечивания чувства», когда «психический феномен сравнивается с явлением физического мира или прямо уподобляется ему» [Там же. С. 564]. Такой «предметно-телесный» (А. П. Чудаков) психологизм мы наблюдаем в приведенном отрывке.

стин Михайлыч, в комнате которого тот застрелился). Ложь смешалась с правдой, подлинное – с фальшивым. Предсмертное видение покойного отца, который подхватывает Володю и летит вместе с ним в бездонную черную пропасть, возможно, объясняется выделенностью фигуры спасителя-отца из ряда окружавших героя людей. По детским воспоминаниям Володи, отец был светел и искренен.

Душевное смятение Володи происходит как из-за потрясений этического плана (всё дурно и всё ложь), так и по причинам антропологического порядка. Восприятие лжи распространяется на телесную составляющую в персональной структуре образа героя. Упомянутая метафора «тело – ложь» воплощается как в сюжете (настроение любви и влечения к Нюте сменяется отвращением и к предмету влечения, и к любви как таковой, потому что она оказалась плотской и низкой; напудренное лицо матери вызывает гадливость, и т. п.), так и в проекциях душевного состояния на окружающий мир, что блестяще отражено в работах А. П. Чудакова «Поэтика Чехова» (1971) и «Мир Чехова: возникновение и утверждение» (1986) [Чудаков, 2016].

Когнитивная и стилевая связка «человек – вещь» в художественной парадигме А. П. Чехова сопредельна связке «душа – тело». Сложное соположение указанных понятий и их репрезентаций в тексте рассказа позволяет познать внутренний конфликт Володи (дисгармония души и тела) как «антропологическую закономерность» чеховского героя. Частный случай масштабируется, и ему придается универсальное значение.

Таким образом, этическая телеология автора в рассказе «Володя» получила, наряду с сюжетным воплощением и психологической реализацией характеров, антропологическую аргументацию. Подобное построение образа человека во многом определяет своеобразие чеховского героя в зрелом творчестве писателя.

Список литературы

- Живолупова Н. В. Достоевский и Чехов: Аспекты архитектоники и поэтики: Сб. ст. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2017. 268 с.
- Полоцкая Э. А. О Чехове и не только о нем: Статьи разных лет. М.: [б. и.], 2006. 284 с.
- Спивак Р. С. Чехов и экзистенциализм // Философия Чехова: Материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 208 с.
- Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Список источников

- Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 583 с.
- Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 6. 735 с.

Материал поступил в редколлегию 19.11.2017

L. N. Sinyakova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

scholast@ngs.ru

ETHICS AND ANTHROPOLOGY IN A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY «VOLODYA»: ANALOGIES IN PERSONAL CONCEPTION

The article examines correlation between ethics and anthropology in A. P. Chekhov's poetic structure. A. P. Chekhov investigates the teenager's feelings led him to suicide. Total lies and falsity, on one hand, and ugliness of faces and bodies all around, on another, are strongly tied in Volodya's inner world. His occasional love adventure, which he tried with plain and stupid Nyuta, makes him hate himself more and more. His self-destruction mood spreads on everybody in the

summer cottage, especially on his mother and nasty Nyuta. He gets perfect disgust seeing them. Lies and deception of nearly all the personages make him suffer greatly. Volodya exposes his lying mother, which wasted their wealth and plays comic role in the local society. Everybody in Volodya's opinion seems to be indifferent or even opposite to him. The most hateful persons for him are his mother and, in actual narration, Nyuta. The basic metaphor of the text, "lie is body", makes ethics equal to anthropology.

Volodya's disappointment grows during twenty four hours from the exposition to the final episode. Emotional complex here is mixed with anthropological origin: the hero can't stop seeing ugly faces, bodies and flesh in his environment. Negation of wrong behavior of adults and painful experience of dirty love are joint together in Volodya's existent outlook. But at his last moments, being shot, Volodya «meets» his dead father, whose light and sincere image he always remembered heartily. The hero gets free of anxiety connected with liars (mother and Shumikhins, the summer cottage family).

There is surely burst of existentialism in this particular text. Fundamental concepts in it are lie (ethics) and body, or, so to say, «bodyness» (anthropology). A hero in A. P. Chekhov's poetics reveals himself between bright impression and deep boredom. Boredom and sadness which are associated with life itself, form an atmosphere of A. P. Chekhov's works.

The basic metaphor «lie is body» functions as a constructive centre of the short story. The plot is built on this identity, the characters are determined by it, and the main Volodya's experience in his last day of living allows us to guess that this is ethic and anthropology formula of A. P. Chekhov

Interference of ethic and anthropology modes of positioning of characters, especially the main character, is the constructive principal of the short story, and it is special for A. P. Chekhov's poetics in general.

Keywords: literary anthropology, character's structure, plot metaphor «flesh – lie».

References

Chekhov A. P. Polnoie sobranyie sochinenii i pisem: V 30 t. Pisma: V 12 t. [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 2, 583 p. (in Russ.).

Chekhov A. P. Polnoie sobranyie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 6, 753 p. (in Russ.).

Chudakov A. P. Poetika Chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie [Chekhov's Poetics. Chekhov's World: Emergence and Establishment]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016, 704 p. (in Russ.).

Polotskaya E. A. O Chekhove i ne tol'ko o nem [On Chekhov and Others]. Moscow, 2006, 284 p. (in Russ.).

Spivak R. S. Chekhov i eksistentsializm [Chekhov and Existentialism]. *Filosofiya Chekhova: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (Irkutsk, 27 iyunya – 2 iyulya 2006)* [Chekhov's Philosophy: Materials of an International Scientific Conference. Irkutsk, June 27 – July 2, 2006]. Irkutsk, Irkutsk Uni. Press, 2008, 208 p. (in Russ.).

Zhivolupova N. V. Dostoevskii i Chekhov: Aspekty arkhitektoniki i poetiki [Dostoevsky and Chekhov: Aspects of Architectonics and Poetics]. Nizhnii Novgorod, Dyatlovy gory Publ., 2017, 268 p. (in Russ.).

Е. А. Денисова

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

etak92@mail.ru

ОБРАЗ ЦВЕТКА СИРЕНИ КАК ЧАСТЬ РАСТИТЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЭФФИ «СЕМЬ ОГНЕЙ»

Рассматривается цикл «Белая сирень» из сборника Тэффи «Семь огней» (1910). В нем лирическая героиня отождествляет себя с цветком сирени. Анализируется авторская картина мира через мифопоэтику цикла. Сирень для Тэффи была особенным цветком не только в поэзии, но и в жизни, это подтверждает ее переписка с друзьями. В статье реконструируется модель мира Тэффи, сформированная на основе созданного автором мифа о сирени. Выявляются особенности цикла, связанные с поэтикой символизма. Тэффи актуализирует миф Вл. Соловьева о Вечной женственности, трансформирует мотив знойности, заданный еще французскими символистами и подержанный эстетикой отечественных поэтов. Цветок сирени никогда не занимал особого положения в поэзии символизма. Сирень Тэффи – это своеобразная пародия на оккультный символ розы, осознанное снижение ценностей символизма, насмешка над образами-символами. Она берет общие мотивы, но ставит в центр свое собственное ироническое мироощущение.

Ключевые слова: Тэффи, растительная символика, сирень, символизм, миф.

Об особом месте растений в картине мира Тэффи свидетельствует большое количество текстов (в первую очередь поэтических), в которых встречаются растительные образы.

В 1910 г. в издательстве «Шиповник» вышел первый поэтический сборник Тэффи «Семь огней». Книга стихотворений Тэффи изобилует растительной символикой. В каждом цикле появляются образы цветов: сирень, голубые цветы (ирисы), лилии, золотые хризантемы, ландыши, фиалки («фьялки») и др. Однако сборник делится на несколько небольших «каменных» циклов, посвященных семи огням: сапфиру, аметисту, александриту, рубину, изумруду, алмазу и топазу.

Среди этих циклов особо выделяется один, который «разбивает» историю камней: он посвящен сирени.

Это не может быть случайным: Тэффи очень требовательно относилась к отбору текстов, входящих в ту или иную книгу. В сборник «Семь огней» «...включена лишь малая часть из написанных и опубликованных к тому времени в периодике стихотворений» [Николаев, 1999. С. 22]. Цикл о сирени не является самостоятельным, он входит в цикл «Александрит». Заглавие каждого из «каменных» циклов было напечатано на отдельной странице с пустым оборотом; композиционно оно расположено посередине листа и набрано крупным шрифтом. Цикл «Александрит» открывается стихотворениями: «Александрит», «Мы тайнобрачные цветы...», «Я знаю, что мы не случайны...»; затем следует цикл «Белая сирень», название которого вынесено в верхнюю часть листа и набрано таким же шрифтом, как и заглавия стихотворений, ниже следует название первого стихотворения о сирени «Я» и его текст.

Поэтика цикла «Белая сирень» приближена к эстетике символизма, где в центре стоит знак-символ. Каждый из крупных поэтов-символистов выработал собственный набор ключе-

вых слов – «многозначных символов», стремящихся к глубокомысленному расширению и размыванию смысла («антиэмфаза») [Гаспаров, 1993. С. 16]. Новые смыслы могли возникать как из контекстов, заданных самим автором, так и из поля поэтической среды, в которой он находился.

Так, Тэффи выбирает свое слово-символ – сирень. Когда еще только зарождался символизм, для символов обычно выбирали «высокие» слова, позже это стало восприниматься как банальность. М. Л. Гаспаров писал: «Отсюда было два пути: один – в юмористическую поэзию, где многозначительность отсеивалась, и оставался не особенно приглядный богемный быт: по этому пути пошел П. Потемкин; другой – в нагнетание шокирующего безобразия, которое тоже притязало на символическое богатство смысла: отсюда нечисть и похабство в стихах Нарбута, “дохлая луна” и “червивые звезды” у Бурлюка, “запах псины” у Кручковых» [Там же. С. 21].

Сирень – нередкое явление в русской литературе. История сирени в русской литературе подробно описана в статье А. Ф. Белоусова «Акклиматизация сирени в русской поэзии» [1992]. Сирень в России стали культивировать в XVIII в. Но в поэзии ее образ не появлялся, так как, по мнению Белоусова, символическое значение цветов в русской поэзии XVIII – начала XIX в. определялось европейской культурной традицией, где сирень не имела поэтического образа. Образ сирени появляется в русской литературе этого времени, но не закрепляется. В 50-е гг. XIX в. происходит перелом: сирень обретает популярность благодаря стихотворению В. Крестовского «Под душистою ветвью сирени», которое знали в первую очередь как популярный городской романс. Сирень стала восприниматься как символ первой любви, что актуализируется и в романе И. Гончарова «Обломов». К 80-м гг. XIX в. образ сирени закрепляется в поэзии, и акцент образа отошел к «сладкому запаху сирени». Однако в поэзии символизма сирень никогда не занимала особого положения, как, например, роза. Но это и не герань, «снижающий» характер которой использовал П. Потемкин. Сирень – нечто среднее между этими двумя крайними точками. Тэффи своим цветком-символом создала лирическую шутку. Сирень становится частью личного мифа, при этом образ этого цветка в общем представлении приближается к быту. Это осознанное снижение символизма, насмешка над образами-символами. Сирень Тэффи – это своеобразная пародия на оккультный символ розы, ведь излишняя поэтизация уже успела надоесть.

Сирень действительно была особенным цветком для Тэффи, об этом говорит ее переписка 1909–1910 гг. с камерной певицей и писательницей Еленой Михайловной Шавровой-Юст (1874–1937). По-видимому, Елена Михайловна часто отправляла вместе с письмами цветы сирени для Тэффи: «Чувствую себя именинницей, сижу, жду деловых людей и люблюсь на любимую Сирень от любимой королевы»; «Дорогая Рэночка! Бесконечно тронута Вашей цветочной лаской!»¹. В одном из писем, жалуясь на свое плохое самочувствие, Тэффи в первую очередь упоминает отцветшую Сирень, тем самым сближая свое состояние с состоянием любимого цветка: «Милая Рене! Сирень отцвела. Больше недели хворала, лежала и злилась. На днях уйду или на юг или на север – ничего среднего не принимаю»². Слово «сирень» в письмах Тэффи написано с прописной буквы, независимо от позиции в предложении. Таким образом, Сирень для Тэффи была значимым растением не только в поэзии, но и в жизни.

Цикл о сирени состоит из четырех стихотворений: «Я», «Н. М. Минскому», «Песня о белой сирени», «Он был так зноен, мой прекрасный день...». В этом цикле лирическая героиня отождествляет себя с цветком сирени: «Я – белая сирень...».

Примеры выстраивания представлений о мире при помощи растительных образов встречаются довольно часто. В. Н. Топоров в статье, посвященной модели мира, обращается к мировому дереву как к универсальному образу, посредством которого можно отобразить «параметры вселенского пространства и правила ориентации в нем, временные, числовые, этические, генеалогические и иные параметры» [1982. С. 163].

В модели мира Тэффи сирень выступает в образе мирового дерева, так как именно она задает параметры и правила. Пространственные оппозиции *земля / небо* задаются в первом же стихотворении цикла:

¹ РГАЛИ. Ф. 560. Оп. 1. Ед. хр. 11.

² Там же.

Меж небом и землей сквозная светотень...
(«Я») [Тэффи, 1910. С. 31]³.

Сирень находится между этими двумя пространствами и может переходить из одного в другое:

– В день расцвета радостного лета
Распускалась белая сирень...
(«Песня о белой сирени», с. 33).

Распускается сирень на земле. А с концом дня сирень переходит в небесное пространство:

День угаснет, и уйду я снова
В тени ночи, призрачная тень...
– В снах бывшего неба золотого
Умирала белая сирень
(«Песня о белой сирени», с. 33).

Этот переход можно увидеть и на уровне рифмы:

Рифма	Название стихотворения
1. Сирень – светотень	«Я»
2. Сирень – надень	«Песня о белой сирени»
3. День – сирень	«Песня о белой сирени»
4. Тень – сирень	«Песня о белой сирени»
5. День – сирень	«Он был так зноен мой прекрасный день...»

Так, можно наблюдать своего рода «путешествие рифмы». В стихотворении «Я» Тэффи демонстрирует единство света и тени с помощью рифмы «сирень – светотень». Затем слово «сирень» рифмуется со словами «надень» и «день». В слове «надень» незримо (как звуко-комплекс) «присутствует» слово «день»: *надень*. Таким образом, подчеркивается связь сирени со светом. Затем день переходит в тень, т. е. теперь сирень ассоциативно связана с темной. Затем снова рифмуется со словом «день». Следует заметить, что слова «тень» и «день» отличаются лишь одной буквой, парными согласными, что делает их еще ближе друг другу. Таким образом, можно заметить неявное присутствие одного слова в другом и их смежность. Значит, сирень – это и свет, и тень, т. е. она способна существовать во всех типах пространства. А объединяя в себе и то, и другое одновременно, она становится общепространственным явлением. У слова «сирень» появляется еще и имплицитная, «смысловая» рифма: в стихотворении «Он был так зноен мой прекрасный день...» слова «сирень» и «любовь» на фонетическом уровне рифмой не являются. Однако рифма существует в визуальном восприятии читателя. Она образуется благодаря общей контекстуальной семантике двух слов:

Он был так зноен, мой прекрасный день!
И два цветка, два вместе расцвели.
И вместе в темный ствол срастались их стебли,
И были два одно! И звали их – сирень!

Я знала трепет звезд, неповторимый вновь!
(Он был так зноен, мой прекрасный день!)
И знала темных снов, последних снов ступень!..
И были два одно! И звали их – любовь!
(«Он был так зноен мой прекрасный день...», с. 34).

³ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках: после названия стихотворения указан номер страницы.

Лирическая героиня оказывается медиатором между земным миром и небесным:

Меж небом и землей, сквозная светотень...
(«Я», с. 31).

Внеземное происхождение героини отсылает к мифу о Софии Вл. Соловьева, где София должна была спуститься с небес на землю вместе с рассветом.

Для Вл. Соловьёва София есть «...единство истинное, не противоположающее себя множественности, не исключающее ее, но... всё в себе заключающее» [1911. С. 303–304]. Таким образом, мифопостроение Тэффи связано с идеей Вл. Соловьева о заключении, вбирании в себя:

Я – тысячи цветов в бесслитном сочетанье,
И каждый лепесток – звено одних оков.
Мой белый цвет – слиянье всех цветов,
И яды всех отрав – мое благоуханье!
(«Я», с. 31).

Складываются отношения: я = множество, т. е. вбирание в себя.

В философии Вл. Соловьева София, как некая сущность, не противопоставляет себя множественности. Лирическая героиня (сирень) Тэффи делает наоборот: сирень, состоящая из пяти лепестков, противопоставляется остальным «скучным» двулепестковым цветам:

Много, о много, нежных и скучных,
В мире печальном вянет цветов,
Двулепестковых, четносозвучных...
Счастье сирени – в пять лепестков!
(«Н. М. Минскому», с. 32).

Здесь противопоставляется множественность, связанная с парностью («двулепестковых», «четносозвучных»), и единственность в значении индивидуальности. Актуализируется идея единения, заключенная в парности, которая характерна для эстетики Серебряного века, когда сознание ориентируется на религию, духовность, но религию как часть культуры и искусства. Сближение происходит за счет того, что в сфере религии ценна красота, ее эстетическое начало. Культура и искусство же становятся духовной связью между Богом и реальностью. Эти идеи нашли выражение в философии Вяч. Иванова, Н. Бердяева. В. В. Бычков в статье «Эстетика Серебряного века» отмечал, что «истинный художник-символист грядущего, согласно Иванову, должен творчески реализовать в себе связь “с божественным всеединством”, пережить миф как событие личного опыта и затем выразить его в своем мистериальном творчестве» [Бычков, 2007. С. 50].

В стихотворении «Н. М. Минскому» противопоставляется единение и единственность:

Кто понимает ложь единений,
Горечь слияний, тщетность оков,
Тот разгадает счастье сирени –
Темное счастье в пять лепестков!
(«Н. М. Минскому», с. 32).

Слова «единение», «слияние», «оковы» противопоставляются сирени с ее пятью лепестками. Слова, объединенные семой 'единение', связаны со словами «ложь», «горечь», «тщетность», которые являются контекстуальными антонимами слову «счастье».

Таким образом, лирическая героиня не видит счастья в единении и противопоставляет себя ему.

Однако на протяжении всего цикла наблюдается динамика: завершающее цикл стихотворение «Он был так зноен, мой прекрасный день...» рассказывает о приятии единения. В этом стихотворении мифологический цветок сирени находит себе подобный. Тэффи создает образ, напоминающий Андрогина: два цветка сирени находятся в оппозиции. У них есть общие черты, синхронность развития, в которой формируется взаимосвязь и взаимодействие цвет-

ков. Тэффи старается соединить их, это видно по сочетаниям, которые она использует: «два цветка», «два вместе», «вместе <...> срастались». В итоге они оказываются одним целым: «и были два – одно». Два цветка срастаются в *одно*; это числительное среднего рода. Так можно говорить о появлении универсального объекта.

Кроме того, стихотворение Тэффи построено на семантике противопоставления «один» и «два», подобно циклу Вяч. Иванова «Венок сонетов», где через эти числа реализуются отношения общего и единственного, где два становится одним на некоем космическом уровне:

Мечты одной два трепетных крыла
И два плеча одной склоненной выи...
[Иванов, 1984. С. 415].

Так двум была работой красота
Единая, как мед двойного сота...
[Иванов, 1984. С. 416].

Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!
[Иванов, 1984. С. 411].

Стихотворение Тэффи «Он был так зноен мой прекрасный день...», подобно стихотворениям Вяч. Иванова, построено на семантике чисел «один» и «два»: «два цветка», «два вместе», «и были два – одно». Таким образом, в очередной раз становится видна связь творчества Тэффи с символизмом и его основными тенденциями.

Семантика чисел «один» и «два» реализуется также и в графике стихотворения. Две строфы формируют стихотворение как единое целое. Таким образом, числовая семантика выражается не только во внутренней организации, но и во внешних проявлениях – в композиционном приеме.

В поэзии Тэффи наслаиваются друг на друга несколько смысловых пластов. Цикл о сирени входит в «каменный» цикл «Александрит». Александрит – это камень, который также обладает некоторым двойственным началом, он способен менять цвет в зависимости от освещения: днем – изумруд, ночью – рубин. Не случайно Тэффи посвятила свой сборник семи драгоценным камням: писательница действительно увлекалась историей камней, она писала об этом в своих воспоминаниях: «Одно время – это было приблизительно в начале войны – я очень увлекалась камнями. Изучала их, собирала легенды, с ними связанные» [Тэффи, 2011. С. 310]. Двойственность александрита видна у Тэффи в первом же стихотворении, открывающем сборник «Семь огней»:

И бледнеет и горит,
Теша ум игрой запретной,
Обольстит двуцвет заветный,
Лживый сон – Александрит...
Ты, двуцвет, играй! Играй!
Все познай – и грех, и рай!
(«Семь огней», с. 8).

В своих воспоминаниях Тэффи приводит и исторические факты, связанные с этим камнем: «Александрит – удивительный наш уральский камень александрит, найденный в царствование Александра Второго и его именем названный пророчески. Носил в сиянии своем судьбу этого государя: цветущие дни и кровавый закат» [Тэффи, 2011. С. 311]. Таким образом, на личный мифопоэтический мир автора накладывается исторический контекст, а весь цикл является метафорой жизни Александра II. «Цветущие дни» Александра II буквально воплощаются в цветочных образах: сирени, голубых цветов. «Кровавый закат» императора особенно явно воплощен в стихотворении «Песня о белой сирени», где цветок умирает на закате:

День угаснет, и уйду я снова
 В тени ночи, призрачная тень...
 – В снах бывшего неба золотого
 Умирала белая сирень
 («Песня о белой сирени», с. 33).

В цикле «Белая сирень» Тэффи трансформирует мотив знойного дня, который встречается в поэтике символистов. Например, в стихотворениях «Распалённая зноем июльская ночь...», «Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» А. Блока, «Знойный день» В. Брюсова знойный день маркирован как особенное событие, связанное с заветным свиданием, появлением девы, затаившейся страстью. Все это отсылает к «соловьёвскому» мировоззрению, связанному с воплощением Вечной Красоты как единственного, уникального события, и с явлением Софии. Таково представление символистов, к поэтике Тэффи оно относится косвенно, а не прямо, так как она не только поэт, но и писатель-сатирик. Она скорее сама представит себя Софией, чем будет ждать ее появления вместе с утренней зарей. Героиня Тэффи в стихотворении становится представителем Софии. Она примеряет на себя роль персонажа мифа скорее в игровых, чем в мистических целях. Очевидно, что упоминание о знойном дне – некая игра с уже сформировавшейся традицией. Ее цветы появились в тот самый символистский «знойный день», и она сама отождествляет себя с цветком. Здесь есть некоторая доля шуток: все ждут чуда с Небес, а Тэффи показывает, что она сама как будто и есть это «чудо». И выбирает она не популярный среди символистов цветок – розу, а снижает их космические масштабы и притязания, рассказывая о самом земном и «бытовом» цветке сирени, способном породить «трепет звезд».

В цикле Тэффи «Белая сирень» можно найти и биографический контекст. Весь цикл стихотворений о сирени, можно рассматривать как диалог с поэтом Николаем Максимовичем Минским (1855–1937). Тэффи познакомилась с ним на вечерах у Зои Яковлевой. Позже они вместе работали в газете «Новая Жизнь». Известно было, что между ними завязались романтические отношения. В цикле Тэффи «Белая сирень» встречаются явные переключки с одним из стихотворений Н. Минского «В моей душе любовь восходит...» из цикла «С восточного».

Первое, что обращает на себя внимание в стихотворении Н. Минского, – это упоминание о солнце, которое порождает зной:

В моей душе твой взор холодный
 То солнце знойное зажег.
 Ах, если б я тем знойным солнцем
 Зажечь твой взор холодный мог!
 [Минский, 1888. С. 138]

Повторяющееся указательное местоимение (*то, тем*) дает понять, что *знойное солнце* – это не случайный образ, а вполне конкретный. Стихотворение Н. Минского было написано значительно раньше, чем вышел сборник Тэффи «Семь огней» – в 1880-е гг. Возможно, оно стало источником вдохновения для Тэффи, началом диалога двух поэтов. Мотив зноя, знойного солнца является одним из самых явных и доминирующих в стихотворении «В моей душе любовь восходит...» и цикле Тэффи «Белая сирень».

В стихотворении Н. Минского любовь является причиной появления стройных песен, которые сравниваются с «ароматными цветами». В стихотворении Тэффи «Он был так зноен, мой прекрасный день...», благодаря скрытой рифме также сближаются понятия 'любовь' и 'сирень' (ароматный цветок).

В стихотворениях двух поэтов можно наблюдать аналогичные оппозиции: у Тэффи – *тьень / свет*, у Н. Минского – *холод / зной*. Очевидно, что у Тэффи складывается многогранная игра: ее стихотворение – это не только полемика с символистами, но и личный разговор двух поэтов, и метафора жизни императора.

Цикл состоит из четырех стихотворений: первое рассказывает о Ней, второе – о неприятной идеи единения (стихотворение озаглавлено «Н. Минскому», следовательно, второе стихотворение можно воспринимать, как стихотворение для Него и о Нем), третье – о желании сближения, четвертое – принятие единения. Здесь поэт «переживает миф как событие лично-

го опыта», реализуя в себе связь с «божественным всеединством», и выражает это в творчестве. Из контекста цикла становится ясным, что два цветка – это конденсат личного опыта автора, в котором мистическая идея всеединства реализуется в истории сращения двух цветков, заключенной в двух строфах заключительного стихотворения цикла «Он был так зноен, мой прекрасный день...».

Мотив знойности (лета, солнца, аромата) можно найти еще в традиции французских символистов: Верлена, Рембо, Бодлера. Позже его подхватили поэты Серебряного века, переработали и получили новые коннотативные значения. «“Солнце” у Бальмонта (сборник “Будем как солнце”) – символ жизненного, стихийного, неистового, праздничного; “солнце” у Сологуба (“змий, царящий над вселенною”) – символ иссушающего, дурманящего, мертвящего» [Гаспаров, 1993. С. 19]. Подобное происходит и в творческой лаборатории Тэффи: она берет уже известный в культуре материал, накладывает на него свой личный опыт, не забывая добавить иронии, без которой не обходится ни одно из ее сочинений, и, таким образом, строит собственную уникальную картину мира. В этом и есть особенность ее поэзии: бегло взглянув, можно и не заметить, что эти стихотворения не просто лично-интимная лирика, но нечто большее. Тэффи нельзя назвать символистом, но она пользовалась приемами символистов: как и они, она представляла реальность с помощью намека, но при этом она не использовала «пышных» средств выражения. Напротив, ее символы оставались на уровне бытовых вещей, а не становились масштабными мифологемами. Она берет общие мотивы, но в центр ставит свое собственное ироническое мироощущение. Так складывается ее личный миф – «миф о сирени». Тэффи через свой личный и поэтический опыт переосмысляет реальность и тот культурно-литературный контекст, в котором она существовала. Таким образом, появляется новый – и неожиданный – угол зрения, позволяющий прочесть историю и поэтику Серебряного века.

Список литературы

- Белоусов А. Ф. Акклиматизация сирени в русской поэзии // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 311–322.
- Бычков В. В. Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 47–57.
- Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия Серебряного века, 1890–1917: Антология / Отв. ред. М. Л. Гаспаров, И. В. Корецкая. М.: Наука, 1993. С. 5–44.
- Иванов Вяч. И. Cor Ardens – часть вторая // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. Т. 2. С. 393–535.
- Минский Н. М. Стихотворения. Издание второе. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 246 с.
- Николаев Д. Д. Концепция «книги» в творчестве Н. А. Тэффи // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. С. 20–40.
- Соловьев Вл. С. Россия и Вселенская Церковь / Пер. с фр. Г. А. Рачинского. М.: Путь, 1911. 452 с.
- Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 161–164.
- Тэффи Н. А. Семь огней. СПб.: Шиповник, 1910. 120 с.
- Тэффи Н. А. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. И. Владимиров. М.: Книготек, 2011. Т. 5: Земная радуга: Сборник рассказов. Воспоминания. 400 с.

E. A. Denisova

*Institute of Philology SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

etak92@mail.ru

THE IMAGE OF THE LILAC FLOWER AS PART OF THE FLORAL SYMBOLISM IN THE TEFFI'S COLLECTION OF POEMS «THE SEVEN LIGHTS»

A large number of texts (primarily poetic ones) in which floral images occur are indicative of the special place of plants in the Teffi's picture of the world. In 1910, the publishing house «Shipovnik» published the first poetry collection of Teffi «The Seven Lights». The book of poems by Teffi abounds in floral symbolism. However, the collection is divided into several small cycles dedicated to the seven gemstones. Among these cycles, one stands out; it «breaks» the history of stones and is dedicated to lilacs. The article focuses on the consideration of the cycle – «White Lilacs». In it, the lyrical heroine identifies herself with the flower of the lilac.

The article is devoted to the author's picture of the world through the mythopoetics of the cycle of poems about lilac. Lilac for Teffi was a special flower, not only in poetry, but also in her life: this is confirmed by her correspondence with friends. The article reconstructs the model of the Teffi's world, which is formed on the basis of the author's myth about the lilac. In the Teffi's world model, the lilac appears in the image of the world tree, since it specifies the spatial parameters and the orientation rules in it. The article reveals the features of the cycle connected with the poetics of symbolism. The poet of the cycle «White Lilac» is close to the aesthetics of symbolism, where the symbol stands in the center. However, in the poetry of symbolism, the lilac never occupied a special position, like a rose. The lyrical heroine is a mediator between the earthly world and the heavenly. The extraterrestrial origin of the heroine refers to the V.I. Solovyov's myth of Sophia, where Sophia was to descend from heaven to earth together with the dawn. In this way Teffi actualizes the V.I. Solovyov's myth about the Eternal Femininity, transforms the motif of sultry, set by the French Symbolists and supported by the Russian poets' aesthetics. In addition, the author actualizes the idea of unity, which is characteristic of the aesthetics of the Silver Age. One of the poems of the cycle «White Lilac» is similar to the cycle of Vyacheslav Ivanov «The Sonnet Wreath» is based on the semantics of the numbers «one» and «two». Here again, the connection of Teffi's creativity and the main tendencies of symbolism is noticeable. Teffi's lilac is a kind of parody of the occult symbol of the rose: it becomes part of the personal myth of the author, while the image of this flower in a general view is approaching everyday life. This is a deliberate decline in symbolism, a mockery of image-symbols. She takes common motives, but puts her own ironic worldview at the center.

Keywords: Teffi, floral symbolism, lilac, symbolism, myth.

References

Belousov A. F. Akklimatizatsiya sireni v russkoi poezii [Acclimatization of lilacs in Russian poetry]. *Sbornik statei k 70-letiyu prof. Yu. M. Lotmana* [Collection of articles for the 70th anniversary of prof. Yu. M. Lotman]. Tartu, 1992, p. 311–322. (in Russ.)

Bychkov V. V. Estetika Serebryanogo veka: prolegomeny k sistematicheskemu izucheniyu [Aesthetics of the Silver Age: prolegomena to systematic study]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2007, № 8, p. 47–57. (in Russ.)

Gasparov M. L. Poetika «serebryanogo veka» [Poetics of the «Silver Age»]. *Russkaya poeziya Serebryanogo veka, 1890–1917: antologiya* [Russian poetry of the Silver Age, 1890–1917: anthology]. Ed. by M. L. Gasparov, I. V. Koretskaya. Moscow, Nauka, 1993, p. 5–44. (in Russ.)

Ivanov Vyach. I. Cor Ardens – chast' vtoraya [Cor Ardens – part two]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 4 vols. Brussels, Foyer Oriental Chretien, 1974, vol. 4, p. 393–535. (in Russ.)

Minskiy N. M. Stikhotvoreniya. Izdanie vtoroe [Poems. Second edition]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 1888, 246 p. (in Russ.)

Nikolaev D. D. Kontseptsiya «knigi» v tvorchestve N. A. Teffi [The concept of «books» in the work of N. A. Teffi]. *Tvorchestvo N. A. Teffi i russkiy literaturnyy protsess pervoy poloviny XX veka* [Creativity N.A. Teffi and the Russian literary process of the first half of the twentieth century]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, p. 20–40. (in Russ.)

Solov'ev Vl. S. Rossiya i Vselenskaya Tserkov' [Russia and the Universal Church]. Trans. by G. A. Rachinskii. Moscow, Put' Publ., 1911, 452 p. (in Russ.)

Teffi N. A. Sem' ognei [Seven lights]. St. Petersburg, Shipovnik, 1910, 120 p. (in Russ.)

Teffi N. A. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 5 vols. Comp. by I. Vladimirov. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2011, vol. 5: Earth Rainbow: Collection of short stories; Memories, 400 p. (in Russ.)

Toporov V. N. Model' mira (mifopoeticheskaya) [Model of the world (mythopoetic)]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]. In 2 vols. Moscow, 1982, vol. 2, p.161–164. (in Russ.)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

А. А. Кретов, О. М. Воевудская, И. А. Меркулова, В. Т. Титов
Единство Европы по данным лексики
(Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с.)

Рецензируемая монография представляет собой фундаментальный труд авторского коллектива, посвященный исследованию лексического ядра европейских языков. Авторы справедливо указывают на то, что системное описание лексики остается одной из важнейших и сложнейших задач современной лингвистической науки, поэтому такая попытка априори заслуживает внимания и высокой оценки. Прежде всего впечатляет эмпирическая база работы: охват материала необычайно велик. Анализу были подвергнуты 35 государственных языков европейских стран, представленных словарями-источниками (их список включает 61 позицию). Методика описания и сопоставления была предложена и апробирована ранее в трудах авторов данного исследования, а кроме того в работах О. В. Богдановой, Т. А. Казаковой, Д. С. Воевудского, Е. В. Долбиловой, также представляющих Воронежскую лингвистическую школу.

Предлагаемая гипотеза базируется на представлении о существовании лексического ядра языка, выделение которого осуществляется по нескольким параметрам: функциональному (оценивается по длине слова), синтагматическому (оценивается по возможности образовывать фразеологизмы), эпидигматическому (оценивается по количеству значений), парадигматическому (оценивается по длине синонимического ряда). Безусловно, данные параметры отражают сущностные характеристики лексической системы языка и, следовательно, являются необходимыми при выделении и описании ее ядра. Вопрос, однако, заключается в том, насколько они соответствуют формуле «необходимые и достаточные». Закрыт список этих критериев или он может быть продолжен (если не в этом, то в дальнейших исследованиях)? В частности, напрашивается мысль о таком критерии ядерности, как частотность лексем в текстах конкретного языка. Авторы монографии косвенно затрагивают этот вопрос (правда, лишь на с. 297, в разделе, посвященном новогреческому языку). Так, они пишут о существовании «давно выявленной зависимости длины слов от их частотности: самые употребительные слова языка всегда и самые короткие, слова максимальной длины встречаются крайне редко» (с. 297). Однако это утверждение звучит, на наш взгляд, не вполне корректно, не будучи подкрепленным ссылками и точными данными. Знакомство с частотными словарями русского языка (см., например, [Ляшевская, Шаров, 2009]) наводит на мысль о возможности некоторой корректировки данного положения. При этом мы осознаём, что получение сведений о частотности лексем всех рассмотренных языков может быть весьма затруднительным, а их обработка также представит собой непростую задачу. Но, по нашему мнению, такой вопрос правомерен, тем более что частотность напрямую коррелирует с функциональностью лексемы.

В работе последовательно подвергаются параметрическому анализу славянские, германские, романские (включая латынь), финно-угорские, балтийские языки, а также языки, принадлежащие к разным языковым группам и семьям (среди последних – новогреческий, албанский, турецкий и ирландский). В монографии этому посвящены первые шесть глав. В соответствии с предложенной концепцией авторы описывают ядерную лексику этих язы-

Белякова С. М. Рецензия на книгу: Кретов А. А., Воевудская О. М., Меркулова И. А., Титов В. Т. Единство Европы по данным лексики (Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с.) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 164–166.

ков, что наглядно демонстрируется таблицами, графиками и схемами. Такое описание, несомненно, обладает высокой информативностью и в значительной степени закрывает имеющиеся в лингвистической науке лакуны подобного рода. Перед нами типологическое исследование (которое может быть отнесено и к ареальной лингвистике), в то же время учитывающее генезис языков. Размеры параметрических ядер составляют около тысячи единиц, хотя авторы признают, что такое количество не всегда достижимо (это касается, например, материалов испанского языка).

Одним из постулируемых в работе положений является то, что заявленный подход «позволяет исследовать ментально-языковую кластеризацию государств Европы» (с. 3). И с такой постановкой вопроса трудно не согласиться, ибо отражение в структурах языка (и особенно в лексическом составе) мировосприятия его носителей в наше время практически никем не оспаривается, следовательно, может быть каким-то образом формализовано и сопоставлено. В свете этого весьма интересны полученные в результате анализа параметрических ядер и ранжирования лексики выводы, характеризующие особенности ментальности некоторых народов Европы, в том числе их системы ценностей (в связи с чем введен удачный термин *аксиологема*). В частности, имеются наблюдения такого рода, касающиеся носителей английского, нидерландского, фризского, каталанского, новогреческого и некоторых других языков. Но при этом такие комментарии даются избирательно, и мы ничего не узнаём о французской, норвежской или чешской ментальности, а также о многих других. (Особенное сожаление вызывает «невнимание» к славянам.) Причины этого остались нам неизвестны. Возможно, ядерная лексика данных языков не дает материала для подобных обобщений (хотя это представляется странным), во всяком случае в работе такая непоследовательность никак не комментируется.

Седьмая глава содержит материалы, касающиеся компьютерного генерирования лингвокультурного пространства языков Европы. С опорой на данные о близости лексико-семантических систем пар языков (это определяется по особому коэффициенту корреляции) была создана лингвистическая карта нового типа, характеризующая не географические, а культурно-языковые связи, которые формируют общее пространство. В соответствии с ней доминантой и ядром (причем наиболее компактным) такого европейского пространства являются германские языки, что будет подтверждено позже и другими показателями.

Две последние главы (восьмая и девятая) представляют собой содержательную интерпретацию полученных данных. Авторы, обращаясь к известному понятию «среднеевропейский языковой стандарт», предложенному Б. Уорфом, убедительно показывают, как «европейские языки членят внеязыковую действительность средствами лексики» (с. 363). В соответствии с «Древом Порфирия» произведена классификация ядерной лексики европейских языков. Одним из интересных и для нас несколько неожиданных выводов стал вывод о преобладании в ней абстрактных лексем (59 %). Также любопытным фактом является «бедность» класса «Бог» и низкий ранг соответствующей лексики. Антропоцентричность же лексического ядра выглядит вполне традиционно, подтверждая многочисленные лингвистические наблюдения подобного рода, произведенные на материале отдельных языков.

Далее авторы рассматривают «уникальные лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков» (с. 382), названные новым термином *эксклюземы*. Таким путем определяются связи конкретного языка с другими языками, т. е. его аттрактивность. Предложенная методика позволила установить, что наибольшей силой связи внутри языковой группы обладают германские языки, демонстрирующие свой приоритет и в этом отношении. На втором месте находятся славянские языки, но у них этот показатель в четыре раза меньше, чем у германских. Последние места в этой иерархии занимают романская и балтийская группы. Однако авторы предупреждают, что эти данные не следует абсолютизировать, так как по объективным причинам были исследованы разные объемы словарей-источников, а следовательно, параметрические ядра разных размеров.

Таким образом, колоссальный объем фактического материала, методологическая точность и убедительность предложенных методик позволяют считать полученные результаты значительным вкладом в лингвистическую науку, в решение тех проблем, которые составляют ее передовой край. Авторам удалось успешно решить поставленную перед ними сложнейшую задачу.

Говоря о перспективе исследования, отметим, что в ней можно было бы увидеть сопоставление полученных результатов с известным «списком Сводеша» [Сводеш, 1965], из которого «вычищены» местоимения и служебные слова.

В заключение мы хотим еще раз подчеркнуть теоретическую основательность, капитальность этой работы. Несомненно, она обогащает и теорию языка, и сопоставительную лексикологию, и типологическую лингвистику новыми идеями и перспективной методологией. Некоторые наши частные замечания и вопросы лишь подтверждают научную значимость и актуальность труда, не оставившего рецензента равнодушным.

Представляется, что монография будет интересна и полезна многим филологам, занимающимся сходной проблематикой, а в силу охвата материала это весьма широкий круг исследователей. Не сомневаемся, что книга будет активно использоваться как в научной работе, так и в учебном процессе.

Список литературы

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.rusland.ru/freq.php> (дата обращения 09.07.2017).

Сводеш М. Лингвистические связи Америки и Евразии // *Этимология*. 1964. Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965. С. 272–311.

References

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Chastotnui slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazuka) [Quantitative Dictionary of Modern Russian Language (Based on Russian National Corpus)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. Accessed at: <http://dict.rusland.ru/freq.php> (09.07.2017). (in Russ.)

Svodesh M. Lingvisticheskie svyazi Ameriki i Evrazii. Etimologiya 1964. Printsipy rekonstruktsii i metodika issledovaniya [Linguistic Relations in America and Eurasia. Etymology. 1964. Principles of Reconstruction and Methods of Research]. Moscow, 1965, p. 272–311. (in Russ.)

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, Тюменская обл., 625003

smbelyakova@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 14.07.2017

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абжапарова Майя Даулетовна** – аспирант Новосибирского государственного университета
- Алмадакова Надежда Дмитриевна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра истории и культуры тюрков Горно-Алтайского государственного университета
- Белякова Светлана Михайловна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета
- Борисова Лидия Александровна** – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета
- Глазунова Ольга Игоревна** – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института филологических исследований филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
- Горбунова Людмила Ивановна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета
- Денисова Екатерина Андреевна** – аспирант Института филологии СО РАН, Новосибирск
- Димитриева Екатерина Валерьевна** – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Долгушин Дмитрий Владимирович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета
- Инютина Людмила Александровна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета; заведующая кафедрой русского языка Новосибирского высшего военного командного училища
- Ким Игорь Ефимович** – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета
- Ковалева Дарья Игоревна** – аспирант Института филологии СО РАН, Новосибирск
- Кузнецова Елена Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета
- Куцаева Марина Васильевна** – аспирант кафедры лингвистической семантики Московского государственного лингвистического университета
- Подалко Петр Эдуардович** – профессор университета Аояма Гакуин, Токио, Япония
- Синякова Людмила Николаевна** – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы XIX–XX вв. Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Смирнова Ольга Владимировна** – аспирант кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета; преподаватель кафедры русского языка Новосибирского высшего военного командного училища
- Шагаева Светлана Александровна** – магистр филологии, преподаватель-исследователь русского языка, Центр международных учебных программ Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Ююкина Людмила Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан
- Янь Цинвэнь** – аспирант кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ» ВЫПУСК «ФИЛОЛОГИЯ»

Правила оформления рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом не более 0,4 авторского листа (10 страниц, 16 тыс. знаков), включая иллюстрации (одна иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Редакция каждого выпуска имеет право принимать статьи меньшего объема в зависимости от наполняемости портфеля выпуска. Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

В конце статьи, рецензии, заметки необходимо указать полностью имя, отчество, фамилию автора, ученую степень и звание, должность, учреждение (название кафедры, вуза и т. п.), в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, а также адрес электронной почты, домашний адрес и телефон.

Рукопись должна удовлетворять требованиям к оформлению текста (см. далее), быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Каждая рукопись рецензируется. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы современной лингвистики, отличающиеся новизной, написанные на достаточно репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпусков «Филология» ориентировано на следующие научные специальности:

- 10.02.01 – русский язык
- 10.02.19 – теория языка
- 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
- 10.01.01 – русская литература

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редакцию распечатанной на бумаге форматом A4 и в электронной версии, выполненной в формате WinWord (.rtf). Размер кегля 14 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;
- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

На первой странице текста статьи указываются УДК, инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail. Ниже даются название статьи, аннотация (2 000 знаков включая пробелы) и ключевые слова (не больше 10) на русском языке. Далее идет текст статьи, который заканчивается списком литературы и, при необходимости, списками источников и условных сокращений терминов, географических названий и т. д. Затем повторяются инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

Е. К. Иванова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

philology@gf.nsu.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

В статье систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова: термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы.

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников

Материал поступил в редколлегию 15.09.2008

E. K. Ivanova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

philology@gf.nsu.ru

**STUDIES OF PLANT-NAMES AND AN ETHNIC WORLD IMAGE:
DEFINING THE PROBLEM**

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords: linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms.

В лингвистических статьях выпуска «Филология» «Вестника НГУ» иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение) в тексте статьи выделяется курсивом; толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки «...»; имя концепта набирается прописными буквами курсивом (например: концепт *ЗНАНИЕ*, концептосфера *РЕЛИГИЯ*). Цитаты заключаются в кавычки-«ёлочки» («...»); если внутри цитаты имеется цитатная вставка, то последняя выделяется кавычками-«лапками» («... “...”...», «... “...”»»). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста приводится после примера в круглых скобках, например:

«Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках. Чтобы при необходимости смотреть на финансовые проводки сквозь пальцы?» (Новая газета. 2007. № 7). Если иллюстративный материал взят из интернет-ресурса, то ссылка на такой источник дается под текстом на этой же странице (в поле сноски). Если на один и тот же интернет-источник делается несколько ссылок, то такой источник указывается в списке источников в конце статьи (например: НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>).

Библиографические ссылки в публикации даются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания работы, страница, например, [Виноградов, 1977. С. 57]; повторная ссылка оформляется [Там же] или [Там же. С. 48]. В конце статьи в алфавитном порядке без нумерации помещаются список литературы, список источников, а также, при необходимости, список условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также жанр издания, в котором она опубликована (моногр., коллект. моногр., сб. ст., сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор (под ред.), название издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются курсивом.

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка: Моногр. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1981. 364 с.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение: Моногр. / Пер. с англ. В. В. Морозова, И. Б. Шатуновского; под ред. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.

Лихачев Д. С. Поэтика садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст: Моногр. 3-е изд. М.: Изд-во «Согласие», ОАО «Типография «Новости»», 1998. 356 с., илл.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: Моногр.: В 2 ч. / Под ред. Н. А. Лукьяновой. Новосибирск, 2003. Ч. 2. 208 с.

Коллективная монография (все авторы должны быть перечислены)

Родичкин И. Д., Родичкина О. И., Гринчак И. Л., Сергеев В. С., Фешенко П. И. Сады, парки и заповедники Украинской ССР. Заповедная природа. Преобразованный ландшафт. Садово-парковое искусство: Моногр. Киев, 1985. 348 с.

Раздел в монографии

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Графова Т. А., Латина О. В., Лукьянова Н. А., Маслова В. А., Сандомирская И. И., Телия В. Н., Шахнарович А. М. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности: Коллект. моногр. / Под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

Статья в сборнике

Бондарко А. В. Актуализационные элементы семантики глагольного вида // Русское слово и русский текст: история и современность: Сб. науч. ст., посвящ. чл.-корр. РАО, проф. В. А. Козыреву / Под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 17–22.

Шмелев А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С.452–466.

Статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале

Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопр. языкознания. 1964. № 3. С. 3–15.

Фокина О. Н. Специфика художественного повествования в романе М. Комарова «Жизнь Ваньки Каина» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 2: Филология. С. 88–92.

Тезисы докладов, сборники докладов, материалы конференций

Бабенко Л. Г. Об изучении коммуникативной функции слова на занятиях по лингвистическому анализу художественного текста: Тез. докл. региональной науч.-метод. конф. «Актуальные проблемы методической работы в школе и вузе». Томск, 1997. С. 20.

Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика и ее изучение в советском языкознании // Семантика языковых единиц: Докл. V Междунар. конф. М., 1996. Т. 1. С. 60–62.

Харчевников Е. А. Прецедентные ситуации в рассказах Т. Толстой // Материалы XLVI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание / Новосибирск, 2008. С. 30–32.

Автореферат диссертации

Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2003. 51 с.

Останин Е. В. Семантическая эволюция слова (на материале глагола *гореть* и его дериватов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 27 с.

Рецензия

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 145.

Учебники, учебные пособия, хрестоматии

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учеб. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Камчатов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 688 с., илл.

История синтаксических учений в России: Материалы к курсу «Современный русский язык: синтаксис простого предложения» / Сост. Н. Б. Кошкарёва, Е. С. Кузнецова / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. 266 с.

Словари

Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева, В. Н. Телия, И. Н. Черкасова; под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Вып. 1–17.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 17.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Иллюстрации (черно-белые и цветные рисунки и фотографии) представляются в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм.

Электронные версии рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует прилагать отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения – 190 × 270 мм.

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf),

Автор, передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения.

Распространение «Вестника НГУ» осуществляется через ОАО «Роспечать», подписной индекс – 18283.

Адрес редакционной коллегии
серии «История, филология» (выпуск «Филология»)

ул. Пирогова, 1, НГУ, кафедра общего и русского языкознания
или кафедра русской литературы
Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (8 383) 363 42 30

E-mail: philology@gf.nsu.ru